ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

PHENE DE LA PRINCIPATION DE LA P

УБИЙСТВО НА РОЖДЕСТВО

ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ

ДУНКАН ДУНКАН

Фрэнсис Дункан – мастер классического британского детектива 1940-х – 1960-х гг. Долгое время никто не знал, что под этим псевдонимом скрывался скромный преподаватель Уильям Андерхилл.

И только много лет спустя после смерти Андерхилла, когда его произведения о приключениях талантливого детективалюбителя Мордекая Тремейна и его друга инспектора Джонатана Бойса стали широко известны, дети писателя раскрыли «тайну» Фрэнсиса Дункана прессе.

ДУНКАН ДУНКАН

УБИЙСТВО НА РОЖДЕСТВО

ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ

УДК 821.111-312.4 ББК 84(4Вел)-44 Д83

Серия «Золотой век английского детектива»

Francis Duncan

MURDER FOR CHRISTMAS MURDER HAS A MOTIVE

First published by Vintage, an imprint of The Random House Group Limited.

Перевод с английского *Т. Осиной* («Убийство на Рождество»), У. Сапциной («Для убийства есть мотив»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения издательства The Random House Group Limited и Andrew Nurnberg.

Дункан, Фрэнсис.

Д83 Убийство на Рождество ; Для убийства есть мотив : [сборник] / Фрэнсис Дункан ; [пер. с англ. Т. Осиной, У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-102226-6

Мордекай Тремейн, человек тихий и одинокий, без особой охоты отправился на празднование Рождества в роскошном загородном доме Бенедикта Грейма, ведь он и знать не знал никого из присутствовавших, кроме хозяина и его секретаря. Однако долго скучать ему не пришлось — в рождественскую ночь под елкой обнаружился весьма неожиданный и мрачный подарок — труп в костюме Санта-Клауса. Что еще хуже, все указывало на то, что убийца по-прежнему в доме...

Мордекай Тремейн, приехав в тихую деревушку в гости к друзьям, внезапно оказывается втянут в расследование таинственного убийства, жертвой которого стала очаровательная Лидия Дэр. Поначалу полиция подозревает влюбленного в жертву известного археолога, с которым Лидия внезапно порвала незадолго до своей гибели. Но очень скоро за первым убийством следует и второе, причем преступник словно бы черпает вдохновение в мрачной пьесе, которую ставят на любительской сцене местные театралы...

УДК 821.111-312.4 ББК 84(4Вел)-44

- © Murder for Christmas. Francis Duncan, 2017
- © Murder Has a Motive. Francis Duncan, 2018
- © Перевод. Т.А. Осина, 2017
- © Перевод. У.В. Сапцина, 2017
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

Никто не мог предвидеть подобного конца. Даже сам убийца.

Нельзя сказать, что преступление было наспех задумано и неаккуратно исполнено. Большинство злоумышленников стремятся жить дальше, чтобы насладиться плодами собственного коварства. Они сознают, что любой неосторожный шаг способен привести на виселицу, понимают, что ошибка означает провал. В данном случае убийца также в полной мере обладал и желанием получить выгоду, и представлением о зыбкости границы между безопасностью и катастрофой.

Однако ни один созданный человеком план — даже дьявольски изощренный — не в состоянии идеально воплотить в жизнь тщательно продуманную теорию. Где-нибудь по ходу исполнения, в разгар процесса, непременно возникнет непредсказуемая и невероятная, неожиданная и неведомая случайность.

Полная луна светила подобно театральному софиту. Круглый диск двигался по сцене, словно прожектор, переключаясь с крупного плана на общий свет, переходя с резко выхваченного отчетливого образа на глубокую тьму.

Снег стих, однако небо не прояснилось. Тучи по-прежнему угрюмо нависали над белым пространством, не желая расставаться с только что вырвавшейся на свободу пленницей. Время от времени они угрожающе сбивались в кучу и давили на беспомощную, испуганную землю, а потом бессильно раздвигались, пропуская поток ослепительного, безжалостно холодного сияния.

В лунном свете каждая деталь проступала с графической четкостью: черно-белые крыши прилепившейся к склону холма деревни; кривые голые ветви растущих вдоль дороги дубов; поднимающаяся к небу череда гладких белых возвышенностей; массивный дом из серого камня с ажурным узором заснеженного девичьего винограда на стенах.

Из деревни донесся колокольный звон, прозвучавший в темноте траурным отголоском — неуловимым, но угрожающим, — и воображение трусливо предсказало наступление мрачного часа.

Но как только луна осветила пейзаж, таинственный страх мгновенно рассеялся. Колокол больше не предвещал беду. Теперь радостная музыка старинной церкви триумфально летела над белым простором.

Пейзаж предстал ожившей рождественской открыткой: в эту минуту даже оленья упряжка на фоне заснеженных холмов вовсе не показалась бы фальшивой. И уж тем более никого не удивила бы фигура в облачении Санта-Клауса, быстро шагавшая по просторной террасе. Что ни говори, а в сочельник чудесные события — особенно в волшебной обстановке — вполне ожидаемы.

Несмотря на поздний час, еще не все обитатели большого дома спали. В одном из окон верхнего этажа по-прежнему горел свет. Время от времени пространство пересекала темная фигура.

Существовали и другие — не столь очевидные — признаки человеческой деятельности. Когда луна скрывалась за облаками, внимательный наблюдатель мог заметить в окнах первого этажа слабое мерцание. Источник света менял положение, будто кто-то украдкой ходил из комнаты в комнату со свечой или слабым электрическим фонариком в руке.

На улице, скрытые снегом и тьмой, притаились безмолвные неподвижные фигуры. Не заметные ни обитателям дома, ни друг другу, они пристально следили за происходящим, дожидаясь возможности вступить в игру.

Царила напряженная, полная дурных предчувствий атмосфера, обещавшая фантазию и тайну, насилие и смерть. Казалось, время медленно, неохотно, с затаенным — и оттого особенно острым — ужасом двигалось к жестокой развязке.

И вот наконец развязка наступила.

Роковое событие свершилось в тот момент, когда затих колокол, а лунный свет вновь проник сквозь облака и мягко рассеялся по белому покрывалу, обнажив зыбкую линию следов. Холодное сияние равнодушно вырвало из мрака приоткрытое французское окно, влажные отпечатки ног на полированном полу и фигуру Санта-Клауса, лежавшего лицом вниз около обезображенной рождественской елки.

Развязка наступила с женским криком — высоким, отчаянным, полным невыразимого ужаса.

Глава 1

— Уверена, что все обязательно так и будет! — взволнованно воскликнула Дени.

Из недр развернутого к камину глубокого мягкого кресла раздался голос:

- Что именно?
- Старомодное Рождество! Дени отвела взгляд от свинцового неба и восторженно замерла, заметив первые снежинки, особенно трогательные на фоне темной листвы лавровой аллеи. Вот он, Роджер! Настоящий, восхитительный, сахарный снег!

В глубоком кресле застонали:

— Кошмар! Мокрая, мерзкая, отвратительная каша. К тому же придется терпеть проказы деревенских мальчишек. Заранее представляю: не успеешь выйти за ворота, как за шиворот полетит холодный комок. Брр!

Дени Арден радостно рассмеялась. Подобный смех разрушал самообладание Роджера Уинтона. Конечно, он ее любил. Любил с тех самых пор, когда однажды ехал на машине по узким извилистым улочкам старинной деревни Шербрум, неосторожно свернул за угол и напугал ее лошадь, немедленно превратившись в объект праведного гнева.

Случилось это в начале прошлого года. В морозный день дороги окаменели, а порывы ледяного ветра нарисовали на щеках Дени Арден розы и причудливо взбудоражили каштановые локоны. Не замечая бури негодования, Роджер любовался стройной фигурой в амазонке с таким искренним и открытым поклонением, что, несмотря на холод, лицо девушки запы-

лало. Чувствуя, что теряет власть над ситуацией, Дени в последний раз сердито тряхнула пышными кудрями и удалилась.

Вернувшись домой, Уинтон немедленно навел справки. Он принадлежал к семейству, чья фамилия, пусть и в различном написании, многократно фигурировала в исторических хрониках Шербрума, однако годы, отданные изучению архитектуры и длительному заграничному турне, ослабили связь с родным краем. Разумеется, нелегко было узнать в волшебном видении одну из нескладных веснушчатых деревенских девчонок.

Загадка разрешилась просто: выяснилось, что Шербрум-Хаус больше не пустует. Массивный серый замок, расположенный поодаль от деревни, однако властно довлевший над заросшими мхом крышами, в детстве казался волшебным. Запущенный сад и медленно приходившие в упадок надворные постройки оживали в воображении, наполняясь храбрыми благородными героями.

Мелвины прибыли в Шербрум, когда первый сэр Хьюго, переплывший Ла-Манш в составе войска Вильгельма Завоевателя, отправился на запад. Шербрум-Хаус стал резиденцией местной власти. Сама королева Елизавета почтила замок пятидневным пребыванием в знак благодарности сэру Реджинальду Мелвину. Монарший визит состоялся вскоре после того, как достойный воин на собственном корабле принял участие в разгроме Армады у скалистых берегов владений грозной девственницы. Милость ее величества пробила невосполнимую брешь в казне сэра Реджинальда, однако принесла ему почетный титул барона.

Для Мелвинов, баронов Шербрум, то были великие дни, но за близость к трону пришлось дорого заплатить. Оставаясь роялистами на территории, подконтрольной парламенту, они тяжело пережили гражданскую войну, вернулись к власти вместе с Карлом II, однако впоследствии, во время нашествия Георга Ганноверского, совершили роковую ошибку, примкнув к якобитам. После поражения при Каллодене и бегства Карла Стюарта во Францию шестой лорд Шербрум лишился не только титула барона, но и головы.

Семейству удалось сохранить замок и часть некогда огромного поместья, но война исчерпала средства и вскоре от былой

роскоши не осталось следа. В конце XIX века прежде щедрое фамильное древо до такой степени оскудело плодами, что все оставшееся имущество перешло в руки дальнего родственника, который по бедности даже не мог позволить себе жить в поместье. Шербрум-Хаус опустел, превратившись в печальную обитель призраков и воспоминаний.

Роджеру Уинтону достались многочисленные слухи и легенды. Жители деревни уважали серый замок, а старики клялись, что настанет время, когда Мелвины вернутся в родовое гнездо и просторная терраса вновь озарится огнями.

Однако годы шли, а обедневшие потомки гордого семейства, некогда принимавшего венценосную особу, все не появлялись. Со временем надежда на их возвращение исчезла, Шербрум-Хаус был продан и перешел в чужие руки.

Роджер Уинтон узнал, что владельцем поместья стал некий Бенедикт Грейм. Покупатель заплатил символическую сумму, поскольку недвижимость находилась в плачевном состоянии, однако вскоре привел замок в порядок. Ремонт потребовал огромных средств и наглядно доказал материальное благополучие нового хозяина.

— Девушка из большого дома, — мягко, но настойчиво уточнил Роджер. — Кто она? Дочь мистера Грейма?

Нет, не дочь Грейма. Во всяком случае, живых родителей у нее не было, а имелся опекун — Джереми Рейнер, один из ближайших друзей Бенедикта Грейма. Рейнер воспитывал и обеспечивал сироту после смерти отца — своего делового партнера.

Проводила ли она в Шербруме много времени? На этот вопрос последовал положительный ответ. Рейнер и Грейм поддерживали тесные отношения, и Грейм души не чаял в Дени. Да, так ее звали: Дени Арден. Она частенько каталась верхом по живописным окрестностям деревни Шербрум.

С четвертой тщательно продуманной попытки Роджер Уинтон случайно встретил Дени Арден и напомнил о знакомстве. Как он и ожидал, ее чувство юмора в полной мере соответствовало ситуации, и с того счастливого дня, как любят говорить французы, дело пошло.

Уинтон стал частым гостем в старинном сером замке, где

в детстве провел немало вдохновенных часов. Он снова сидел в комнатах — теперь уже теплых и уютных, — вслушивался в стук шагов на просторной каменной террасе и постоянно думал о Дени. В разгар лета, когда солнце согревало полированные дубовые панели, и сейчас, глубокой зимой, при мягком свете камина, ее присутствие рождало волшебство.

Роджер нарочито медленно, чтобы не выдать чувств, встал с кресла, повернулся и посмотрел на застывшую на фоне окна стройную фигуру с высоко поднятой головой и нежной шеей, освещенной теплым сиянием живого огня.

— Не смотри на меня так, Дени. Не искушай. Сама знаешь, что я от тебя без ума.

Она улыбнулась:

— Как хорошо ты говоришь, Роджер.

Он подошел ближе, взял за руку:

— Дени, дорогая... ты меня любишь?

Она серьезно кивнула:

- Да, Роджер.
- Тогда скажи, что выйдешь за меня замуж. Скоро!
- Нет, возразила она твердо. Джереми...
- Джереми! крикнул Роджер. Опять Джереми! Почему он все время стоит между нами? Знаю, как много он для тебя сделал, и все же существуют границы!

В карих глазах Дени отразилось смятение, однако решимость не исчезла.

- Мы уже обсуждали это, Роджер, так что незачем начинать разговор заново. Я должна убедить его.
- Было бы проще, если бы мы больше знали о его мотивах. Почему он так упорно возражает? Я не настолько гадок, чтобы получать отказ за отказом!
- Ты очаровательный гадкий утенок, промолвила Дени и, нежно взлохматив его густые волосы, провела пальцами по шеке.

Резкие черты мужественного лица напомнили о спокойной надежности Роджера Уинтона.

— Пусть я не сказочно богат, — продолжил он, — заботиться о деньгах тебе не придется. Джереми прекрасно это

знает. Как знает и то, что я люблю тебя. Все должно быть просто!

- Все просто, подтвердила Дени с искрой лукавства, которую не смогла спрятать, и Роджер криво усмехнулся.
 - Неужели ничего нельзя сделать?
- Я уже испробовала все доступные средства. К чему скрывать? Ты ему просто не нравишься.
- Но почему? В чем дело? Если бы Джереми объяснил причину, мы хотя бы поняли его позицию, а так... Слепое предубеждение, не более. Правда заключается в том, что он боится потерять тебя. Дело вовсе не во мне. Точно так же ему не понравится любой другой мужчина, который захочет на тебе жениться.

Роджер положил ладони ей на плечи, и Дени ощутила теплую нервную силу его пальцев.

— А мистер Грейм? Что, если попробовать заручиться его поддержкой? Он тебя любит и в то же время может повлиять на опекуна.

Дени покачала головой:

— Я же сказала, что перепробовала все и сразу обратилась к дяде Бенедикту. Бесполезно. Он сообщил, что, когда заговорил с Джереми о свадьбе, тот взбесился, как бык при виде красной тряпки. Оказалось, что влияние дяди Бенедикта так далеко не распространяется.

Уинтон немного помолчал, а потом мрачно произнес:

— Вот что я скажу, Дени. В мистере Рейнере есть нечто странное. Да-да, — поспешно подтвердил он, заметив инстинктивное движение протеста. — И весь этот дом странный. Чем скорее я отсюда тебя увезу, тем лучше.

Уинтон говорил так убежденно, что вспыхнувшее в душе Дени возмущение мгновенно угасло.

- Ради бога, Роджер! О чем ты?
- О том, что мне не нравится твоя жизнь здесь, с этими непредсказуемыми родственниками, которые на самом деле вовсе не родственники. Может, поэтому я говорю о них так откровенно. Они ненормальные: невозможно предугадать, когда вдруг перестанут вести себя как обычные люди и выкинут нечто невообразимое.

- Ты о прошлогодней выходке дяди Джеральда, когда он явился на выставку цветов в школьных шортах и смутил милых пожилых леди из кружка рукоделия?
- А еще прокатился по улице в детской коляске, с соской во рту и в сопровождении оркестра!
- Но ведь в этих проделках нет ничего плохого, Роджер! Ты и сам знаешь, что дядя Джеральд обожает розыгрыши. Он просто большой ребенок.
- Поверь, я умею ценить хорошие розыгрыши, однако он совсем не годится для роли Питера Пэна.
- Ну вот, теперь ты пускаешь в ход рассуждения о пропорциях!
- Возможно, я драматизирую, согласился Уинтон. И все же компания сомнительная. Джеральд со своими вспышками школьного юмора, запоями и клятвами исправиться. Шарлотта, которая часами не выходит из своей комнаты и вообще ведет себя как озлобленная старая дева с мрачной тайной в рукаве. Удивительно, что мистер Грейм их терпит. Я бы через месяц сошел с ума, а он умудряется смотреть на мир весело.
- Когда ты так говоришь, действительно складывается мрачная картина, но они добры ко мне, и я не могу пойти против их воли.
- Я вовсе не хочу сказать, что эти люди обращаются с тобой плохо, произнес Уинтон. И все же в доме сложилась нездоровая атмосфера. Не понимаю, как Рейнер позволяет тебе проводить здесь столько времени.
- Не только позволяет, но и поощряет, возразила Дени и с лукавой улыбкой добавила: Вот уж не думала, что у тебя появятся возражения на сей счет!
- Я не возражаю, просто удивляюсь. Почему он решил провести Рождество в Шербрум-Хаусе?
- Мы всегда проводим Рождество с дядей Бенедиктом.
 Это традиция.
- Да, мистер Грейм любит семейные торжества, и без вас они не обходятся, но ведь в этом году Рейнер собирался в Америку и должен был уехать еще на прошлой неделе. Что же заставило его изменить планы?

Дени нахмурилась. Стало ясно, что она безуспешно пытается найти ответ.

- Не знаю, Роджер, наконец призналась девушка. Действительно очень странно. Джереми отменил поездку внезапно, хотя с нетерпением ждал ее. Совсем на него не похоже.
 - Он не объяснил причину?
 - Нет.
 - И это тоже совсем на него не похоже, правда?
- Обычно Джереми обсуждает со мной все дела и планы.
 А сейчас не произнес ни слова. Я подумала...

Послышался звук открываемой двери. Влюбленные быстро отпрянули друг от друга и обернулись. На пороге появилась высокая фигура и застыла в угрюмой неподвижности.

Дени услышала ироничный внутренний голос. «Громовые раскаты, — произнес он с издевкой. — Входит Заговорщик». Она с трудом сдержала нервный смех.

Николас Блейз увидел молодых людей возле окна, за которым мягко кружился снег. Он вошел в комнату и промолвил:

— Приветствую. — Потом, подойдя ближе, добавил: — Любуетесь видом из окна? Кажется, Рождество будем праздновать в традиционных декорациях.

Говорил он легко, однако внимательные темные глаза смотрели требовательно. Роджер и Дени не знали, успел ли Николас что-нибудь услышать, а тот не подавал виду. Редко удавалось понять, о чем думает мистер Блейз. Трудно было сказать наверняка, как много он знает. Однако, давно работая секретарем Бенедикта Грейма и в течение долгих лет оставаясь его близким другом, Николас, несомненно, обладал информацией о каждом из приехавших в Шербрум-Хаус гостей.

Возраст Блейза не поддавался определению. На первый взгляд он казался молодым человеком, однако при ближайшем рассмотрении во внешности читались признаки зрелости: слегка отступившие со лба волосы, тень опыта в глубоко посаженных пристальных глазах, серьезное выражение умного лица. Выразительные, с длинными пальцами руки удивляли тонкостью и артистизмом: такими могли быть руки скрипача. Несмотря на скромное положение, секретарь все видел, все запоминал и все знал.

Сейчас в его поведении ощущалось легкое самодовольство: подобная манера свойственна человеку, сознающему, что от него попытались скрыть нечто важное, и с затаенной гордостью принимающему иронию собственной осведомленности.

Ситуация раздражала. Дени Арден напряженно ждала, когда же мистер Блейз заговорит. Абсурд, разумеется. Ник был вполне нормальным человеком и держался естественно. Только не в меру разыгравшееся воображение могло навести на мысль о некой тайне. Во всем виноват Роджер: нелепые фантазии о доме и его обитателях заставили подозревать то, чего на самом деле не существовало.

— Надеюсь, снег не растает, — заметил Блейз, глядя в окно. — Бенедикт будет рад зимней погоде.

Фраза прозвучала настолько привычно и обыденно, что Дени перестала беспокоиться и вновь почувствовала себя в безопасности.

— Дядя Бенедикт любит, чтобы в Рождество все соответствовало правилам, — с облегчением подхватила она. — Полагаю, он выступит в своей обычной роли?

Блейз с улыбкой отвернулся от окна:

— По-моему, он весь год только и делает, что ждет сочельника. Сегодня утром достал из сундука костюм, а уже несколько дней подряд прячет какие-то загадочные пакеты!

В доме Бенедикта Грейма празднование Рождества неизменно и строго следовало давней традиции. Множество гостей, огромная елка и сам мистер Грейм, поздним вечером с детским восторгом, якобы незаметно, являвшийся во всем великолепии длинной красной шубы и белой бороды, чтобы повесить на елку подарки для гостей.

Жил он холостяком. Судя по всему, отсутствие детей, на которых можно было бы выплеснуть родительский энтузиазм, подтолкнуло к столь причудливому способу достижения счастья. Сама природа безобидной странности гарантировала сочувственное отношение окружающих, а поскольку Грейм обладал значительным состоянием и славился щедростью, ничто не мешало ему разыгрывать любимый спектакль из года в год, не вызывая насмешек. Как правило, гости узнавали об обычае еще до приезда в Шербрум-Хаус, а если кто-нибудь

не успевал подготовиться заранее, то быстро находил верный тон по примеру более опытных участников действа.

Случалось, что циники, лишенные сентиментальности в результате столкновения с грубым миром, считали причуду хозяина экстравагантной, однако даже они благоразумно держали скепсис при себе. Разумеется, на подобное поведение влияла атмосфера всеобщей любезности и светлого праздника Рождества, однако справедливости ради следует признать один немаловажный факт: Бенедикт Грейм не принадлежал к числу людей, склонных терпеть возражения.

Голубые глаза под густыми седыми бровями обычно смотрели на мир с философским спокойствием, но порой метали гневные искры. В таких случаях и без того высокая худая фигура разрасталась до подавляющих размеров. Сразу становилось ясно, что отстраненно взиравший на жизнь неторопливый человек, с наслаждением выступавший в роли Деда Мороза, таит в душе опасный огонь.

Дени Арден сделала это открытие еще в детстве: однажды тот, кого она считала добрейшим на земле человеком и неизменно называла дядей, застал ее самозабвенно исследовавшей запретную территорию кабинета и сделал внушение, впечатление от которого сохранилось по сей день.

По какой-то необъяснимой причине давний инцидент промелькнул в сознании сейчас, когда Дени стояла, глядя на Николаса Блейза. Секретарь спросил себя, о чем она думает, однако Дени не объяснила причину мимолетной улыбки, а просто осведомилась:

- Кто приедет, Ник?
- Соберется обычная компания. Розалинда Марш, Остин Деламер. Разумеется, все мы. Напьеры привезут с собой миссис Тристам.
 - Неужели? удивленно воскликнула Дени.
 - Да, кивнул Николас Блейз.

В последнее время Люси Тристам зачастила в гости. Точно установить возраст этой дамы не удавалось: за тридцать... а дальше неизвестно, — зато в ее привлекательности сомневаться не приходилось. Когда она с заученной небрежностью поправляла прическу возле лампы, пышные темно-рыжие во-

лосы вспыхивали подобно пламени, обеспечивая внимание любого общества. Первое впечатление поддерживали и закрепляли прочие неоспоримые достоинства: яркая индивидуальность, золотистый цвет нежной кожи и грациозная фигура. Подобная внешность заведомо исключала недостаток восхишения.

- Миссис Тристам вдова? уточнил Роджер Уинтон.
- Только по ее собственным словам, ответила Дени. Истинное положение этой особы неизвестно, как и то, действительно ли ее зовут Люси.
- Хочешь сказать, что легенда возникла ради эффекта? Кажется, глубокой симпатии к леди ты не испытываешь.
 - Нет, призналась Дени.
- Конечно, вы еще не знакомы с миссис Тристам, вмешался Блейз, чувствуя надвигающуюся опасность и обращаясь к Уинтону, чтобы помешать Дени высказаться откровеннее. Вы не очень часто нас посещаете, а потому ваши визиты не совпали с ее пребыванием. В сентябре Люси приезжала вместе с Напьерами.
- И прожила целый месяц, не без ехидства добавила Дени.
- Вряд ли временные границы визита были заранее определены, тактично возразил Блейз, хотя миссис Тристам, несомненно, не спешила покинуть гостеприимный дом.

Разговор требовал продолжения.

— Наверное, воздух в этих краях действует на леди благотворно, — осторожно заметил Роджер Уинтон.

В карих глазах Блейза вспыхнули лукавые искры.

- Не думаю, что дело в воздухе.
- Я тебе все объясню, вмешалась Дени. Ник слишком вежлив, чтобы говорить прямо. Миссис Тристам охотится на мужчин. Судя по всему, пока хищница точно не решила, на ком остановить выбор. Маятник качается между Джереми и лядей Бенеликтом.

Роджер Уинтон вскинул брови:

- Неужели?
- Да.
- А что думают на этот счет жертвы?

— Она умна, красива. — Дени пожала плечами. — И у нее хорошая фигура. Ты же знаешь мужчин.

Николас Блейз стоял с настороженным видом человека, явственно ощущающего границы дозволенной свободы мнений.

- Пожалуй, продолжу свой путь, дипломатично завершил он скользкий разговор. Заглянул сюда в поисках Бенедикта. Не знаете, где он может находиться?
- Простите, покачал головой Роджер. После ленча я еще не видел мистера Грейма.

Секретарь уже повернулся к двери, однако Дени остановила его:

- Подожди минутку, Ник. Хочу спросить, прежде чем ты уйдешь. Ты закончил перечислять гостей? Может, приедет кто-нибудь новый?
- Ждем профессора Лорринга. Полагаю, вы о нем слышали. Известный ученый. Ах да, а еще приглашен Мордекай Тремейн.
 - Тремейн? переспросил Уинтон, и Блейз кивнул.
 - Да. Это первый визит джентльмена в Шербрум.
- Какой он, этот... Мордекай старый или молодой? поинтересовалась Дени.
- Пожилой, лет шестидесяти. Чрезвычайно любопытный человек. Сентиментальный, настроен романтически. Надеюсь, вам понравится.

Говоря это, Блейз переводил взгляд с одного собеседника на другого. Молодые люди не смогли понять, подразумевало ли описание некий особый смысл, а он воспользовался растерянным молчанием и удалился.

- Похоже, нас ожидает обычная легкомысленная компания, заключил Уинтон, когда за темной фигурой секретаря закрылась дверь. Если не считать Лорринга и Тремейна. Впрочем, их присутствие вряд ли существенно изменит обстановку.
- И все же ты должен согласиться, Роджер, что рождественские праздники дяди Бенедикта всегда проходят очень весело. Он старается, чтобы никто не скучал.
 - Да, кивнул Роджер. Старается.

Он думал о чем-то своем и ответил машинально. Однако прежде чем Дени собралась что-то сказать, дверь снова распахнулась.

Джереми Рейнер еще не успел подойти, а Уинтон уже прочитал в серых глазах антипатию и недовольно поморщился. Инстинктивная реакция породила ответную вспышку вражлебности.

— Не знал, что вы здесь, Уинтон.

Слова прозвучали спокойно, однако презрительная интонация обдала ледяным холодом. Дени поспешила вмешаться:

- Роджер зашел за мной, чтобы пригласить на прогулку, однако погода испортилась и мы решили не рисковать.
- Мудрое решение, дорогая. Судя по всему, нас ждет обильный снегопал.
- Мы только что сказали Нику, что дядя Бенедикт обрадуется. Снег необходим ему для создания рождественской сказки.

Дени пыталась отвлечь мужчин светской беседой, чтобы те не вцепились друг другу в горло. Рейнер быстро взглянул на нее, словно она задела какую-то его нежную струну и причинила боль:

— Да, так и есть.

Он шагнул к окну и остановился. Роджер Уинтон посмотрел на профиль, четко выделявшийся даже на фоне тусклого зимнего света. Подобное гармонично сочетается с подобным, подумал он с неприязнью. Лед естественно смотрится рядом со снегом.

Джереми Рейнер оставил большинство своих многочисленных руководящих постов. Считалось, что необходимые для жизни средства он черпает из заработанного состояния. Вместе с финансовым благополучием джентльмен приобрел славу жесткого, безжалостного бизнесмена, и одна из причин его репутации в эту минуту явственно проступила в орлином абрисе носа и тонкой линии губ, плотно сжатых над тяжелой челюстью.

«Холодный, не подвластный чувствам человек» — так говорили о Джереми Рейнере. И он действительно не поддавался чувствам, но лишь до тех пор, пока дело не касалось Дени.

В нежной преданности подопечной ему не мог отказать даже глубоко обиженный Роджер Уинтон. Вся отпущенная этому человеку сердечность сконцентрировалась на мисс Арден. Любовь к ней не вызывала сомнений. Более того, грубо сколоченный мир одинокого мужчины вращался вокруг воспитанницы.

Вот в чем крылась причина вражды, подумал Уинтон. Джереми Рейнер просто не мог смириться с мыслью о расставании со своей дорогой девочкой. Мечтал навсегда запереть сокровище в собственном сердце и отказывался думать о возможной потере.

Серый человек. Таким был Джереми Рейнер. Серые волосы. Серые брови, тяжело нависавшие над серыми глазами. Серые, жесткие, коротко подстриженные усы и серая неприступная душа.

Черт возьми! Кто дал ему право распоряжаться жизнью другого человека? Почему он считает возможным что-то приказывать Дени?

Внезапно Уинтон ощутил острую, удивившую его самого вспышку гнева. Захотелось вцепиться в широкие плечи, круто развернуть серую статую и бросить вызов в ледяное лицо. Крикнуть, что Дени принадлежит ему, что он все равно женится на ней, а Рейнер может катиться ко всем чертям!

Джереми отошел от окна. Иллюзия серости пропала, а вместе с ней исчезла и ярость.

- Мне показалось, что недавно подъехала машина, небрежно произнес мистер Рейнер. Никто не появился, Дени?
- По-моему, нет, ответила она. Наверное, это была машина Роджера. Разве сегодня кого-нибудь ждут? Ник сказал, что сбор назначен на завтра.
- Слышал, что профессор Лорринг может приехать сегодня, уточнил Джереми, хотя остальные действительно явятся только завтра. А Деламер, разумеется, на день опоздает. Обычно он оттягивает приезд до самого сочельника. Наверное, хочет доказать, что политики работают до последней минуты.
- А второй новый гость? произнесла Дени. Помимо профессора Лорринга? Как Ник его назвал, Роджер?
 - Тремейн, подсказал Уинтон. Мордекай Тремейн.
 - Кто такой этот Мордекай Тремейн? удивился Рейнер.

- Я разочарована, призналась Дени. Надеялась, что ты его знаешь и расскажешь нам, кто он такой.
- Понятия не имею, пожал плечами Рейнер. Видимо, Бенедикт пригласил его для ровного счета.

Роджер Уинтон стоял нахмурившись и о чем-то напряженно размышляя.

— А знаешь, Дени, — наконец медленно проговорил он, — я слышал об этом человеке. Пытаюсь вспомнить с той самой минуты, как Блейз назвал имя. — Он нахмурился и вдруг воскликнул: — Знаю, где встречал это имя! В газетах! Мордекай Тремейн — детектив-любитель!

Раздался громкий, резкий щелчок. Джереми Рейнер только что взял сигарету из стоявшей на столе серебряной шкатулки и неосторожно захлопнул крышку.

- Серьезно? уточнил он.
- Прошлым летом этот джентльмен работал вместе с полицией в Сассексе, пояснил Уинтон. Газеты надрывались от восторга.
- Звучит интригующе, отозвалась Дени. И что же он расследовал?
 - Убийство, ответил Уинтон.

Говоря это, он обратил внимание на одно странное обстоятельство. Джереми Рейнер пытался закурить и делал это очень долго, потому что руки его дрожали.

Глава 2

Все решило любопытство. Мордекай Тремейн чувствовал, что если откажется от приглашения, то Рождество пойдет насмарку, поскольку каждую минуту будет возникать один и тот же вопрос: что бы произошло, если бы он поехал в Шербрум, и с какой стати Бенедикт Грейм пригласил его?

Нет, Мордекай Тремейн мало знал мистера Грейма. Напротив, знакомство оставалось до такой степени призрачным, что короткая любезная записка с вопросом, не согласится ли уважаемый мистер Тремейн провести несколько рождественских дней в Шербрум-Хаусе, удивила его. Пока Мордекай

Тремейн снова и снова читал за завтраком несколько рукописных строчек, тосты остыли.

Приглашение составил и прислал Николас Блейз — доверенный секретарь и компаньон мистера Грейма. Он же написал постскриптум. Аккуратным изящным почерком Блейз добавил от себя:

«Пожалуйста, если сочтете возможным, нанесите нам визит. Бенедикт будет исключительно благодарен. Должен признаться, что предчувствую нечто достойное вашего интереса. Бенедикт не вдается в подробности. Более того, о моем комментарии он не знает, так что буду рад, если сохраните конфиденциальность. Остро ощущаю опасность и, честно говоря, начинаю бояться».

К этому времени Мордекай Тремейн уже успел получить несколько приглашений от родственников и друзей и склонялся к поездке в Дорсет, где несколько племянников и племянниц растили детей. Целая толпа мальчиков и девочек разных возрастов с нетерпением ждала доброго дядюшку Морди, зная, что тот готов выполнить любую их прихоть. Однако оставить без внимания глубоко личный постскриптум было нельзя. Каллиграфические строчки скрывали тайну, а противостоять ее притяжению Мордекай Тремейн не мог.

В конце концов в Дорсет отправилось письмо с извинениями и вынужденным отказом, а в Шербрум полетело благодарное согласие. Мордекай Тремейн пообещал приехать, как было предложено, за день до сочельника. Приняв решение и написав оба ответа, он откинулся на спинку кресла и начал вспоминать все, что знал о Бенедикте Грейме.

Впервые джентльмены встретились в сентябре в Кенсингтоне, в квартире Аниты Лейн, на пестрой многолюдной вечеринке. Анита успешно публиковала в газетах и журналах критические статьи о кино и театре, хотя внешне даже отдаленно не напоминала деловую женщину. Мордекай Тремейн познакомился с ней несколько лет назад и успел искренне полюбить ее. Чисто платонически, как мысленно он заверил себя. Хотя Анита Лейн уже перешагнула сорокалетний ру-

беж, а ему самому перевалило за шестьдесят, — что ни говори, пропасть слишком глубокая, чтобы без долгих размышлений строить капитальный мост.

Общество состояло преимущественно из художников, писателей и людей театра. Весьма странное окружение для Бенедикта Грейма, который, несмотря на приверженность католицизму, воспринимал подобную компанию с тем самым благоговейным изумлением, с которым непосвященные часто смотрят на чудаков, зарабатывающих на жизнь сценическими эскападами или печатными высказываниями.

Возможно, именно потому, что все трое не входили в магический круг издательских контрактов и театральных гримерок, мистер Грейм и его спутник Николас Блейз быстро прониклись симпатией к Мордекаю Тремейну. К концу затянувшегося вечера — а трое джентльменов уехали в одном такси в четыре часа утра — удалось много узнать друг о друге. Грейм отошел от активного бизнеса и теперь наслаждался ролью сельского жителя, не обремененного финансовыми проблемами. Блейз официально занимал пост секретаря, однако на деле представлял собой не просто высокооплачиваемого слугу, а близкого человека, облеченного полным доверием хозяина.

Мордекай Тремейн с трудом восстановил подробности той беседы. Постепенно размягчаясь, он все глубже погружался в приятный туман — вечеринку трудно было назвать сухой, — так что сейчас, по прошествии трех месяцев, из памяти стерлись значительные по протяженности эпизоды.

Смутно вспомнилось, как он рассказал новым знакомым, что прежде владел успешным бизнесом по продаже табачных изделий, а сейчас пожинает сладкие плоды долголетнего напряженного труда; упомянул об интересе к криминологии и о дружбе с несколькими офицерами полиции.

Впрочем, подробности увлечения скорее всего остались за рамками беседы. Мордекай Тремейн отчетливо сознавал собственное положение детектива-любителя и не желал смущать друзей, в частности инспектора Скотленд-Ярда Джонатана Бойса, хвастливыми заявлениями об участии в делах, которым надлежало соответствовать строгим правилам уголовной полиции.

Пристальное внимание со стороны прессы в период расследования громкого убийства в Далмеринге до сих пор рождало болезненные воспоминания. Мордекай Тремейн вовсе не искал известности, однако наводнившие деревушку репортеры обнаружили его участие в деле и бесцеремонно выставили на всеобщее обозрение. Развязные заголовки и по сей день вызывали у него нервную дрожь.

Он надеялся, что во время излишне откровенной беседы с едва знакомыми людьми не успел признаться в пристрастии к сентиментальной литературе. Дело в том, что Мордекай Тремейн регулярно и самозабвенно читал журнал «Романтические истории». Из номера в номер жадно следил за развитием отношений, страдал и радовался вместе с добродетельными героинями. Однако, несмотря на верность любимому жанру, застигнутый на месте преступления, неизменно смущался и спешил спрятать улику. Бенедикт Грейм вряд ли отнесся бы к безвредной слабости с сочувствием, тем более что при свете дня ночные признания теряют убедительность.

Проблема «Романтических историй» все еще тревожила его несколько недель спустя, когда ясным, но неумеренно морозным утром почтенный джентльмен погрузился в скромный автомобиль массового производства, воплотивший одну из его немногих экстравагантных прихотей, и осторожно покатил по перегруженным улицам Лондона. Важно отметить, что в это самое время очередной номер журнала покоился в чемодане на заднем сиденье. Мордекай Тремейн мог испытывать мучительные сомнения, однако никогда не изменял себе, не отступал и не сдавался.

Он радовался жизни. Напевал веселый мотив, услышанный по радио во время бритья, и не замолкал даже тогда, когда внезапно приходилось проявлять чудеса водительского искусства, чтобы не оказаться расплющенным между неподвижным грузовиком и настырно напиравшим автобусом. Прекрасное настроение не полностью объяснялось ярким солнцем, сквозь стекло дарившим почти весеннее тепло. Не исчерпывалось оно и Рождеством, щедро украшенным свежим снегом и волшебными огнями в витринах магазинов.

Тремейн ехал к приключению. Где-то впереди возникла тайна, и оттого душа потеряла покой. После бесконечно долгих летних дней, когда прелестная деревня Далмеринг погрузилась в ужас, Мордекай Тремейн еще ни разу не ощутил трепета и азарта настоящего криминального расследования. Неуемная страсть к поиску нашла пищу в литературе, а мрачная реальность ненависти, страха и ревности растворилась в пространстве. Он успел забыть о том, что успешно проведенное следствие неизбежно приводит к горькому разочарованию и крушению веры в идеал. Сейчас вспоминались иные стороны процесса: возбуждение погони и напряженный поединок изощренного ума детектива со звериной хитростью убийцы.

Внезапно Мордекай Тремейн неприятно удивился. Кто вообще упоминал об убийстве? В какое фантастическое пространство устремилось его воображение? Он едет, чтобы провести рождественские дни в компании новых друзей. Праздник несет всеобщее счастье и веселье. Так почему же сознание выбрало столь зловещий путь?

Мордекай Тремейн сумел сбросить наваждение, и вместе с ним исчезла утренняя бодрость. С этой минуты глаза за стеклами постоянно сползавшего, но никогда не падавшего пенсне смотрели задумчиво и даже растерянно.

К полудню небо скрылось за свинцовыми доспехами облаков. Пустая земля мерзла под ледяным ветром, а деревья беспомощно протягивали друг другу голые черные ветки. Дорога тянулась в мир холодного серого сумрака и сонного оцепенения, где могли происходить ужасные события.

Конечно, Тремейн знал правду: в западных графствах выпал снег, и дорога ведет прямиком в зиму. Тусклый свет и безрадостные вздохи ветра предупреждали о приближении нового снегопада. Раздраженное одиночеством декабрьских полей воображение окрашивало зимний пейзаж в печальные тона страха и тоски.

К счастью, даже под снегом дорога оставалась ровной и твердой, позволяя держать хорошую скорость. Когда Мордекай Тремейн въехал в город Калнфорд, впереди оставался еще целый час дневного света и не более четырех миль до Шербрума.

Уверенность в собственных силах подсказала, что к месту назначения удастся попасть до наступления полной темноты, а также продиктовала решение остановиться и выпить чашку чая. Правый указатель поворота приобрел вредную привычку заедать, поэтому пришлось открыть пассажирское окно и демонстрировать намерения рукой. В результате холод пробрал Тремейна до костей.

Рядом с главной улицей располагалась тихая площадь, превращенная местными жителями в автостоянку. Мордекай Тремейн заглушил мотор и, радуясь возможности размяться, быстро зашагал к переполненному посетителями торговому центру.

Калнфорд оказался приятным местом. Поросшие лесом высокие крутые холмы не позволили городку расползтись по окрестностям паутиной вилл, и он по сей день сохранил прелесть модного курорта XVIII века, когда галантные джентльмены танцевали менуэт с изящными дамами, чьи образы запечатлел непревзойденный Гейнсборо. Высокие надменные дома сохранили дух эпохи Регентства. Однако помимо невозмутимого достоинства жилых кварталов и спокойствия садов, растянувшихся вдоль накрепко опоясанной каменными мостами реки, Калнфорд обладал полным энергии сердцем, бодро направлявшим поток процветания вдоль торговой артерии, без ложной скромности примыкавшей к стенам древнего аббатства. Мордекай Тремейн шел по тротуару и любовался блестящими машинами, с рождественским восторгом ожидавшими возвращения пассажиров из празднично украшенных магазинов. Сентиментальная душа его радовалась свету и близости людей.

Даже грязное месиво, в которое превратили снег бесчисленные колеса, казалось жизнерадостным. Уныние бесследно исчезло. Внезапно нахлынувшая неуместная депрессия с позором отступила.

Тремейн снова превратился в ребенка, верящего в существование добрых фей и Санта-Клауса с длинной белой бородой. Волшебной рождественской ночью он надевает свою шубу, спускается в дома по дымоходам и наполняет подарками миллионы носков. Пенсне угрожающе сползло на кончик носа, однако Мордекай Тремейн не заметил этого. Сейчас

главенствовали чувства, и он понимал, что светлое мгновение поможет пережить тяжкое время, когда вновь придется столкнуться с реальностью печали, горечи, страха и отчаяния.

Чтобы добраться до Шербрума при тусклом свете дня, следовало как можно скорее продолжить путь. Большие рестораны на главной улице были переполнены. Бросив мимолетный взгляд на занятые столы, Мордекай Тремейн свернул на боковую улицу, нырнул в старинную арку возле монастыря и попал в тихую заводь, свободную от мучимого голодом и жаждой людского потока.

Между книжным магазином и мастерской корзинщика приютилась крохотная чайная. По привычке склонив голову, чтобы не стукнуться о массивную дубовую балку, Мордекай Тремейн вошел в узкую дверь. Поначалу комната показалась пустой, но вскоре он заметил двух посетителей. Они сидели возле стены в дальнем, самом темном углу, наполовину скрытом вешалкой. Оба подняли головы и не то удивленно, не то испуганно посмотрели на вошедшего посетителя, однако встретили любопытный взгляд и торопливо отвернулись, словно не желая привлекать внимания.

Мордекай Тремейн выбрал столик и сел спиной к паре, но лицом к висевшему над прилавком зеркалу, где отражались две низко склоненных головы. С видом заговорщиков собеседники горячо обсуждали что-то.

Острый интерес к людям и отточенное мастерство опытного наблюдателя, позволявшее видеть все вокруг и при этом не вызывать подозрений, обеспечили прекрасную возможность изучения любопытного объекта. А поскольку иных дел, кроме неторопливого чаепития, не нашлось, взгляд почти не отрывался от зеркала. Процесс протекал механически и подразумевал естественное, без учета значимости момента, упражнение приобретенной ранее способности запоминать мельчайшие подробности.

За дальним столом сидели мужчина и женщина. Бесцветная, незаметная незнакомка была в добротном, но безликом пальто и вышедшей из моды шляпке. Волосы показались Тремейну растрепанными, хотя поднятый воротник пальто мешал рассмотреть прическу. Круглое лицо с мелкими чертами

было бледным и истощенным, как у человека, редко выходящего из дома.

Официантка включила одну из ламп, и картина сразу прояснилась. Стало заметно, что женщина не совсем молода, но и не настолько стара, как показалось сначала. Одежда создала ложное впечатление, прибавив годы.

Свет незнакомке не понравился. Она повернулась так, что плечо заняло почти все зеркало, чем лишила возможности Тремейна продолжить наблюдение. Недвусмысленное движение многое объяснило.

Спутник оказался менее чувствительным. Он сидел лицом к зеркалу и не попытался сменить позу, хотя прищурился от света и посмотрел так, будто заподозрил официантку в намеренном вредительстве. Тремейн вспомнил фразу из «Юлия Цезаря»: «Тот Кассий голоден и худ». В зеркале туманно отражался сухопарый человек в изрядно поношенном плаще. Такому ничего не стоило затеряться в уличной толпе. Однако эффект зеркального удвоения электрического света подчеркнул верхнюю часть лица, и Мордекай Тремейн ясно увидел глаза: темные, широко расставленные под высоким открытым лбом, наделенные тлеющей в глубине мрачной силой, — вызывающие тревогу глаза, готовые в любую минуту вспыхнуть опасным огнем.

Делая вид, будто не подозревает о существовании зеркала, Мордекай Тремейн медленно пил чай. Вряд ли пара обратила на него внимание и заподозрила особый к себе интерес. После первого мимолетного взгляда мужчина и женщина снова сосредоточились друг на друге.

Разговор по-прежнему продолжался, когда Мордекай Тремейн заплатил по счету и вышел из чайной. Возвращаясь к машине, он все еще размышлял о случайно встреченных людях. Тремейн всегда размышлял о людях. Любил придумывать, кто они, откуда и куда направляются, как живут. Обычно не составляло труда определить их место в обществе, род занятий и характеры. Однако только что встреченная пара не соответствовала привычным типажам, и воображение отказывалось сотрудничать.

Вспомнилось лицо женщины с круглым ртом и бледными губами. Губы слегка дрожали и выдавали неуверенность.

Жизнь не баловала хрупкое создание, похожее на готовую сломаться под ударами судьбы фарфоровую куклу. Что связывало незнакомку с ее собеседником? Узы брака? Руки остались вне поля зрения Тремейна, и кольца он не видел.

И все же, дав пищу для ума, случайная встреча вскоре стерлась из памяти Мордекая Тремейна. Он так и не узнал, соответствовал ли вымышленный образ правде или совершенно обычные люди неведомо для себя приобрели таинственные черты, о каких в реальной жизни даже не помышляли. Обычные? Нет, определение не годилось. Пара держалась настороженно, слишком настойчиво старалась спрятаться в полутьме и остаться незамеченной.

Через несколько минут усердные попытки выбраться с перегруженных автомобилями и людьми улиц Калнфорда пресекли праздные размышления. Когда город остался позади, а впереди тонкой извилистой линией обозначилась дорога в Шербрум, вести машину стало труднее. Снег усилился, а постоянный транспортный поток, способный утрамбовать плотную массу, здесь отсутствовал, и потому пришлось, унизительно сбавив скорость, двигаться почти ползком.

В Шербруме уже стемнело. Во многих домах зажглись масляные лампы. Светящиеся окна на фоне старинных темных строений с покрытыми снегом крышами создавали сказочный пейзаж, напоминавший сцену из пантомимы или детской фантазии. Деревня эльфов в снегу. Мордекай Тремейн представил, как добрый великан осторожно поднимает декорацию и ставит на сцену, в свет рампы.

Деревня Шербрум пользовалась заслуженной славой одного из самых привлекательных уголков Королевства. Из года в год фотографии старинной гостиницы и древней норманнской церкви украшали путеводители и другие популярные издания, посвященные красотам старой доброй Англии.

Оставаясь в стороне от главного шоссе и довольствуясь скромным автобусным маршрутом, Шербрум прекрасно существовал без железной дороги: ближайшая станция находилась в Калнфорде. Удаленность от мира праздных гостей, сувениров и чайных павильонов позволила деревне сохранить первозданный облик — тот самый, в каком ее застал

Генрих VIII, явившись, чтобы разграбить соседнее аббатство. Местных жителей, вынужденных терпеть санитарные неудобства и долгими зимними вечерами довольствоваться масляными лампами, это обстоятельство не радовало. Утешались они лишь тем, что не пали жертвой преобразований во имя сомнительных идеалов технического прогресса.

Мордекай Тремейн не знал, где расположен Шербрум-Хаус, однако впереди тянулась одна-единственная дорога, по которой он и направился. Возникла смутная тревога: тьма сгущалась, так что пропустить пункт назначения ничего не стоило. Тремейн проехал около мили по постоянно сужавшейся, теперь уже покрытой льдом дороге, когда в сотне ярдов впереди заметил возле живой изгороди темную фигуру. Он осторожно притормозил и остановился.

— Простите, пожалуйста, — вежливо обратился Тремейн к незнакомцу, — не могли бы вы подсказать, где находится Шербрум-Хаус?

Мужчина смерил его долгим пристальным взглядом. Высокий, в плотном пальто с поднятым воротником, он казался очень массивным. Мордекай Тремейн занервничал, хотя странный незнакомец не проявил признаков враждебности. Ощущение неясной угрозы создавала его неподвижность среди снежного мрака. Но ответ все-таки последовал.

Шербрум-Хаус здесь, — произнес человек. — Перед вами.

Мордекай Тремейн настолько обрадовался, что почти не обратил внимания на нелюбезный тон. Действительно, в нескольких ярдах от дороги две каменные колонны отмечали въездную аллею.

— Спасибо, — улыбнулся он. — В темноте не заметил ворота.

Он осторожно развернул машину, чтобы вписаться в просвет между колоннами. Проезжая мимо незнакомца, приветственно поднял руку, но тот не отреагировал. Тремейн заглянул ему в лицо и испытал едва ли не шок: в чертах сквозила откровенная, неприкрытая злоба. Душу этого человека переполняла ненависть.

В следующее мгновение Мордекай Тремейн уже ехал по аллее. В нескольких ярдах от колонн, за поворотом, взору

впервые открылся Шербрум-Хаус. Дом стоял примерно в четверти мили от поворота — высокий, темно-серый, вздымающий остроконечную крышу в сумрачное снежное небо. «Старинный», «таинственный», «угрюмый» — такие эпитеты приходили на ум при первом взгляде на замок. Несколько освещенных окон усиливали это впечатление.

Мордекай Тремейн поспешил заглушить промелькнувший в сознании шепот страха и постарался не обращать внимания на сжавший сердце холод: темнота, снег, напряжение и усталость долгой дороги не оправдывали малодушных уступок причудам не в меру разыгравшегося воображения, — однако убедить себя так и не удалось. Подъезжая к массивному дому с высокими двустворчатыми окнами, Тремейн все отчетливее ощущал, что рок вершит свой суд где-то поблизости, а впереди маячат тьма и ужас.

Глава 3

Любезное приветствие Николаса Блейза и яркое пламя камина заставили Тремейна забыть о недавней подавленности и дурных предчувствиях. Вместе с умиротворяющим теплом весело пылающих дров вернулось душевное равновесие. Наступила уютная реальность дружеского общения и счастливого Рождества.

Мордекай Тремейн отличался незамутненным, по-детски гибким восприятием мира. Ему ничего не стоило в течение нескольких секунд перейти от глубокой депрессии к безоблачному оптимизму, от мрачного ожидания несчастья — к наивному восторгу перед лучшим из миров.

- Мы уже начали волноваться, признался Николас Блейз. Дорога выдалась трудной?
- Вовсе нет, ответил Тремейн. Просто задержался на полчаса в Калнфорде и выбился из графика. Надеюсь, я не создал неудобств?
- Ни малейших, заверил секретарь. В Рождество у нас тут всегда царит суматоха. Еще ждем мистера Лорринга. Профессор должен был появиться вчера, но задер-

жался. Наверное, отправился на поезде, а сейчас железная дорога с трудом справляется с нагрузкой. Сами понимаете, что означает предпраздничный наплыв пассажиров в сочетании со снегом.

— Профессор Лорринг? Уж не тот ли профессор Эрнест Лорринг, который проводил научные исследования по заказу правительства?

Николас Блейз кивнул и повел гостя к двери.

— Он самый. Бенедикт недавно познакомился с ним. Полагаю, решил, что мистер Лорринг слишком много работает и несколько дней в Шербруме пойдут ему на пользу. Кстати, — добавил Николас с улыбкой, — надеюсь, вы любите Рождество!

Мордекай Тремейн вскинул брови:

- Неужели я похож на Скруджа?
- Нет. Просто решил на всякий случай предупредить! Дело в том, что Бенедикт фанатик рождественских праздников и строго следует канону. Соблюдает все традиции: у нас неизменно присутствуют рождественские гимны, падуб, омела, елка и Санта-Клаус.

Мордекай Тремейн взглянул с подобающим случаю интересом:

- Санта-Клаус?
- Эту роль исполняет сам Бенедикт. Надевает шубу, привязывает белую бороду, которую хранит специально для этого случая. Поздно ночью, когда все уже спят, спускается в рождественский зал и наряжает елку. Заранее готовит подарок каждому. Подозреваю, что работа кипит едва ли не целый год. Однако позвольте проводить вас в комнату. Как только устроитесь, начинайте знакомиться с обитателями дома.

Секретарь ни словом не обмолвился о постскриптуме к письму. Видимо, отложил объяснение до более удобного случая.

К обеду церемония представления гостей завершилась. Мордекай Тремейн, все еще озадаченный вереницей лиц, каждому из которых соответствовало незнакомое имя, обнаружил, что об руку с Розалиндой Марш участвует в торжественной процессии, направляющейся в просторную, сияющую серебром и хрусталем столовую.

Розалинда Марш была весьма выдержанной и уверенной в себе молодой дамой — качество исключительно ценное, поскольку Тремейн так и не смог преодолеть невыгодное положение пожилого холостяка, сохранившего юношеские иллюзии по отношению к противоположному полу. Она с готовностью поддерживала беседу и на каждый заданный вопрос отвечала прямо.

— Я работаю, — сообщила мисс Марш. — Пишу картины. А еще держу в городе художественный салон. Назначаю немыслимо высокие цены и зарабатываю на жизнь с помощью соотечественников, которым толстый кошелек заменяет хороший вкус.

Мордекай Тремейн надеялся, что сумел скрыть как благоговение, так и ужас, внушенный откровенным цинизмом дамы. Красота Розалинды Марш принадлежала к тому типу, какой наиболее точно соответствует категории торжественного величия. Собранные в изысканную прическу светлые волосы в полной мере являли восхищенному взору грациозную шею, и уверенная постановка головы представала в наиболее выгодном ракурсе. Черты лица отличались классической правильностью, а безупречная кожа не имела ни малейшего изъяна. Широко раскрытые голубые глаза смотрели на мир живо и внимательно.

И все же что-то в ее античной внешности нарушало гармонию. Слушая свою спутницу, Тремейн пытался определить, в чем именно заключалось несоответствие, и в конце концов решил, что мешала твердость линий рта и носа. Твердость, граничившая с грубостью. Дама выглядела слишком холодной и напоминала мраморную статую. Тепло женственности не смягчало безупречный профиль, не окрашивало румянцем щеки. Розалинда Марш была деловой женщиной и тем самым внушала опасение.

Внезапно Мордекай Тремейн осознал, что дама обращается к нему.

— Боюсь, в настоящее время я являюсь социальным паразитом, — с улыбкой ответил он на прямой вопрос. — Не делаю ничего, что могло бы оправдать существование на земле. А раньше торговал табаком.

На мгновение Розалинда Марш растерялась, а потом уточнила:

 Полагаю, вы здесь впервые? Где состоялось ваше знакомство с Бенедиктом?

Перевести вопрос на понятный язык не составило труда. На самом деле Розалинда интересовалась, где Бенедикт Грейм отыскал подобное несуразное существо. За стеклами пенсне глаза Мордекая Тремейна лукаво блеснули.

Одна моя приятельница устроила вечеринку. Мы оба там были.

По лицу Розалинды Марш скользнуло легчайшее облачко, однако Мордекай заметил его, а также задумчивый взгляд, в котором сквозило настороженное внимание и что-то еще, очень похожее на проблеск симпатии. Он понял, что ей хочется задать новые вопросы, однако помогать не стал, а мисс Марш не нашла способа удовлетворить любопытство, не выходя за рамки приличия. В итоге она сделала вид, будто увлечена содержимым своей тарелки, и Тремейн получил возможность окинуть взглядом всю компанию.

К этой минуте разговор уже стал общим и приобрел приятную легкость. Никто из собравшихся за столом постоянных и временных обитателей дома не проявил особого интереса к скромному пожилому джентльмену, молча смотревшему сквозь пенсне на всех вместе и на каждого в отдельности.

Так Мордекай Тремейн думал до тех пор, пока не взглянул в конец стола и не увидел Николаса Блейза. Секретарь внимательно наблюдал за ним, причем даже не пытался это скрыть. Поняв, что попался, он улыбнулся, словно разделяя тайное знание.

Взгляды встретились на мгновение, и Блейз почти сразу отвернулся и обратился к сидевшей рядом даме, однако этого хватило, чтобы оживить мрачные подозрения, одолевавшие Тремейна по дороге в Шербрум. Зачем было послано приглашение? Почему Николас Блейз откровенно интересовался его реакцией на других гостей?

Мимолетное происшествие обострило любознательность: начиная с этого момента, ненавязчивое наблюдение стало еще пристальнее. За веселым занавесом рождественского счастья

скрывалась какая-то тайна. А это означало, что существовали мелкие, но красноречивые намеки, доступные пониманию проницательного свидетеля.

Через стол, почти напротив, в свете ламп сияла лысая голова Эрнеста Лорринга. Ученый склонился над тарелкой, углубившись в трапезу и не принимая участия в беседе. Крупный, крючковатый, похожий на клюв нос, густые брови и высокие скулы придавали ему облик злодея, подчеркнутый мрачным выражением лица.

Значительная часть научных изысканий профессора Лорринга носила секретный характер. Судя по всему, постоянная необходимость отталкивать любопытных сограждан окончательно подавила и без того небольшой талант к общению, заложенный природой. Соседи по столу честно совершили несколько попыток вызвать реакцию ученого, но получили устойчиво отрицательный результат и переключились на более общительных членов компании, оставив Лорринга в неприступном величии подобно молчаливому острову в море оживленной беседы.

Тремейн вспомнил слова Николаса Блейза о рождественской атмосфере, которую Бенедикт Грейм с восторгом создавал в Шербрум-Хаусе, и спросил себя, растает ли Лорринг в дружеском тепле или останется покрытым снежной коростой, осуждающим все подряд ледяным зрителем. Пока прогноз обещал продолжение заморозков.

Его взгляд скользнул дальше, и на душе сразу потеплело. Во время знакомства с Дени Арден Мордекай Тремейн сказал себе, что, если бы удалось отсчитать назад лет тридцать, он бы выбрал именно такую девушку. А сейчас, в вечернем платье, изящной женственностью фасона подчеркивающем природную красоту, она рождала в душе восхищение живой естественностью жестов и искренностью смеха. В сравнении с легким, свободным оба-янием мисс Арден Розалинда Марш выглядела мраморным изваянием — прекрасным, но лишенным живого огня.

Тремейн увидел, что соседка подняла голову, и спросил:

- Они обручены?
- Kто? уточнила мисс Марш, хотя явно поняла, о ком идет речь.

- Мисс Арден и мистер Уинтон.
- Нет. По крайней мере, официально.
- Жаль, отозвался он. Выглядят так, что следовало бы обручиться.

Примерно час назад, во время знакомства, Роджер Уинтон произвел на Тремейна благоприятное впечатление, а беззастенчивое обожание, с которым он смотрел на девушку, и ее ответное сияние убедительно подтвердили первоначальное суждение. Уинтон казался серьезным, уравновешенным молодым человеком, который отлично знал, чего хочет, но не лез напролом. Он пылко любил Дени Арден, и та отвечала взаимностью.

Даже если утверждение, что влюбленных любит весь мир, отнюдь не бесспорно, Мордекай Тремейн неизменно поддавался очарованию разделенного чувства. «Романтические истории» щедро поставляли материал для удовлетворения эмоциональных запросов, однако при встрече со счастливой любовью сентиментальная душа радостно вырывалась на свободу. Вот и сейчас Тремейн сидел, склонив набок голову, с умилением смотрел на молодых людей сквозь запотевшее пенсне и думал о том, какая они чудесная пара.

— В их колесе торчит палка, — сухо промолвила Розалинда Марш.

Мордекай Тремейн вздрогнул, покинув царство грез, и вернулся к столу.

- Палка? растерянно переспросил он, слегка обескураженный проницательностью собеседницы.
- Палка по имени Рейнер, тихо пояснила мисс Марш, чтобы не услышал никто из присутствующих, хотя в общем шуме опасаться нескромного внимания не стоило. Джереми Рейнер. Роджер ему не нравится. Весьма неудачно для Дени, потому что Джереми ее опекун.
- O! воскликнул Мордекай Тремейн и уточнил: Рейнер тот джентльмен, который сидит рядом с миссис Тристам?

Люси Тристам приехала незадолго до обеда вместе с супругами Напьер, судя по всему, живущими неподалеку. Знакомство прошло второпях, но каждый, кто встречался с Люси Тристам, запоминал ее навсегда. Она уже переступила порог молодости, однако пока зрелость лишь подчеркивала безус-

ловную женскую привлекательность. Пышные каштановые волосы с медно-рыжим отливом; изумрудные, с золотыми искрами глаза и восхитительная фигура, достоинства которой миссис Тристам прекрасно сознавала и мастерски подчеркивала. Неотразимое, волнующее создание.

— Люси великолепная, — произнесла Розалинда Марш. Мордекай Тремейн полностью согласился с ней. Действительно великолепная, неотразимая женщина — оценка идеально соответствовала яркой внешности. Он неохотно отвел взгляд и посмотрел на Джереми Рейнера. Рейнер улыбался, но натянутая, больше похожая на гримасу улыбка не могла смягчить угрюмого выражения лица. Подобно профессору Лоррингу Рейнер не разделял всеобщего застольного веселья.

- Кажется, у него не очень хорошее настроение, правда? Мордекай Тремейн осознал, что соседка пристально следит за его действиями. Предвосхищая вопрос, Розалинда заметила:
 - Вы живо интересуетесь каждым из нас.
- Люблю изучать людей, ответил Тремейн. K тому же стремлюсь запомнить всех присутствующих. В незнакомой компании всегда чувствуешь себя неуверенно.
- Если смогу помочь, не стесняйтесь, обращайтесь. Последовала едва заметная пауза, после чего мисс Марш добавила: О чем угодно.

Мордекай Тремейн понял, что неожиданное приглашение к сближению таит более глубокий смысл, чем тот, который лежит на поверхности, однако теперь настала его очередь наткнуться на глухую стену: дальнейшего поощрения не последовало. Напрасно он искал ключ: в ответ не получил ничего, кроме равнодушия.

Признав поражение, Тремейн отвернулся, снова осмотрел длинный стол и на сей раз отметил, что не всех участников обеда видит впервые. Лицо между Бенедиктом Греймом и Николасом Блейзом показалось ему знакомым.

В соответствии с этикетом между двумя джентльменами сидела дама. Разгоряченная, возбужденная, сейчас она выглядела совсем иначе, и все же ошибки быть не могло. Эту особу он ви-

дел в Калнфорде, в чайной. Ее спутника рядом не оказалось, что неудивительно: атмосфера тайного свидания, окружавшая пару за скромным столиком в полутемном углу зала, подсказывала, что эти двое вряд ли сядут вместе за парадный стол. Ведь тогда к чему прятаться? Конечно, если свидание действительно было тайным. Мордекай Тремейн мысленно натянул вожжи: снова он вторгался в воображаемое пространство и создавал загадку там, где не существовало основы даже для ее предчувствия.

- Это Шарлотта Грейм, ответила на его вопрос Розалинда Марш. Сестра Бенедикта.
 - Она живет злесь?
 - Да.

Время от времени Мордекай Тремейн невольно обращал взгляд к Шарлотте Грейм. Что-то в ее облике интриговало. Внимание притягивала некая трудно определимая, почти неуловимая черта. Казалось, она играет роль, пытаясь скрыть истинные чувства. Возникало ощущение обмана: бедняжка изо всех сил старается выглядеть беззаботной и веселой.

Трудно было понять, узнала ли она Тремейна так же, как он узнал ее. Шарлотта Грейм ни разу не посмотрела в его сторону. Оставалось одно: ждать окончания застолья.

Во время знакомства гостя со всеми обитателями дома Шарлотту Николас Блейз почему-то не представил. Тремейн спросил себя, случайный ли это промах или секретарь воздержался от знакомства намеренно — по причине, которую предстояло выяснить. Снова фантазии, остановил он собственное воображение и попытался мысленно внушить хозяину, что пришла пора завершить трапезу.

Однако мистер Грейм явно наслаждался идиллией и прерывать праздничное застолье не спешил. Он сидел на почетном месте, во главе стола, благосклонно, подобно доброму великану, смотрел на гостей спрятанными под густыми бровями голубыми глазами и оглашал комнату гулким смехом, перекрывавшим разговоры и звон приборов. В любое другое время чувствительная душа Тремейна наполнилась бы искренней симпатией. Бенедикт Грейм так открыто радовался, что напоминал ребенка, попавшего на праздник, где его назначили главным героем. Но сейчас, когда стремление познако-

миться с Шарлоттой Грейм усиливалось с каждой минутой, терпение пребывало в том состоянии, какое опытный биржевой эксперт определил бы как реакционное.

Все в мире имеет свой предел — даже усидчивость Бенедикта Грейма, — и при первой же возможности Мордекай Тремейн обратился к Николасу Блейзу.

Одна из версий сразу отпала. Секретарь непреднамеренно лишил его знакомства с Шарлоттой Грейм. Выяснилось, что в нужный момент сестры хозяина просто не было дома, а вернулась она непосредственно перед обедом и едва успела переодеться.

Блейз решил немедленно исправить оплошность. Шарлотта Грейм стояла в дальнем конце комнаты и беседовала с Люси Тристам. Она заметила подходивших джентльменов, хотя и сделала вид, будто увлечена разговором. Тремейн видел, что дама напряглась и даже побледнела. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять: сестра хозяина готовится к испытанию, которого опасается, и отчаянно пытается сохранить самообладание.

Когда Блейз представил их друг другу, Шарлотта не выдала осведомленности, а Мордекай Тремейн, в свою очередь, ограничился дежурными вежливыми фразами. Но как только секретарь удалился, сказав, что Бенедикт ждет его, и оставил их вдвоем, Тремейн сразу задал главный вопрос:

— Не мог ли я видеть вас в Калнфорде сегодня днем, мисс Грейм?

Слова прозвучали небрежно, будто он хотел просто поддержать легкий, ни к чему не обязывающий разговор, однако эффект оказался впечатляющим: Шарлотта судорожно вздохнула, еще больше побледнела и сбивчиво, неуверенно возразила:

- Я... нет, вряд ли. Прежде мы с вами не встречались.
- Речь идет не о встрече, уточнил Тремейн. Я остановился в Калнфорде, чтобы выпить чашку чаю, и увидел вас в крошечном кафе за углом аббатства.
- Вы ошиблись, тихо проговорила Шарлотта. Сегодня я не была в Калнфорде.

Ее испуганный взгляд скользил по комнате в поисках спасения. Внезапно на лице отразилось облегчение. Тремейн увидел, что рядом стоит Люси Тристам.

- Странно, произнес он. Наверное, мисс Грейм, у вас есть двойник. Готов поклясться, что это были вы. Впрочем, при тусклом освещении недолго и ошибиться.
- Да, подхватила Шарлотта, с готовностью цепляясь за коварно протянутую соломинку. Обознаться легко. Она схватила за руку миссис Тристам. Люси, мистер Тремейн только что предположил, будто сегодня днем видел меня в Калнфорде, в чайной. А я ответила, что это невозможно. Ведь мы с тобой весь день провели вместе, не так ли? Он не мог меня видеть.
- Разумеется, не мог, Шарлотта, спокойно заверила Люси Тристам. Скорее всего просто встретил даму, похожую на тебя. Разве я не права, мистер Тремейн?

Мордекай Тремейн утонул в сиянии широко раскрытых глаз, погрузился в чары мгновенно вспыхнувшего и тут же погасшего зеленого огня. Люси Тристам не выказала ни тени смущения или нервозности. Напротив, смотрела высокомерно, заранее уверенная в победе. Выдержав многозначительную паузу, она добавила:

— Мы с Шарлоттой провели вместе почти целый день. Разговаривали обо всем на свете.

Стало ясно, что тема закрыта. Мордекай Тремейн ошибся. Он не мог видеть Шарлотту Грейм в Калнфорде. Возвращаться к разговору не следовало. Тремейн в свою очередь должным образом показал, что понял намек и готов забыть о том, что увидел. Однако забывать он не собирался. Тремейн действительно видел в чайной Шарлотту Грейм, которая вела себя как испуганная заговорщица. Ее реакция рассеяла бы любые сомнения, если бы таковые существовали: отчаяние обнажило состояние нервозности и неуверенности, во время обеда спрятанное за наигранным воодушевлением.

По какой-то причине Шарлотта Грейм лгала. Люси Тристам тоже. Но почему? Что они пытались скрыть? Зачем врали совершенно чужому человеку, не желая сознаться в невинном посещении заурядной чайной? Мордекай Тремейн ощутил пробуждение охотничьего азарта. Что ж, кажется, в Рождество скучать не придется.

Глава 4

Снег падал всю ночь. Мордекай Тремейн посмотрел в замерзшее окно, увидел гладкое белое пространство и не смог угадать очертаний дороги, по которой приехал. Снегопад скрыл следы шин под плотным ровным ковром. Тремейн распахнул окно и выглянул из него. Холодный воздух хлынул в лицо и перехватил дыхание. Он вздрогнул, поспешно закрыл раму и занялся гимнастикой.

Обычно Мордекай Тремейн вставал в половине седьмого, однако здесь, в Шербруме, решил, что бесцельное блуждание по дому вызовет недовольство слуг, и позволил себе роскошь лишний час поваляться в постели. А чтобы договориться с возмущенной совестью, помахал руками на десять минут дольше и оделся, чрезвычайно довольный собственными успехами.

Наступил сочельник. Интересно, какие события принесет начинающийся день? Жизненный опыт подсказывал, что гости и постоянные обитатели дома составили чрезвычайно пеструю компанию, где могло таиться все, что угодно, и точно так же все, что угодно, могло случиться. Разумеется, существовала равная возможность, что, несмотря на внешнюю экстравагантность, эти люди окажутся самыми обычными и даже скучными персонажами, но Мордекай Тремейн предпочел позволить воображению роскошь сомнения.

Николас Блейз до сих пор не представил собственной версии вызвавшей тревогу ситуации. Впрочем, вчера обстановка не располагала к конфиденциальности: разговор неизменно оставался общим. А вот сегодня... Напевая себе под нос, Мордекай Тремейн спустился к завтраку. Пожалуй, сегодня можно ожидать результатов.

Выяснилось, что с утра пораньше Блейз беседовал с Бенедиктом Греймом, желая подробно обсудить детали предстоящего праздника и получить распоряжения. Однако вскоре последовало вознаграждение. Возможно потому, что Дени Арден тоже встала рано и несколько минут они оставались единственными обитателями утренней комнаты, или оттого, что юная свежесть обладала неотразимым очарованием, Мордекай Тремейн всем своим существом потянулся к девушке.

Почувствовав душевное расположение гостя, та улыбнулась и любезно согласилась выступить в качестве гида.

- Вы ведь здесь впервые? спросила Дени, едва они закончили завтрак. Позвольте, я покажу вам дом.
- Ничего лучше и быть не может, с радостью согласился Мордекай Тремейн. Но только если ваш молодой человек не станет возражать.
- Утром Роджер не появится, ответила Дени. Дело в том...

Она замолчала и покраснела.

— Кажется, все не очень просто, правда? — пришел на помощь Мордекай Тремейн.

Дени взглянула на него с сомнением, и он поспешно добавил:

— Знаю, что выгляжу не в меру любопытным стариком, а потому не обижусь на заслуженную порцию презрения.

Его удрученный тон заставил ее улыбнуться, как и предполагал Тремейн.

- Наши сложности всем известны, и скрывать правду бессмысленно. Джереми мой опекун терпеть не может Роджера, поэтому сегодня утром он не приедет попросила его об этом. Роджер вспыльчив, как и Джереми. Боюсь, что они снова поссорятся, а в доме много гостей.
- Снова? Мордекай Тремейн помрачнел. Неужели все настолько плохо? Простите. Понимая, что ступает на зыбкую почву, он взглянул поверх пенсне и уточнил: Мистер Рейнер как-то объяснил свою позицию?

К его облегчению, Дени не рассердилась. Только нахмурилась, отчего стала еще симпатичнее.

— В этом и заключается главная загадка. Никаких возражений у Джереми нет. По крайней мере, определенных. Просто он не любит Роджера и не стремится исправить ситуацию. Если бы я знала, в чем именно заключается причина острой неприязни, то попыталась бы устранить препятствие. Но нет. Никаких разумных объяснений опекун не дает и не считает нужным скрывать ненависть. Я в отчаянии.

Сама того не сознавая, Дени Арден выдала себя с головой. Даже если бы вечером Мордекай Тремейн не заметил ее

страстной любви к Роджеру Уинтону, то сейчас непременно догадался бы о чувствах. Кажется, Дени прочитала его мысли. Густо покраснев, она взяла за руку детектива и торопливо проговорила:

— Но ведь вы приехали не затем, чтобы выслушивать мои жалобы. Лучше пойдемте, я покажу вам дом.

Утро прошло замечательно. Старинный замок восхитил гостя. Впрочем, подобное впечатление Шербрум-Хаус произвел бы, даже если бы экскурсию провел самый дряхлый из антикваров. Дени Арден искренне любила овеянный легендами дом и с радостью делилась своим восторгом.

Она увлеченно показала ту самую башню, где в бурную эпоху Реставрации сэр Герваз Мелвин принял смерть от рук кузена после карточной ссоры, привела Тремейна в просторную спальню, в которой ночевала королева Елизавета. Совместными усилиями они с трудом открыли скрипучую дверь затянутой паутиной комнаты, в течение двух лет служившей темницей для прелестной леди Изабеллы. Узнав о гибели возлюбленного, безутешная пленница выбросилась из окна на каменную террасу и разбилась насмерть.

Со стен мрачного коридора, где до сих пор бродил призрак несчастной девушки, строго взирали портреты Мелвинов.

- Часто спрашиваю себя, с какими чувствами семья покинула этот дом и отказалась от многовекового уклада, призналась Дени, остановившись перед портретом сэра Руперта Мелвина рыцаря с высоким надменным лбом и темной бородой, властно сжимавшего рукоять меча. Сейчас род уже угас. Дядя Бенедикт купил дом у посредников, представлявших интересы дальнего родственника последнего и единственного наследника. И все же сохранилось мощное ощущение традиций. Судя по всему, продавец по-моему, его фамилия Латимер был слишком беден, чтобы здесь жить. Но каждое лето он приезжал в Шербрум и ставил в саду палатку. Если бы не крайняя необходимость, этот человек не согласился бы расстаться с семейным гнездом.
- Наверное, удар оказался горьким и болезненным, произнес Тремейн. Грустно думать о медленном разру-

шении некогда славного рода. Мне бы точно не хотелось оказаться последним представителем древней династии, да еще вынужденным продать остатки былой роскоши.

Они осмотрели обязательное в старинных замках убежище священника, и Дени показала, как открыть спрятанную в стене секретную дверь.

- Сейчас, конечно, ничего тайного уже не осталось, вздохнула она, но утверждают, будто в шестнадцатом веке католический священник прятался тут целый год и англиканские мятежники не смогли его найти, хотя несколько раз устраивали внезапные обыски.
- Ужасная судьба, промолвил Мордекай Тремейн, заглянув в темноту чулана. Только представьте, что человек, жил подобно загнанному зверю, отсиживаясь в норе.

Тайник располагался под примыкавшей к библиотеке большой комнатой первого этажа, где уже стояла елка. Дени начала экскурсию отсюда, но надолго тут не задержалась, поэтому напоследок Мордекай Тремейн попросил разрешения взглянуть на убежище еще раз.

Вернувшись в просторный салон с французским окном и дубовыми панелями на стенах, они попали к традиционной рождественской церемонии волшебного превращения. Бенедикт Грейм и Николас Блейз украшали помещение с помощью дворецкого Флеминга, с невозмутимым достоинством служившего вешалкой для разноцветных гирлянд. В знак приветствия Блейз жизнерадостно помахал молотком:

— Доброе утро! Хотите принять участие в работе?

Мордекай Тремейн с интересом осмотрелся. Комнату уже украшали падуб и омела, а от стены к стене тянулись серебристые ленты. В углу красовалась высокая елка, надежно укрепленная в большой деревянной кадке. Если бы рослый мужчина привстал на цыпочки и вытянул руку, то с трудом достал бы до верхушки.

— Что скажете? — раздался голос хозяина.

Подняв голову, сквозь пушистые ветки Тремейн увидел улыбающееся лицо Бенедикта Грейма. Тот возвышался, стоя на стремянке за деревом.

- Дядя Бенедикт особенно гордится елкой и всегда украшает ее сам, — пояснила Дени Арден. — Скоро увидите результат его труда.
- Не грех и постараться, добродушно прогудел мистер Грейм. Рождество бывает только раз в году!

Глядя сверху вниз сияющими на морщинистом лице голубыми глазами, он напоминал слегка постаревшего мистера Пиквика. Мистер Грейм утратил приятную округлость форм и заметно поседел, однако в полной мере сохранил энтузиазм молодости. Мордекай Тремейн порадовался отсутствию в саду озера, иначе неугомонный хозяин наверняка заставил бы гостей бодро кататься на коньках. Что и говорить, с постоянно сползающим пенсне и разъезжающимися на льду ногами сам он вряд ли представил бы достойное зрелище.

Сжимая зубами нить золотого дождя, мистер Грейм выглянул из-за ветки.

- Простите, что уделяю вам мало внимания, пробормотал он. Нельзя целиком положиться на слуг приходится во всем участвовать самому. Надеюсь, вы еще не успели заскучать?
- Напротив, провожу время в высшей степени приятно, искренне ответил Мордекай Тремейн. Мисс Арден любезно показывает мне дом. Нет ничего интереснее старых замков.
- История здесь на каждом шагу, согласился мистер Грейм. А Дени лучший гид. Знает больше любого из нас. Однако не увлекайтесь чрезмерно и не задерживайтесь в комнатах с привидениями, лукаво добавил он. Иначе придется объясняться с молодым Уинтоном! Он вопросительно взглянул на Дени. Кстати, дорогая, почему твоего воздыхателя до сих пор нет?
- Я попросила его не приходить утром. Решила, что лучше дождаться вечера.
- Дождаться вечера! Когда я был в его возрасте... начал Грейм, но тут же спохватился: Прости, дорогая. Полагаю, это из-за Джереми. Старый скряга снова вышел на тропу войны? Постоянно твердит Роджеру, чтобы тот...

Отчаянными знаками и умоляющим взглядом Дени Арден попыталась остановить его монолог. Наконец Бенедикт Грейм заметил ее смятение, откашлялся и сосредоточился на украшении елки.

Воздух в комнате ощутимо сгустился. Мордекай Тремейн медленно, осторожно повернул голову и увидел Джереми Рейнера. Тот стоял возле двери, не дальше чем в пяти ярдах от остальных. В тусклом утреннем свете серая мрачность бросалась в глаза еще отчетливее. Сейчас он выглядел выше и худее, чем вчера вечером, а смотрел с нескрываемым осуждением. Мордекай Тремейн ощутил неловкость, словно стал невольным свидетелем семейной сцены. Он ненавидел домашние ссоры: вульгарные неурядицы коробили его благородную душу.

Однако Джереми Рейнер не произнес ядовитых слов, которые напрашивались в неловкой ситуации. Не подал виду, что услышал презрительные слова Бенедикта Грейма. Все его внимание сосредоточилось на елке: он смотрел с таким выражением, будто дерево воплощало мировое зло.

Чувствуя себя единственным из присутствующих, непричастным к семейной драме — если не считать Флеминга, — Мордекай Тремейн решил, что обязан разрядить обстановку, и обратился к мистеру Грейму:

— Мы с мисс Арден собрались предпринять тщательный осмотр тайной комнаты, однако, чтобы не мешать вам, сделаем это позднее. — Он повернулся к Дени: — Что скажете о небольшой прогулке перед ленчем? Очень полезно для аппетита!

Дени приняла предложение не только с радостью, но и с облегчением.

- С удовольствием! ответила она, наградив Тремейна благодарным взглядом. Только поднимусь за шарфом.
- Пожалуй, составлю вам компанию и тоже оденусь потеплее, — произнес Тремейн. — Уже слишком стар, чтобы рисковать!

Джереми Рейнер посторонился, чтобы пропустить обоих. Держался он естественно: дружески кивнул Дени и обратился к гостю:

- Только не позволяйте ей командовать, а не то она вас загонит!
- Мои марафоны давно позади! ответил Мордекай Тремейн.

Он улыбнулся, понимая, что никакой симпатии не возникло. Серые глаза смотрели холодно. Тремейн вышел из комнаты, радуясь мирному развитию ситуации. Не дай бог получить Джереми Рейнера в качестве врага!

Глава 5

Когда Мордекай Тремейн и Дени Арден спускались по ступеням парадного крыльца, по главной аллее подъехала машина и остановилась возле дома. Из-за руля выбрался плотный румяный человек.

— Здравствуйте, дядя Джеральд! — воскликнула Дени Арден. — Ездили за покупками?

Тремейн думал, что Джеральд Бичли заметил их, однако, услышав обращение, тот так резко вздрогнул, что стало ясно: о постороннем присутствии он не подозревал. Джеральд Бичли швырнул на сиденье пакет, который только что достал, и обернулся:

 $-\,$ A, это ты, Дени! Вот решил в последнюю минуту коечто купить.

Она попыталась заглянуть в салон, но Джеральд проворно подвинулся и загородил дверцу.

- Можно посмотреть, что вы привезли? - спросила Дени. - Или это секрет?

Смущенный и недовольный, Бичли опустил голову:

— Вообще-то это... для Бенедикта.

Тремейн стоял возле правого переднего колеса и сквозь ветровое стекло видел на водительском сиденье большой сверток. Бумага слегка порвалась, и в прорехе торчала красная ткань. Джеральд Бичли поймал его заинтересованный взгляд и, он быстро повернувшись, сунул руку в открытое окно и поправил пакет. Дени Арден посмотрела с любопытством, однако оставила движение без комментария и весело объявила:

- Ну а мы собираемся пройтись перед ленчем. До встречи.
- Приятной прогулки! отозвался Бичли в своей обычной дружелюбной манере.

Они добрались до конца аллеи, и недалеко от ворот Мордекай Тремейн впервые заметил скрытую деревьями сторожку судя по всему, необитаемую. Штор на окнах не было, да и само строение выглядело если не окончательно заброшенным, то изрядно забытым. Они вышли на дорогу, и Дени спросила:

— Интересно, что задумал дядя Джеральд?

Мордекай Тремейн размышлял о том же, но стеснялся начать разговор, а потому с готовностью подхватил тему.

- Очень старался спрятать от нас покупку, произнес он.
 - Я попыталась взглянуть, но он загородил дверь.
- Там была какая-то ткань. Мне удалось увидеть, потому что бумага порвалась.
- Скорее всего готовит очередной розыгрыш. Невозможно угадать, что они с дядей Бенедиктом устроят в Рождество. В прошлом году дядя Джеральд провел сочельник в роли призрака леди Изабеллы и до смерти напугал тетю Шарлотту. После этого она целую неделю не разговаривала с ним.
- Почему вы зовете мистера Бичли дядей? поинтересовался Мордекай Тремейн. Разве он ваш родственник?
- Нет, ответила Дени. И дядя Бенедикт тоже не родственник. Но я привыкла думать о них как о близких людях. Джереми дружит с дядей Бенедиктом очень давно, сколько себя помню. Когда папа умер, а Джереми стал моим опекуном, дядя Бенедикт проводил с нами так много времени, что я стала считать его членом семьи.
- Мистер Бичли и мистер Грейм связаны семейными отношениями?

Дени покачала головой:

- Нет. Они просто давние друзья. Но теперь уже дядя Джеральд считается в доме своим, хотя родные здесь только дядя Бенедикт и тетя Шарлотта.
- Тетя Шарлотта? пробормотал Мордекай Тремейн. Леди средних лет, верно? Мне она показалась непростой особой.
 - В каком смысле?

— Не могу сказать определенно. Порой немного озадачивает. По-моему, вчера днем я встретил ее в Калнфорде, в чайной, но, наверное, ошибся. Как выяснилось, в это время она беседовала с миссис Тристам, так что не могла там находиться.

Говоря это, Тремейн внимательно следил за Дени, пытаясь заметить ее реакцию и понять в конце концов, почему мисс Грейм беззастенчиво лгала. Однако Дени на него не смотрела, а в манере ее не сквозило ничего необычного.

- Мне очень жаль тетю Шарлотту, вздохнула она. Жизнь не приносит ей радости. Только разочарование и печаль. В молодости она была хорошенькой, но почему-то так и не вышла замуж. Иногда бедняжка кажется совсем беспомощной! К счастью, дядя Бенедикт присматривает за ней. В итоге его щедрость идет на благо обоим.
 - Обоим?
- Тете Шарлотте и дяде Джеральду. Дядя Бенедикт содержит и его тоже.
- Иными словами, мистер Бичли не располагает собственными средствами?
- Насколько мне удалось выяснить, нет, произнесла Дени. Дядя Бенедикт постоянно оплачивает его счета, предоставляет ему кров и еду.

Несколько секунд длилось молчание, а затем Мордекай Тремейн осторожно заметил:

— Жаль, что ваш опекун настолько твердо придерживается занятой позиции.

Важно, что, несмотря на внезапную перемену темы, Дени сразу сообразила, что он имел в виду. Столь же важным и на редкость приятным показался ее уверенный, откровенный ответ.

- Даже не знаю, что думать. Джереми никогда еще не вел себя так неразумно. Да и началось все неожиданно. Не понимаю, что на него нашло.
- Хотите сказать, что опекун не всегда дурно относился к мистеру Уинтону?
- Разумеется! Прежде Джереми и Роджер прекрасно ладили. И вдруг полгода назад что-то произошло: внезапно и оттого еще более странно и неприятно.

- Может, они поссорились по какому-то принципиальному поводу?
- Нет. Если только Роджер от меня ничего не скрывает. Но я этому не верю. Он выглядит таким же растерянным, как и я. Уверена, виноват Джереми! с жаром добавила Дени. Он давно ведет себя странно, причем не только по отношению к Роджеру. У него возникли какие-то тайные соображения.
- В чем именно заключается странность поведения мистера Рейнера? поинтересовался Мордекай Тремейн.

Кажется, он слегка перегнул палку. Дени словно спохватилась:

- Я просто сгущаю краски. Ничего особенного. Ни перьев в волосах, ни других чудачеств. Но иногда он ведет себя непредсказуемо. Принимает поспешные решения. Трудно предугадать, как поступит в следующую минуту. Например, до недавнего времени дядя Джереми вообще не собирался встречать Рождество в Англии. Планировал совершить деловую поездку в Америку и провести там праздничные дни. Купил билет, все подготовил и вдруг внезапно передумал.
 - Он объяснил причину?
- Не произнес ни слова, кроме того, что планы изменились. И это тоже странно, ведь прежде он от меня ничего не скрывал.
- А если мистер Рейнер получил плохие известия относительно бизнеса и не захотел огорчать вас?
- Уверена, ничего подобного не произошло. Джереми не тот человек, который расстраивается из-за деловых проблем. Слишком многое он повидал на своем веку.
- А как отнесся к поездке в Америку мистер Грейм? Насколько могу судить, Рождество для него великое событие. Он не возражал против отсутствия мистера Рейнера?
- Дядя Бенедикт расстроился, ответила Дени. Ему важно, чтобы все мы встречали праздник дома. Однако открыто возражать он не стал. Сказал лишь, что будет разочарован отсутствием Джереми, но окончательное решение оставляет за ним.

Мордекай Тремейн пристально взглянул на Дени и остановился. Она удивленно обернулась и посмотрела в его прикрытые стеклами пенсне живые серые глаза.

- Только не говорите, что выбились из сил! воскликнула она шутливо.
- Нет, не выбился. Просто очень удивился. Не могу понять, почему вы разговариваете со мной вот так.
- О чем вы? произнесла Дени, однако щеки ее вспыхнули предательским румянцем.

Мордекай Тремейн подумал, что смущение ей к лицу.

— Наш разговор трудно назвать легкомысленным, — сказал он. — Я приехал вчера, и все же вы делитесь со мной проблемами, которые вряд ли регулярно обсуждаете с едва знакомыми людьми. Почему?

Дени постояла молча, с пылающими щеками, а потом произнесла:

- Хорошо. Что именно вы хотите услышать?
- То, что вас тревожит. И только если хотите поделиться этим.
- Хочу, медленно ответила Дени. Но не знаю, что сказать. Понимаю, что звучит глупо, добавила она торопливо, заметив его удивленный взгляд, но иначе выразить не могу.
- Иными словами, вы чувствуете, что должно случиться нечто плохое, но не можете определить, что именно, и не знаете, как предотвратить события, а потому нервничаете и не находите себе места, объяснил Мордекай Тремейн.
- Верно, кивнула Дени. Вы точно описали мои чувства. В чем же дело? Что меня пугает?
- Я здесь человек посторонний. И вижу только одно: подготовку к веселому, в лучшем смысле старомодному, традиционному празднованию Рождества.
- Так и есть. Наверное, я напрасно беспокоюсь. Дядя Бенедикт радостно суетится, заботится о каждой мелочи и наряжается Санта-Клаусом. Мы смеемся, шутим и вообще ведем себя как одна большая дружная семья. Елка сгибается под тяжестью подарков, даже снег идет когда положено все так приятно и спокойно.

- Только на самом деле все не так, печально возразил Мордекай Тремейн. Вы не можете избавиться от странного предчувствия приближающегося кошмара. Он пристально посмотрел ей в лицо, однако тщательно спланированная атака не достигла цели. Дени Арден не поделилась своими мыслями, и через пару мгновений Тремейн отступил на заранее подготовленную позицию:
- Вы до сих пор не ответили, почему решились на откровенность.
- Боюсь, просто люблю сплетничать. Простите. Видимо, страшно надоела вам своими жалобами. Дени взглянула на часы и, прежде чем Тремейн успел возобновить наступление, добавила: Боже, надо бежать, а не то опоздаем к ленчу!

На обратном пути они спешили и шли настолько быстро, что почти не разговаривали. Мордекай Тремейн с сожалением подумал, что придется дождаться новой возможности остаться вдвоем и продолжить доверительную беседу. Жаль только, что присутствие Роджера Уинтона практически сводило шансы к нулю.

После ленча Дени Арден исчезла. Оставив надежду отыскать ее, а в случае успеха отвоевать у Роджера, Тремейн грустно брел по аллее в сторону пустой сторожки, когда его окликнули. Обернувшись, он увидел Николаса Блейза и воодушевился. Может, вторая половина дня все-таки не пройдет даром?

- Приветствую! Все украсили?
- Во всяком случае, то, что касается меня, с улыбкой ответил секретарь. Бенедикт продолжает возиться со своей любимой елкой, но помощь ему больше не нужна. Предпочитает трудиться в одиночестве.
 - Елка для него дело чести.
 - Несомненно. Подождите до утра: увидите ее во всей красе!
 - Каждый получит подарок?

Блейз кивнул.

— В данный момент Бенедикт занимается тем, что развешивает карточки. Эту часть работы он обычно выполняет днем, а поздно вечером, когда все уже ложатся спать, прикрепляет пакеты.

- Причем делает это в костюме Санта-Клауса?
- Естественно, подтвердил Блейз. Рад, что отыскал вас. Я ждал возможности побеседовать наедине.
- Должен признаться, что предвидел необходимость разговора, произнес Мордекай Тремейн.
- У вас возникли вопросы относительно моего письма. Наверное, гадаете, почему я убедил Бенедикта пригласить вас. Дело в том, что предстоит серьезная работа.
 - Сюжет усложняется, усмехнулся Тремейн.

Однако Блейз внезапно смутился:

- Надеюсь, не подумаете обо мне слишком плохо: пригласил на праздник, а теперь заставляю выслушивать жалобы, но я встревожен. Очень встревожен. Вспомнил о вас и понял, что вы и есть тот самый человек, который способен помочь. Видите ли, в полицию обращаться бесполезно, потому что не смогу сказать ничего конкретного. Там посоветуют пойти к врачу и подлечить нервы. И будут правы.
- Значит, все-таки что-то есть, пробормотал Морде-кай Тремейн.
- О чем вы? испуганно спросил Блейз. Вам что-то известно?
- Нет, невозмутимо ответил Тремейн. Вы только что сказали, что в полицию обращаться бесполезно. Что заставило вас вспомнить о ней?
- Поведение Бенедикта. Что вы о нем думаете? Не кажется ли вам, что по сравнению с первой встречей мистер Грейм изменился?
- Не заметил ничего подозрительного. Ваш хозяин пребывает в прекрасном настроении и готовится весело встретить Рождество.
- И все же он не такой, как прежде. Что-то тяготит его. По-моему, страх.
 - Чего именно он боится?
- Не знаю. Николас Блейз пожал плечами. Потому и попросил вас приехать.
- Но что же я смогу сделать? Мистер Грейм вряд ли захочет довериться мне, если не открылся вам. По-моему, откровенничать он не собирается.

- Но вы привыкли к подобным ситуациям: имеете богатый опыт в... расследовании.
- И вы хотите, чтобы я выяснил, чего именно боится мистер Грейм?
- Можно сказать и так. Трудно определить словами, чего конкретно я хочу. Работаю у Бенедикта давно, успел к нему привязаться. Хорошо понимаю его. Ценю щедрость, готовность помочь такому жалкому существу, каким я к нему пришел. Знаю, насколько простым и цельным человеком он может быть: например в вопросах, касающихся украшения елки, но не могу видеть его замкнутым, скрытным, теряющим радость к жизни. А именно это сейчас и происходит.
 - Но почему бы не спросить у самого мистера Грейма? Николас Блейз поморщился.
- Мне не хватает мужества, честно признался он. Вам известно, какие отношения нас связывают. Я управляю всеми делами Бенедикта. Он относится ко мне как к равному. Но ведь я по-прежнему остаюсь наемным работником. Раз-другой, в особенно удачную минуту, пытался вызвать его на откровенность, однако ничего не получилось. Он лишь замкнулся.
 - И вы даже не догадываетесь, что его угнетает?
 Блейз помолчал.
 - Нет... ничего определенного. Только...
 - Только?..
- Порой возникает ощущение... да-да, не больше, чем ощущение... что Рейнер не остался в стороне.
- Вас тревожит тот же вопрос, из-за которого переживает мисс Арден?
- Дени? удивленно переспросил Блейз. Разве она что-нибудь говорила о Бенедикте?
- Нет, она упоминала не мистера Грейма, а своего опекуна. У нее возникли такие же чувства, как у вас в отношении мистера Грейма.

Николас Блейз помолчал, а потом уточнил:

- Ей кажется, будто с мистером Рейнером что-то не так?
- Да, кивнул Мордекай Тремейн. Знаменательное совпадение. Насколько могу судить, Бенедикт Грейм и Дже-

реми Рейнер — старинные друзья. Если у обоих возникли одни и те же симптомы, то и причина скорее всего общая. Как насчет доброй старой тени из прошлого?

Он заметил внезапную растерянность собеседника и усмехнулся.

- Одна из обычных, почти банальных версий, пояснил он извиняющимся тоном. Давние деловые партнеры, в молодости замешанные в сомнительном предприятии, неожиданно вспоминают о прошлом и испытывают чувство вины. А спровоцировать муки совести может, например, приезд старого знакомого. Этот персонаж переживает тяжелые времена и пытается поправить материальное положение проверенным способом: с помощью шантажа.
- Маловероятно, возразил Николас Блейз. Уверен, дело не в этом. Они ни в малейшей степени не похожи на сообщников или заговорщиков.

Его слова прозвучали до такой степени искренне, что Мордекай Тремейн не сдержал улыбки:

- Я не настаиваю, что так оно и есть, лишь предлагаю одно из вероятных объяснений. В последнее время в деревне не появлялись незнакомцы? В подобных случаях это обстоятельство играет существенную роль.
- Надеюсь, вы надо мной не насмехаетесь? с подозрением осведомился Николас Блейз.
- Я говорю вполне серьезно, Ник. Вы наверняка знаете всех обитателей деревни. В последнее время не замечали на улицах посторонних?
- Пожалуй, пару незнакомцев видел, ответил он после продолжительной паузы. Но в этом нет ничего необычного. Несмотря на скромные размеры, Шербрум место известное, и туристы нередко сюда заглядывают.
- Но только не в середине зимы, когда все вокруг заметено снегом, произнес Тремейн. И приводит их вовсе не бескорыстное желание взглянуть на живописный уголок Старой Англии. Однако вернемся к вашим незнакомцам. О них что-нибудь известно?

В сознании вдруг молнией вспыхнуло внезапное воспоминание. Не дав Блейзу ответить, Тремейн поспешно уточнил:

— Один из них высокий, худой, с темными глазами, а держится так, будто готов в любую минуту броситься в драку. Верно?

Реакция собеседника оказалась более бурной, чем он предполагал. Николас Блейз резко обернулся и воскликнул:

- Да, именно так! Но где вы его видели? Разве вы выходили за ворота?
- Нет, если не считать утренней прогулки с мисс Арден. А этого человека встретил вчера. Искал ваш дом, увидел его на дороге и остановился, чтобы спросить, куда ехать дальше. Он стоял напротив ворот с весьма заинтересованным видом. Отсюда вопрос о появлении таинственных незнакомцев.
- Может, просто смотрел из любопытства? предположил Блейз. Дом старинный, очень красивый. Я тоже видел этого человека. Скорее всего, несмотря на внешнюю суровость, он не представляет опасности. Честно говоря, Мордекай, версия о таинственном незнакомце не убеждает. Бенедикт и Джереми не имеют отношения к его появлению в этом я не сомневаюсь, хотя конкретно ничего не знаю. Более того, не возьмусь утверждать, что проблему не следует искать в Рейнере.
 - Разве они с Бенедиктом не близкие друзья?
 - Официально так и есть, но иногда возникают сомнения.
 - По конкретной причине?
- По одной-единственной конкретной причине. Полагаю, вы видели миссис Тристам?
- Да, познакомились вчера вечером. Потрясающая женшина.
- Чрезвычайно привлекательная особа, сухо уточнил Блейз. В том-то и дело. Бенедикт, несомненно, считает именно так. И Рейнер тоже. Понимаете?
- Вполне. Вдовы способны творить чудеса. А джентльмены склонны решать подобные проблемы на рассвете, с пистолетами в руках. Верно?
- В общих чертах. Хотя о пистолетах речь пока не заходила.
 - А что думает об этом сама дама?
- Неизвестно, что думает миссис Тристам. Николас Блейз немного помолчал, словно давая собеседнику

время проникнуться мыслью о великолепии зеленоглазой Люси, а потом спросил: — Ну так как же? Возьметесь за дело?

- Позвольте удостовериться, что правильно представляю проблему. Вам кажется, будто Бенедикта Грейма терзает некий тайный страх. Сам он ничего не объясняет, но вы считаете, что причина кроется в Джереми Рейнере.
- Нет, поспешно возразил Блейз, так далеко мои рассуждения не заходят. Это лишь интуитивная догадка, инстинкт, если хотите, ни на чем не основанное предчувствие наверняка ошибочное.
- Значит, вы никого не подозреваете. Более того, даже не знаете, что именно следует подозревать. Просто чувствуете, что у мистера Грейма возникли серьезные неприятности, которые он не желает обсуждать даже с вами. Вы предлагаете мне заняться этим чрезвычайно туманным делом, однако понятия не имеете, что следует искать и с чего начать!

Николас Блейз мрачно нахмурился.

- Звучит не слишком вдохновляюще, честно признался он. Понимаю ваше нежелание впутываться в столь неопределенную историю. Но пусть она не испортит вам Рождество. Давайте забудем все, что я сказал.
- Подождите минутку. С чего вы взяли, что я не желаю впутываться в неопределенную историю?
 - То есть вы согласны?
- Разумеется, согласен. Предложение слишком увлекательное, чтобы отказаться.
- Спасибо, Мордекай! горячо воскликнул Блейз. Вы сняли с моих плеч тяжелый груз. Если потребуется что-либо разузнать, что-то подсказать или сделать, дайте знать. Сразу все исполню. Вот только одна просьба...
- Знаю, перебил Тремейн. Ничего не говорить мистеру Грейму.
- Не хочу, чтобы вы решили, будто я намеренно действую за спиной Бенедикта. Просто не представляю, как он воспримет инициативу. Вдруг подумает, что я шпионю? После всего, что он для меня сделал...
 - Разумеется. Ценю вашу позицию.

Если бы расплывчатая, туманная версия, которую пытался представить Николас Блейз, явилась из пустоты, Мордекай Тремейн скорее всего отбросил бы ее как нелепую и объяснил предпраздничной невоздержанностью в еде, однако все сказанное точно совпало с картинами и впечатлениями, запавшими в его память. Образ мужчины и женщины, увлеченных интимной беседой в чайной города Калифорда; образ худого враждебного человека, стоявшего на дороге возле Шербрум-Хауса; образ Шарлотты Грейм — бледной и нервной, решительно отрицавшей, что ездила в Калнфорд; образ несокрушимо уверенной в себе Люси Тристам, подтверждающей алиби Шарлотты Грейм с видом женщины, которая сознательно лжет и наслаждается этим. Образ серого, угрюмого Джереми Рейнера, рассматривавшего елку, над которой деловито хлопочет Бенедикт Грейм; образ Дени Арден в развевающемся шарфе, с порозовевшими на ветру щеками и затаенным страхом в глазах...

Ни одна из картин сама по себе не имела глубокого смысла и могла получить более-менее разумное объяснение, однако в целом создавалось ощущение надвигающейся драмы. Мордекай Тремейн знал, что дыма без огня не бывает.

Глава 6

Главным событием дня стал приезд Остина Деламера. Его появлению предшествовала пространная телеграмма, где говорилось, что джентльмен не смог отправиться в Шербрум утренним поездом, как намеревался, а потому прибудет позднее, на машине. И действительно, в четыре часа у крыльца остановился большой автомобиль с водителем. В холл с соответствующим антуражу достоинством вкатилась невысокая полная фигура, облаченная в плотное пальто с каракулевым воротником. Остин Деламер поднял руку, приветствуя вышедшего навстречу Бенедикта Грейма. Другой рукой он держал объемистый чемодан, всем своим видом демонстрируя усталость только что оторвавшегося от трудов государственного деятеля.

- Жаль, что не удалось приехать раньше, мой дорогой друг! обратился гость к хозяину дома. Бесконечные дела, понимаешь ли. Невозможно отдохнуть даже в Рождество. Пришлось прихватить с собой кое-какие документы. Надеюсь, не обидишься, если время от времени я буду прятаться в комнате?
- Разумеется, не обижусь, сердечно заверил Бенедикт Грейм. Очень рад, что ты все-таки вырвался. Рождество без тебя не Рождество.

Даже если в глазах мелькнула насмешливая искра, в голосе она ни в малейшей степени не отразилась. Мордекай Тремейн случайно очутился в холле и стал невольным, но зачитересованным свидетелем приезда Остина Деламера. Мистер Грейм искренне обрадовался встрече.

- Полагаю, собралась обычная компания? осведомился Деламер, позволяя дворецкому принять пальто. И предстоят обычные забавы, включая елку?
- Включая елку, подтвердил мистер Грейм. Хочешь взглянуть?
- Еще успею, с улыбкой отказался Деламер. Вот только приведу себя в порядок и сразу отправлюсь на экскурсию. Все тот же верный традициям старик Бенедикт! воскликнул он. Что за разочарование постигло бы нас, не окажись вдруг елки! До чего приятно хотя бы ненадолго отвлечься от политики и погрузиться в настоящую рождественскую атмосферу! Как будто возвращаешься в детство. Редкая возможность в наши дни!

Мордекай Тремейн заподозрил, что последняя фраза предназначалась ему. Деламер заметил присутствие постороннего человека. Грейм перехватил взгляд и обернулся:

- Приветствую, Мордекай! Вы ведь не встречались с Остином Деламером?
 - Нет, не имел чести.

Хозяин провел церемонию официального знакомства, а он тем временем получил удобную возможность незаметно рассмотреть политика.

Полное лицо и похожая на яйцо голова с заметно поредевшими на макушке волосами не впервые представились пытливому взгляду. Тремейн еще не встречался с парламентарием лично, но неоднократно видел его на фотографиях в газетах и слышал по радио маслянистый голос, рассуждавший на очередную злободневную тему. В результате возник образ напыщенного человечка с преувеличенным сознанием собственной значимости. Пока карьера Деламера не отличалась успешностью и развивалась медленно, натыкаясь на препятствия, однако в определенных кругах политик считался фигурой восходящей, полезной с точки зрения отдаленной перспективы.

Гадать о его намерениях не приходилось. Деламер не скрывал, что стремится достичь вершины. Шепотом обсуждалась неразборчивость в средствах, однако суть скандала так и не вышла за пределы сплетен. Доказательств его участия в неблаговидных деяниях не существовало, а обвинять такого человека, как Остин Деламер, без конкретных фактов было бы опасно.

Впрочем, однажды возник намек на более определенные обстоятельства, угрожавшие весьма неловкой ситуацией, связанной с именем директора государственного учреждения. Сейчас, стоя перед джентльменом, Мордекай Тремейн попытался вспомнить, о чем именно шла речь. Кажется, о каких-то контрактах и взятке...

В чем бы ни заключалась неприятность, за давностью лет не имело смысла копаться в ржавых обломках прошлого, тем более что Деламер затеял светскую беседу. Мордекай Тремейн выпустил мягкую руку нового знакомого, лежавшую в его ладони вяло и пассивно, без намека на ответное пожатие.

- Я здесь впервые, пояснил он, и с радостью жду праздника.
- Бенедикт твердо решил войти в историю в качестве героя, в век циничного материализма сохранившего дух романтического Рождества, констатировал Остин Деламер.

Казалось, джентльмен был готов продолжить приятный разговор, однако Мордекай Тремейн тонко чувствовал атмосферу и понимал, что тот вовсе не сосредоточен на собеседнике, а ловко оперирует дипломатичными фразами, в то время как внимание его направлено на что-то другое.

Через пару минут Деламер уже поднимался в приготовленную для него комнату. Оставшись в одиночестве, Тремейн задумался о новом участнике торжества и спросил себя, отве-

дена ли политику роль в скрытой яркими гирляндами драме. Ничто не указывало на его участие в тайных событиях, но в равной степени ничто не свидетельствовало против этого. Деламер регулярно проводил Рождество в Шербрум-Хаусе, а это означало, что чаша весов слегка склонялась в положительную сторону.

Мордекай Тремейн обуздал разыгравшееся воображение, напомнив себе о необходимости дисциплинировать ход мысли, и направился в сторону библиотеки. Войдя в комнату, он обнаружил, что территория уже занята и путь к достойному отступлению отрезан. Возле телефона сидел Джеральд Бичли.

— Я же сказал, все будет в порядке. Прослежу, чтобы ты получил деньги. — Он повысил голос. — Нет, не делай этого! Тебе заплатят. Достаточно...

Он замолчал. Чтобы объявить о своем присутствии, Мордекай Тремейн кашлянул. Джеральд Бичли взглянул с неприкрытой яростью и снова повернулся к телефону.

— Перезвоню, — торопливо предупредил он невидимого собеседника. — Потом объясню. Только ничего не делай в спешке. Получишь все, что хочешь. Он не откажет. — Бичли зло бросил трубку и грубо осведомился: — Что вам нужно?

Мордекай Тремейн вежливо ответил:

— Прошу прощения. Зашел по ошибке. Не знал, что здесь кто-то есть.

Бичли сообразил, что выдает себя, а Мордекай Тремейн, стоявший напротив в съехавшем на кончик носа пенсне и с выражением искреннего дружелюбия на лице, выглядел настолько безвредным, что злиться было просто невозможно.

- Простите, пробормотал Джеральд Бичли. Вы меня напугали.
- Не стоит извиняться, мне не следовало входить так тихо.

В его манере раскаяние сочеталось с благодушием. В эту минуту он напоминал старую деву, случайно попавшую в чужую спальню и застывшую в растерянности. Джеральд Бичли не сумел скрыть смущения:

— Боюсь, вы застали меня не в лучший момент. Позвонил друг, чтобы занять деньги. Отказывать не хотелось, хотя просьба далеко не первая. Я обещал помочь, но в то же время не смог удержаться, чтобы не высказать собственное мнение.

Он украдкой взглянул на собеседника, будто желая удостовериться в убедительности версии, однако лицо Тремейна осталось свободным от эмоций — разумеется, намеренно.

— Понимаю, — пробормотал он. — Подобные просьбы порой... несколько озадачивают, не так ли?

Он никоим образом не намекнул, что не поверил в наспех сочиненную историю, и мысленно добавил в свою коллекцию еще один важный эпизод. По словам Дени Арден, Джеральд Бичли находился в полной материальной зависимости от Бенедикта Грейма. Из этого вряд ли следовало, что он привык давать взаймы друзьям, скорее напротив — активно занимал сам. Судя по всему, один из кредиторов позвонил и начал выдвигать неприятные требования, вызвав внезапную вспышку раздражения: не хотелось демонстрировать постороннему собственные финансовые проблемы.

«Получишь все, что хочешь... Он не откажет».

Возникло логичное предположение, что местоимение «он» относилось к Бенедикту Грейму. Наверное, Бичли не впервые призывал благодетеля на помощь.

Погода не благоприятствовала прогулкам, так что, несмотря на внушительные размеры дома, Мордекай Тремейн был обречен на многочисленные встречи. Необходимо подчеркнуть, что из комнаты в комнату он переходил не бесцельно. Любовь к тайнам расцвела пышным цветом. Если бы инспектор Бойс, сотрудник Скотленд-Ярда, оказался рядом, то, едва заметив скромную фигуру в сползающем пенсне, неугомонно, словно потеряв покой, переходившую с места на место, моментально поставил бы диагноз. Дело в том, что Мордекай Тремейн прилежно собирал впечатления о любопытной компании, в которой ему предстояло встретить Рождество, причем искренне наслаждался этим процессом.

Проходя мимо распахнутой настежь двери одной из многочисленных комнат, он услышал шелест газетных страниц. Украдкой заглянул туда и заметил худую руку, листавшую громоздкий номер «Файнэншл таймс». Над спинкой кресла

в свете камина сиял лишенный волос купол — голова профессора Лорринга.

Мордекай Тремейн сел напротив. Ученый, естественно, увидел его, однако готовности к общению не проявил.

- В последнее время фондовые рынки не особенно радуют, произнес Тремейн в преувеличенно жизнерадостной манере, чтобы завязать беседу.
 - Совсем не радуют.

Ответ скорее напомнил рычание, чем человеческую речь, и ясно показал, что разговор начат и закончен. Однако внешняя скромность Мордекая Тремейна скрывала железную хватку, которой мог бы позавидовать любой английский бульлог.

- Полагаю, сказывается влияние рождественских каникул, продолжил он совершенно невозмутимо. В такое время биржи всегда проседают. Осмелюсь заметить, что интерес к ценным бумагам пропадает.
 - Полагаю, так и есть, отозвался Лорринг.
- Надеюсь, на следующей неделе жизнь возьмет реванш. Вам не кажется?

Из-за «Файнэншл таймс» донеслись звуки, полные нескрываемого недовольства. С яростным шелестом газета сложилась. Мордекай Тремейн позволил себе легкую победную улыбку и продолжил наступление:

- Впервые провожу Рождество в Шербрум-Хаусе. А вы приезжаете сюда регулярно?
- Если желаете узнать, праздновал ли я здесь Рождество прежде, то ответ отрицательный.
- В таком случае появляется возможность разделить радость ожидания, невинно намекнул Мордекай Тремейн, словно не замечая хмурого лица, явившегося взору после падения барьера. Сознаю, что Рождество в доме мистера Грейма неизменно отличается особым уютом и весельем.
 - Рождество!

На сей раз ворчание переросло в фырканье.

— Утром наблюдал, как мистер Грейм и мистер Блейз наряжали елку, — не сдавался Тремейн. — Великолепная работа. Вы еще не видели?

Произнеся эти слова, он словно повернул выключатель, и цепь замкнулась. Ученый внезапно выпрямился, словно пронзенный электрическим разрядом.

— Нет! — крикнул он. — Не видел. Некогда заниматься ерундой. Вся эта суета не более чем повод для баловства взрослых людей.

Подобно Джеральду Бичли Лорринг осознал неоправданную резкость своей реакции и спохватился:

— Простите, если показался грубым. В последнее время очень напряженно работаю и устаю. Мечтаю провести несколько дней в тишине и покое, а потому мысль о толпе молодежи, которую придется терпеть, или — что еще хуже — компания стариков, изображающих молодых, приводит в отчаяние.

Мордекай Тремейн кивнул. Раскаяние Лорринга прозвучало ничуть не правдивее слов Бичли, однако приходилось терпеть обман и скрывать истинное отношение к неубедительному лицемерию.

— Конечно, — произнес Тремейн. — На ваши плечи легло немало специальных исследований.

Внезапно Лорринг встревожился и насторожился, словно намеревался отразить атаку. Мордекай Тремейн понял, что сейчас разговаривать бесполезно. Ученый занял оборонительную позицию, а скрытный по натуре, страдающий болезненной подозрительностью человек вряд ли откроет душу незнакомцу.

Он принес извинения, принятые с нескрываемым облегчением, и удалился, а уже закрывая за собой дверь, услышал шелест газетных страниц: Эрнест Лорринг вернулся к чтению. Что заставило Бенедикта Грейма пригласить на Рождество нелюдимого, желчного профессора? Лорринг совершенно не вписывался в компанию, призванную от души поддержать вековые традиции. Погруженный в исследования ученый не ведал, что такое веселье. Если Бенедикт Грейм напоминал мистера Пиквика, то Эрнест Лорринг убедительно воплощал образ Эбенизера Скруджа.

Наверное, Грейму удастся растопить ледяное сердце гостя. Не исключено, что хозяин сумеет уговорить его нарядиться Санта-Клаусом и раздать подарки с елки. Образ профессора, с приклеенной пышной белой бородой, покорно копошащегося в колючих ветках, показался настолько забавным, что Мордекай Тремейн тихо рассмеялся.

— Думаете о чем-то приятном, мистер Тремейн?

Он испуганно поднял голову и увидел Розалинду Марш. Она только что вошла в холл в сопровождении Джеральда Бичли. Свежий холодный воздух окрасил ее щеки румянцем, чем заметно прибавил прелести. Беломраморное величие богини несколько смягчилось. Теперь ее можно было представить живой женщиной, наделенной не только чувствами, но и страстями. Мордекай Тремейн улыбнулся, однако причину веселья не озвучил. Мисс Марш разочаровалась, хотя и воздержалась от комментария.

- После ленча еще не выходили на улицу? спросила она, и он покачал головой.
 - Нет. Бродил по дому, разговаривал со всеми.
 - Результаты наблюдений оказались интересными?
 - Да, кивнул Тремейн. Весьма любопытными.

Судя по выражению лица, Розалинда хотела задать следующий вопрос, однако передумала и взглянула на мистера Бичли.

- Не поделитесь ли сигаретой, Джеральд? Забыла наверху свой портсигар.
 - С удовольствием.

Бичли удовлетворил просьбу дамы, а потом предложил портсигар и Тремейну. Тот покачал головой:

- Нет, спасибо. Я мало курю. Позволяю себе одну сигарету после еды. Иногда трубку.
 - Медицинский случай! определил Бичли.

Держался он непринужденно и жизнерадостно. Обветренное красное лицо, свитер с высоким воротом, грубое пальто и крупные руки, одна из которых сжимала толстую дубовую палку, придавали ему облик типичного сельского жителя — простого фермера, наслаждающегося жизнью с ее простыми радостями. Казалось, неловкая сцена в библиотеке стерлась из памяти.

Розалинда Марш закурила, и Мордекай Тремейн заподозрил, что она попросту тянет время. Но ради чего?

- Приехал Остин Деламер. Теперь вся компания в сборе, заметила дама.
- $-\,$ K обеду, похоже, ожидается много гостей? уточнил Тремейн.

Она кивнула:

— Почти столько же, сколько вчера. Напьеры снова приедут и привезут Люси Тристам. Останутся на ночь, а то и на две. Так бывает из года в год. Что придумал Бенедикт на сей раз? Не слышали никаких намеков, Джеральд?

Мордекай Тремейн вспомнил утреннюю встречу во дворе, когда тот не захотел показать, что привез в машине.

— Не сомневаюсь, что при желании кое-что интересное может рассказать, — заметил он. — Правда, мистер Бичли?

Тремейн говорил с подчеркнутым лукавством, изображая болтливого старого проныру, пытавшегося выудить сведения прозрачными намеками на собственную осведомленность. Джеральд Бичли насупился. Он бы с радостью сменил тему, однако Розалинда Марш поддержала провокацию.

— Только не говорите, Джеральд, что собираетесь устроить очередное представление!

Мордекай Тремейн поправил пенсне и прищурился. В эту минуту он напоминал дружелюбного пса, выпрашивавшего каплю внимания.

— Очередное? — переспросил он. — Неужели мистер Бичли регулярно забавляет общество?

Запрокинув голову, Розалинда Марш громко рассмеялась:

— «Забавляет» — самое точное слово, хотя и означает совсем не то, что вам кажется. Джеральда знает весь Шербрум. Трудно предсказать, что он придумает завтра или через неделю. Местные жители уверены, что мистер Бичли — сумасшедший. Что было в прошлый раз, Джеральд? По-моему, вы поставили на базаре прилавок и начали менять глазированные яблоки на банки с вареньем. Верно?

Тремейн заметил, как вздулись вены на толстой шее, особенно красной по сравнению с желтым воротником свитера. Великан смотрел на белое горло Розалинды Марш с таким выражением, словно мечтал сжать его железными пальцами и задушить не в меру разговорчивую особу.

Или злость мелькнула на лице из-за игры света, а на самом деле Бичли широко улыбался? Не впервые за день Мордекай Тремейн утратил ощущение реальности. Через мгновение наваждение исчезло, и перед ним вновь предстал добродушный, грубовато-сердечный сельский житель, готовый шутить и веселиться.

- Нельзя же постоянно ходить с вытянутыми лицами! воскликнул Бичли.
- Разумеется, нельзя! поддержал Мордекай Тремейн, словно и не подозревал дурных намерений. Необходимо иногла смеяться.
- Давайте сходить с ума, пока можно. Жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее всерьез.

Казалось, сейчас великан говорил то, что действительно думал.

- Наверное, у вас с мистером Греймом много общего.
- Мы понимаем друг друга, подтвердил Бичли. Бенедикт прекрасный человек и очень щедрый. Не знаю, что бы мы без него делали. Никто не смог бы терпеть меня так великодушно, как он. Да, кстати, я обещал явиться к нему, как только вернусь. Пора получить очередной урок!

Пока Бичли не ушел, мисс Марш не произнесла больше ни слова: стояла в подчеркнуто свободной позе, со скучающим видом зажав в пальцах сигарету — и лишь оставшись с Тремейном наедине, она произнесла:

- Хотелось бы понять ваши намерения.
- Мои намерения? медленно повторил он, пытаясь собраться с мыслями.

Розалинда подошла ближе.

— Если бы вы открылись мне, — тихо добавила она, — я бы постаралась помочь. К взаимной выгоде.

Из дальнего конца холла донесся какой-то звук, и Розалинда испуганно отпрянула.

— Пора подняться к себе, — громко сказала она. — Возникла необходимость в мелком ремонте!

Мисс Марш направилась к лестнице, а Мордекай Тремейн обернулся посмотреть, кто пришел. Это был дворецкий Флеминг — величественный человек средних лет с бесстраст-

ным, лишенным выражения лицом. Он важно прошествовал по холлу, направляясь по неотложным делам и всем своим видом показывая, что ничего не видел и не слышал.

Тремейну захотелось заглянуть под маску безупречного высокопоставленного слуги и рассмотреть живого человека. Вспомнилась утренняя сцена, когда дворецкий помогал хозяину наряжать елку, и в это время появился Джереми Рейнер. Тогда Флеминг не подал виду, что ощущает возникшее напряжение, хотя наверняка понимал сложность ситуации.

В укромном углу, под лестницей, стояло кожаное кресло. Тремейн удобно расположился в полутьме и предался размышлениям. Через двадцать минут, когда вернулся Джеральд Бичли, он все еще оставался на месте.

Великан выглядел так, словно только что пережил потрясение и еще не успел прийти в себя. Он сердито бормотал что-то. Оказавшись в паре ярдов от Тремейна, Бичли осознал, что в холле кто-то есть. На лице отразилась откровенная злоба. Он молча прошагал мимо, однако успел метнуть красноречивый взгляд.

— Не в лучшем расположении духа, — промолвил Тремейн, дождался яростного хлопка парадной двери и быстро направился в ту комнату, откуда только что вышел Бичли.

Он ожидал увидеть Бенедикта Грейма, и не ошибся. Услышав шаги, хозяин резко обернулся. Кустистые брови выглядели так, словно их только что причесали в обратном направлении. Мистер Грейм производил впечатление человека, недавно принявшего участие в бурной сцене. Мордекай Тремейн не удивился. Подслушанный телефонный разговор и поведение Джеральда Бичли в холле многое объяснили. Бичли, срочно нуждавшийся в деньгах, обратился к Бенедикту Грейму, однако получил решительный отказ.

Хозяин чувствовал себя неловко.

— Вы видели Джеральда? — спросил он.

Держался Грейм так напряженно, что сразу стало ясно: что-то пытается скрыть.

— Только что встретил его в холле, — ответил Мордекай Тремейн и простодушно добавил: — Честно говоря, я решил, что мистер Бичли вышел отсюда. Разве не так?

- Неважно, поспешно ответил Грейм, явно соображая, как бы сменить тему. Наконец придумал и после недолгой паузы проговорил: Надеюсь, вы не очень скучаете? Боюсь, не имею возможности уделить вам столько времени, сколько хотелось бы.
- Я чувствую себя замечательно, улыбнулся Мордекай Тремейн. — Провожу время весьма интересно.

Кустистые брови удивленно изогнулись.

- Интересно?
- Вы удивлены? Не забывайте, что мое главное увлечение наблюление за люльми!

На лице Грейма отразилось облегчение.

— Любитель криминальных историй вряд ли найдет здесь плодотворную почву для расследования. Все мы отвратительно законопослушны! Правда, остается Деламер. За политика я не поручусь.

Несмотря на попытку пошутить, Бенедикт Грейм по-прежнему выглядел озабоченным и производил впечатление усталого, стареющего, встревоженного человека. Тремейн вспомнил об утреннем разговоре с Николасом Блейзом. Сейчас подозрения секретаря получили наглядное подтверждение — во всяком случае, относительно тревоги Бенедикта Грейма. Однако Николас Блейз ни словом не обмолвился о Джеральде Бичли, а ведь именно он стал причиной подавленного настроения мистера Грейма.

Возникло острое искушение воспользоваться моментом и задать хозяину дома главный вопрос. Возможно, если действовать решительно, Грейм сдастся и откроет душу. Но данное секретарю обещание заставило Тремейна отказаться от заманчивого плана фронтальной атаки. Если мистер Грейм обидится на вторжение, то Николас попадет в сложную ситуацию. Мордекай Тремейн с сожалением выбрал иной путь.

- Сегодня днем ни разу не встретил вашу сестру, произнес он. — Наверное, она поехала в Калнфорд?
- Шарлотта? Она у себя, отдыхает. Даже не могу вспомнить, когда Шарлотта в последний раз была в Калнфорде. Она редко выходит из дома. Много времени проводит в своей ком-

нате, в одиночестве. Боюсь, слишком много. Хотелось бы, чтобы она больше общалась с людьми.

- Мисс Грейм выглядит замкнутой особой.
- Шарлотта такая с детства. Светская жизнь приводит ее в ужас, а замужество представляется кошмаром.

Сентиментальная струна, отвечавшая за чтение «Романтических историй» и других подобных изданий, протестующее зазвенела.

- Жаль, вздохнул Тремейн. Не трудно понять, что в юности она была красавицей. Да и сейчас очень хороша собой.
- У Шарлотты был выбор, пожал плечами Грейм, но она всегда держалась так, словно любовь и брак внушали ей отвращение. Конечно, я пытался исправить положение, но не сумел повлиять на сестру. Постепенно она все больше и больше замыкалась, пока не превратилась едва ли не в отшельницу. Вот почему меня так обрадовала дружба с Люси... с миссис Тристам. В последнее время они часто видятся, и Шарлотта изменилась к лучшему.
- Миссис Тристам весьма необычная особа, заметил Мордекай Тремейн. Очень яркая личность. Ясно, почему ваша сестра потянулась к ней.

Бенедикт Грейм промолчал, однако не смог скрыть гордости. Оценить масштаб победы Люси Тристам не составило труда.

- Если позволите откровенное мнение истинного друга, произнес Тремейн, то скажу, что вы переживаете не самые легкие времена.
- Имеете в виду, что овечки не всегда ведут себя смирно? сухо отозвался Грейм. Порой да, но в целом приятно сознавать, что все они в твоих руках. К тому же есть и компенсация. Подопечные знают, что могут доверять мне, и делятся своими сокровенными переживаниями. Но сейчас Рождество, и вы приехали, чтобы приятно провести время! Не нужно вытаскивать из пыльных шкафов воображаемые скелеты!

На этой шутливой ноте разговор закончился. Мистер Грейм вновь стал самим собой и с энтузиазмом занялся созданием теплой рождественской атмосферы.

Расставшись с благодетелем, Мордекай Тремейн попытался понять, что же на самом деле скрывается за жизнерадостным дружелюбием Бенедикта Грейма, и открытие вовсе не подтвердило первого впечатления. Несмотря на желание выглядеть уверенным, хозяин с трудом поддерживал в доме иллюзорную гармонию и сохранял положение великодушного властелина счастливого, пусть и слегка взбалмошного, семейства.

Мордекай Тремейн пережил всплеск сострадания — еще более острого в силу собственного сентиментального настроя. Да, сам он тоже до сих пор оставался романтиком и любил ощущать, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Вот почему душа распахнулась навстречу Бенедикту Грейму. Вот почему он с сочувствием воспринял стремление щедрого хозяина создать рождественскую сказку и разделил безыскусную радость украшения елки.

Бенедикт Грейм избрал для себя роль благодетельного деспота. Пожелал, чтобы подопечные приходили к нему в минуты печали и растерянности в надежде обрести дружеское утешение, совет и помощь. Однако, подобно прекрасной розе, на практике идеальная теория осложнилась многочисленными болезненными шипами.

Мордекай Тремейн размышлял о Шарлотте Грейм и о тех трудностях, которые тихая сестра доставляла брату, когда неожиданно увидел, как та собственной персоной направляется через холл к лестнице. Он шагнул ей навстречу:

— Мисс Грейм!

Шарлотта не обернулась, словно не услышала его. Тремейн окликнул снова, и на сей раз она намеренно притворилась глухой, ускорив шаг: подбежала к подножию лестницы и скрылась из виду.

— Все чудливее и странноватее, — пробормотал Мордекай Тремейн. «Алиса в стране чудес» занимала прочное место в его сердце, а это выражение пользовалось особой любовью.

Болезненно-нервная реакция Шарлотты почти не удивила: не ожидая столь откровенного выражения тревоги, Тремейн знал, что мисс Грейм катастрофически боится остаться с ним наедине. Но на этом события не закончились: впереди ждал интригующий инцидент, открывший новое простран-

ство для размышлений. Он произошел, когда тусклый зимний свет окончательно сдался на милость темноты и по дому зловеще поползли тени. Тремейн сидел возле окна, смотрел на снег и вяло думал обо всем на свете. Очнувшись, обнаружил, что замерз, засиделся и покорился мраку.

Осознание собственного дискомфорта настигло его в тот момент, когда он встал, чтобы еще раз взглянуть на любимую елку Бенедикта Грейма. Определенной причины для этого не существовало — внезапная потребность возникла инстинктивно, не получив команды со стороны разума.

К этому времени Мордекай Тремейн уже успел ознакомиться с домом и без труда нашел большую комнату, где возвышалось чудесное дерево. Подчиняясь мягкому прикосновению, дверь бесшумно отворилась. Французские окна еще не скрылись за шторами, и в остатках света можно было рассмотреть возле стены елку, затейливо украшенную серебряными фонариками и блестящими гирляндами. Даже в полутьме взору являлась впечатляющая картина. Стоило ли сомневаться, что сияние электрического света и тепло праздничной атмосферы вдохнут в отягощенные подарками ветви новую жизнь? Бенедикт Грейм сумел создать великолепную иллюзию сказки.

Пока подарков не было: им предстояло появиться позднее, когда ночью Бенедикт Грейм облачится в традиционный костюм и явится к своему детищу в облике Санта-Клауса, — а сейчас висели только белые квадратные карточки с именами.

Обычно елка считается детской радостью, однако произведение мистера Грейма могло доставить удовольствие даже взрослым людям. От елки веяло искренней верой в доброту и мир. Мордекай Тремейн улыбнулся с легкой грустью. Холостяком он оставался не по собственному выбору и был бы рад видеть восторженные детские лица и сияющие счастливым ожиданием глаза.

Внезапно возникло ощущение постороннего присутствия. В простенке между двумя французскими окнами, напротив елки, в глубоком кресле сидел человек. Уже привыкнув к тусклому свету, Мордекай Тремейн узнал высокий лоб, крючковатый нос и выступающие скулы. Эрнест Лорринг. Судя по всему, профессор не видел его. Тремейн вошел очень тихо,

а внимание ученого странным образом сосредоточилось на великолепном рождественском дереве.

Даже короткое наблюдение за мистером Лоррингом вызвало у Тремейна дрожь. Хорошо, что ученый не заметил постороннего присутствия. Черты длинного узкого лица несли печать яростной, почти хищной злобы, редко свойственной людям.

Глава 7

Праздничный обед превзошел самые смелые ожидания. Казалось, каждый из присутствующих решил внести личный вклад в общее веселье, чтобы подарить Бенедикту Грейму такой сочельник, о котором он мечтал. Мордекай Тремейн смотрел вдоль длинного стола, где не осталось ни единого свободного места, и блаженно улыбался. Хлопушки, пестрые колпаки — над праздничным столом реял дух карнавала.

Остин Деламер держался так, словно скинул оковы официоза и решил забыть о честолюбивых планах. Сейчас он сидел в лихо съехавшей на левый глаз наполеоновской треуголке и радовался жизни. Пухлые ручки воодушевленно поднимались, словно помогая рассказывать соседке веселую историю. Шарлотта Грейм слушала его с тем же выражением наигранного возбуждения, что и вчера. Глаза блестели, щеки пылали румянцем.

Во главе стола возвышался сияющий Бенедикт Грейм. Всем своим видом он выражал удовлетворение и радость: рождественская традиция продолжалась. В эти минуты хозяин напоминал восторженного ребенка, наблюдающего за успехом своей затеи.

Даже Джереми Рейнер, утратив обычную мрачную серость, беседовал с дружелюбием, согревшим суровые черты и придавшим ему вид человека с безоблачным сознанием. Тремейн отметил, что причиной необычного оживления могло послужить соседство Люси Тристам. Устоять перед обволакивающим обаянием неотразимой женственности смог бы только окончательно заледеневший индивидуум. Изумрудно-зеленое вечернее платье переливалось в свете хрустальной люстры,

подчеркивая роскошь уложенных в великолепную прическу каштановых волос и неотразимую притягательность фигуры.

Единственным, кто не поддался всеобщему веселью, был Эрнест Лорринг. Как и накануне, ученый поглощал пищу в сосредоточенном молчании, низко склонив голову над тарелкой и не замечая оживленного разговора. Несколько раз радушный хозяин пытался призвать профессора к общению, однако тот сидел слишком далеко и мастерски делал вид, будто ничего не слышит. Тремейн обратил внимание, как внимательно смотрит на ученого Николас Блейз. Догадаться, о чем он думает, не составило труда. Скорее всего в поведении Лорринга секретарь видел причину тревоги Бенедикта Грейма.

После ужина стулья словно сами собой придвинулись к столу, а ковры свернулись и спрятались по углам. С пластинок зазвучала танцевальная музыка, однако к этому времени обстановка до такой степени разрядилась, что неудобства никто не ощутил. Мордекай Тремейн оказался в паре с Дени Арден, о чем мог только мечтать.

- Не видел вас сегодня днем, произнес он, уверенно ведя даму в пассадобле.
- Мы с Роджером долго гуляли и вернулись поздно, пояснила она и добавила: Вы великолепно танцуете.
- Это обстоятельство вас удивляет? Неужели я выгляжу совсем старым и дряхлым? с шутливым отчаянием спросил Тремейн.
- Нет, я имела в виду другое. Вы оказались совсем не таким, как я ожидала.

Он взглянул поверх пенсне в той манере, которая придавала ему безобидный вид, хотя на самом деле сигнализировала об опасности.

— Чего же вы ожидали? — спросил он и негромко уточнил: — И почему?

Дени не оценила значения второго вопроса.

— Не знаю, — промолвила она. — Наверное, предполагала увидеть кого-то более внушительного. Может, даже устрашающего. Я всегда вспоминаю Шерлока Холмса, когда думаю о...

Она замолчала, словно осознав, куда ведет излишняя откровенность. Покраснела и притворилась, будто внимательно

слушает музыку. Однако Мордекай Тремейн не собирался отступать.

- Когда думаете о ком? мягко поинтересовался он, а когда Дени не ответила, подсказал: Может, о детективе?
- Да, неохотно подтвердила она. Ведь вы детектив, правда?
- В некотором роде. Интересуюсь криминологией, хотя и не занимаю официального положения. Но кто же, позвольте спросить, рассказал вам о моем скромном увлечении?

Мисс Арден не спешила отвечать, словно хотела удостовериться, что никого не подведет, наконец проговорила:

- Роджер упомянул мимоходом несколько дней назад, когда узнал, что вы приглашены на Рождество. Видел ваше имя в газетах в связи с каким-то убийством.
- Известность неизбежное следствие преступления, вздохнул Мордекай Тремейн. Очень жаль. Надеюсь, факт не вызвал смущения.

Дени взглянула на него с подозрением, однако наполовину прикрытые пенсне глаза не выдавали истинных мыслей.

- Что вы имеете в виду?
- Не хотелось бы чувствовать, что мое присутствие здесь вызывает нечто похожее на... скованность. Кто, помимо мистера Уинтона, знает сей мрачный секрет?
- Насколько могу судить, только Джереми. Но я ни с кем это не обсуждала. Вероятно, Ник и дядя Бенедикт тоже в курсе.
- Как ваш опекун отреагировал на новость? небрежно осведомился Мордекай Тремейн.

Возникшая в ее взгляде настороженность подсказала, что он затронул щекотливую тему, однако в этот момент музыка стихла и рядом возник Роджер Уинтон.

Мордекай Тремейн решил переключить внимание на Шарлотту и посмотрел по сторонам, собираясь пригласить ее на следующий танец. Трудно сказать, угадала ли мисс Грейм его намерение, однако быстрого взгляда на Джеральда Бичли оказалось достаточно, чтобы тот подоспел первым. Мордекай Тремейн улыбнулся. Шарлотта вызывала тем более острый интерес, чем яснее демонстрировала, что ей есть что скрывать. Побеседовать с ней, как только закончится вальс, ему

не удалось. После короткого отсутствия в столовую вернулся Бенедикт Грейм, всем своим видом показывая, что собирается сделать важное объявление. Он остановился в центре комнаты и поднял руку, призывая к вниманию:

— Из деревни пришли исполнители рождественских гимнов. Пастор привел свой хор. Решил, что нам будет приятно послушать. Идея мне понравилась, и я пригласил их войти. Так что добро пожаловать на концерт.

Все направились в большую комнату и уселись напротив собравшихся возле елки артистов, тщетно пытавшихся скрыть волнение перед выступлением в «большом доме». Хотя прежние хозяева замка давным-давно покинули этот мир, дух благоговейного почтения не исчез бесследно. Певцы нервно откашливались, шаркали ногами, будто призрак феодальной власти внезапно напомнил о собственном величии. Только пастор сохранял безмятежное спокойствие. Седовласый, благодушный, сосредоточенный, он стоял перед хором, терпеливо ожидая, пока гости рассядутся. Кончики пальцев сжались в привычном жесте, с которым он каждое воскресенье слушал с кафедры старинной церкви, как прихожане поют последние строфы гимна, чтобы начать проповедь.

Мордекай Тремейн догадался, что рождественский хор стал естественным продолжением хора церковного. Он принялся считать разделившихся по голосам участников: дисканты, альты, басы. Сколько же их? Семь, восемь... певцы поменялись местами, и пришлось начать заново. За пианино села немолодая дама благородных пропорций. Вместе с пастором тринадцать человек... нет, кажется, четырнадцать...

Внезапно его внимание обострилось. В дальнем ряду, частично скрытое еловыми ветками, показалось знакомое лицо. Лицо того самого человека, который стоял возле дома в день приезда Тремейна. Лицо, неприятно удивившее выражением откровенной злобы. Совсем как Лорринг. Мысль явилась вслед за узнаванием и поразила очевидностью. Странно, что параллель возникла лишь сейчас. Сегодня днем профессор выглядел так, словно сердце его переполняла ненависть. Такое же выражение застыло на лице стоявшего у ворот человека. Почему? Что связывает известного ученого и деревенского хориста?

Кто-то выключил верхний свет, оставив только лампу на пианино. Пастор повернулся, поднял руку, и дама призвала к вниманию напряженным вводным аккордом. Первым прозвучал старинный рождественский гимн. Умиротворенная средневековая мелодия воспарила под благородными сводами замка. Душа Тремейна отозвалась на призыв к миру, радости и доброй воле.

И все же покой не приходил. Подобно закрывшим солнце тучам два злобных лица затмили сознание. Он внимательно посмотрел на незнакомца. Темнота защищала от встречного взгляда. Из дальнего ряда хора сам он наверняка казался светлым пятном, ничем не отличавшимся от других светлых пятен, обращенных в одном направлении. Однако наблюдение дало единственный результат: сейчас на лице хориста не было даже тени злобы. Он отбросил мирские мысли и полностью сосредоточился на прилежном, почти благоговейном, исполнении гимна.

В очередной раз Мордекай Тремейн спросил себя, не заставляет ли излишне богатое воображение видеть то, чего в действительности не существует. Человек обладал естественным смуглым оттенком кожи, придававшим лицу несколько мрачное выражение, не связанное с ходом мыслей. Все исполнители сняли верхнюю одежду. Сейчас, лишенный плотного пальто, сказочного зимнего пейзажа и сумеречного освещения, незнакомец уже не выглядел огромным. Несомненно, во время первой встречи он постарался защититься от холода и оттого показался значительно массивнее, чем был на самом деле.

Единственное, что сейчас напоминало о его размерах, — это голова: не настолько большая, чтобы вызвать удивление, но крупная и к тому же поставленная благородно и гордо. Подобную голову редко встретишь на плечах обычного сельского жителя.

Рассмотреть черты лица оказалось непросто, поскольку человек стоял во втором ряду, возле елки. Густые темные волосы, широкий нос, выразительный рот. Когда он поднимал голову, тусклое освещение в сочетании с тенью на подбородке создавало впечатление короткой заостренной бороды.

Во время звучания двух первых гимнов Мордекай Тремейн не отводил взгляда от темноволосого мужчины. Не приобрел ли он уверенность в себе? Не освободился ли от настороженности и не начал ли смотреть по сторонам, словно стараясь запомнить комнату? Или вел себя как обычный крестьянин, попавший в новую обстановку, но постепенно освоившийся и вернувшийся в состояние природного здорового любопытства?

Так и не получив удовлетворительного ответа, Мордекай Тремейн переключил внимание на других. Бенедикт Грейм испытывал блаженство и сидел, свободно откинувшись на спинку кресла. Дени Арден слушала затаив дыхание — хористы пели слаженно, их голоса гармонично соединялись под высоким сводом. Роджер Уинтон радовался за Дени. Реакция остальных варьировалась от вежливой скуки Розалинды Марш, прикрывавшей рот украшенными перстнями тонкими белыми пальцами, до откровенного неприятия профессора Лорринга, чье лицо отражало мучительную попытку вынести все это.

Тремейн медленно переводил взгляд с одного слушателя на другого. Остин Деламер пребывал в состоянии безмятежности. Сложив пухлые ручки на сытом животе, он растянулся в кресле и даже прикрыл глаза. Возможно, убаюкивающая мелодия навевала мысли государственной важности, однако внешние признаки доказывали иное.

За Деламером сидели Гарольд и Эвелин Напьер. Бесцветная, не поддающаяся конкретному описанию пара. Тремейн решил, что обоим супругам слегка за сорок. Муж выглядел полноватым безобидным персонажем, немного похожим на Деламера, но без налета величия. Жена представляла собой наделенную тихим голосом тень, когда-то симпатичную и до сих пор сохранившую скромную привлекательность. Ее отличала милая привычка перед ответом на вопрос обязательно смотреть на мужа в поисках одобрения и поддержки.

До сих пор Тремейн обменялся с Напьерами лишь несколькими фразами, а потому его пытливый ум пока не успел дать им четкое определение. Супруги давно жили в Шербруме, однако производили впечатление горожан, старавшихся приспособиться к деревне и все же испытывавших серьезные неудобства.

Эвелин Напьер не проявила желания обсуждать отношения с местными жителями. Впрочем, Тремейн признавал, что в данном вопросе воображение также могло завести его в ложном направлении. Сейчас, слушая рождественские песнопения, слегка поблекшая, с седыми прядями в когда-то каштановых волосах, миссис Напьер чем-то напоминала Шарлотту Грейм. В облике проглядывала та же скованность.

Во время первой беседы Мордекай Тремейн использовал избитый дебютный гамбит в виде замечания о красоте деревни Шербрум. Эвелин Напьер согласилась с готовностью и даже с энтузиазмом. Решив, что она родилась и выросла здесь, он продолжил удачно найденную тему:

- Корни вашей семьи уходят в глубины местной истории? Улыбка мгновенно утратила живость, а сама Эвелин потеряла естественный интерес к беседе и насторожилась. Во всяком случае, так показалось Тремейну.
- Нет, ответила миссис Напьер. Мы живем тут не очень давно.

Он деликатно смягчил тон:

- Трудно представить место более удобное и живописное. Полагаю, как и большинство бывших горожан, вы стремитесь к спокойной жизни в стороне от шума и суеты?
- Так и есть, подтвердила она энергично слишком энергично. Мы оба устали от города.

В тот момент подошел Джеральд Бичли, и Тремейн остановился на пороге открытия, которому так и не суждено было свершиться.

Эвелин внезапно изменила позу. Тремейн подумал, что она ощутила на себе заинтересованный взгляд, но нет — миссис Напьер не посмотрела в его сторону, а левой рукой украдкой нашла ладонь мужа. Мистер Напьер почувствовал легкое прикосновение, улыбнулся жене и нежно сжал ее пальцы. Жест вызвал у Тремейна симпатию. Его сентиментальная душа потянулась к гармоничной паре. Романтическая вера в святость брачных уз получила долгожданную поддержку.

Мордекай Тремейн посмотрел на Люси Тристам, и созерцание доставило ему возвышенное удовольствие: женскую красоту он тонко понимал и высоко ценил. Дама самозабвенно погрузилась в звуки. Она все делала самозабвенно. Не составляло труда представить ее царственное шествие по жизни — без оглядки на условности и мнение света. Возможно, из всех присутствующих Люси Тристам обладала самой яркой индивидуальностью. Полная энергии, тепла и обаяния, она относилась к редкому типу женщин, способных на людной улице покорить мужчину одним лишь мимолетным взглядом.

Решив, что изучает красавицу слишком долго и пристально, Мордекай Тремейн отвернулся и сразу наткнулся на вопросительный взгляд Николаса Блейза. Секретарь улыбнулся, и в его улыбке мелькнуло одобрение. Блейз не скрывал радости, видя, что гость не теряет времени даром.

Исполнение гимнов закончилось. Бенедикт Грейм произнес краткую благодарственную речь и вышел вместе с пастором и его небольшим хором, чтобы угостить исполнителей. Тремейн заметил, как в дверях хозяин замешкался и обернулся.

При первой же возможности Тремейн отозвал в сторону Николаса Блейза.

- Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки, сказал тот. Я прав?
- Не совсем. Мордекай Тремейн покачал головой. И все же надеюсь, вы кое-что объясните. У мистера Грейма есть привычка хранить дома большие деньги?
- В его комнате стоит сейф, где время от времени появляются разные суммы, однако совсем не такие, которые имело бы смысл красть, если вы об этом.
- Я не сказал про кражу. Но если уж разговор коснулся этой неприятной темы... Есть ли в доме что-нибудь ценное, достойное внимания грабителя?
 - Да. Бриллиантовое колье.
 - Семейная реликвия?

Заметив интерес собеседника, Николас Блейз улыбнулся.

- Нет, ответил он и добавил: Однако кое-какими достоинствами украшение все-таки обладает. Дело в том, что оно предназначено в подарок Дени.
 - По какому-то особому случаю?
 - По случаю свадьбы.
 - А сама мисс Арден знает об ожерелье?

- Да. Несколько раз пыталась разубедить Бенедикта. Доказывала: мол, оно слишком дорогое, чтобы служить подарком, — но когда мистер Грейм что-то твердо решил, заставить его изменить свое мнение невозможно.
 - Он очень любит мисс Арден, не правда ли?
- Относится как к родной дочери. Наверное, вы уже успели это заметить. «Собирал» колье много лет, постепенно покупая камни и стараясь создать безупречный комплект.
 - Значит, это не секрет?
- Если секрет, то на весь свет. Во всяком случае, в доме об этом знает каждый: Джеральд, Шарлотта, я...
 - А как насчет мистера Рейнера?
- Да, Джереми тоже известно, подтвердил Блейз и, вскинув брови, уточнил: Надеюсь, вы не хотите сказать, что Джереми решил совершить кражу?
- Неужели подобное предположение настолько немыслимо? мягко осведомился Тремейн.

Несколько мгновений секретарь растерянно молчал, а потом произнес:

- Не то чтобы немыслимо, но, должен признаться, это не приходило мне в голову. В конце концов, для чего ему это нужно? Денег у Рейнера достаточно, а Дени он любит ничуть не меньше, чем Бенедикт, я уверен. Так зачем же лишать девушку подарка?
- Возможно, цель иная: лишить состояния ее ненавистного мужа. Вы сказали, что это свадебный подарок, а опекун не скрывает своего плохого отношения к Роджеру Уинтону.
- Так и есть, согласился Блейз. Однако не могу принять данную версию. В конце концов, они еще не женаты. А если Дени изменит выбор и выйдет замуж за кого-нибудь другого?
- В таком случае красть колье не потребуется. Конечно, если следующий претендент не вызовет столь же активной неприязни!

Николас Блейз взглянул на Тримейна с подозрением:

— Вы просто дурачите меня. Неужели вы всерьез полагаете, что Джереми способен украсть колье лишь для того, чтобы навредить Уинтону? Не думаю, что молодой человек

обладает крупным состоянием, но он точно не беден. Не знаю, сколько стоят бриллианты: наверное, несколько тысяч, — но даже если бы пропали несколько миллионов, он не изменил бы решения жениться на Дени.

- Кажется, вы всецело на стороне претендента на руку и сердце, заметил Мордекай Тремейн с лукавым блеском в глазах. Однако не придавайте моим рассуждениям особого значения. Главное, что мистер Грейм хранит дома драгоценное украшение, а все остальные об этом знают. Кстати, понятие «все остальные» включает слуг?
- Скорее всего большинство слуг слышали о существовании колье. От них ничего не скроешь: вам, конечно, известно, с какой скоростью распространяются подобные слухи.
 - Да, кивнул Тремейн.

Несмотря на враждебность Лорринга и откровенную скуку Розалинды Марш, рождественские гимны создали атмосферу мира и покоя. Царившее за обедом светлое беззаботное настроение сохранилось на весь вечер. Бенедикт Грейм в ярком бумажном колпаке на взлохмаченной голове постоянно бродил между гостями. Чем активнее становилось веселье, тем шире он улыбался и чаще, громче смеялся.

Празднование надолго не затянулось. Судя по всему, именно по этой причине веселье не успело утратить свежести. В сочельник традиция предполагала ранний отход ко сну, чтобы сохранить силы для грядущих рождественских лней.

Мордекай Тремейн знал, что следует разделить всеобщую радость и расцвести душой в сердечном тепле, но достичь состояния счастливого самозабвения никак не удавалось: не получалось проникнуться духом праздника и забыть обо всем. Невидимый барьер отделял Тремейна от остальных членов компании. Не отступало ощущение отчужденности. Казалось, что он наблюдает за ними со стороны, но не принимает участие в веселье, поскольку не верит в реальность людей и событий. Разумеется, Тремейн понимал, что барьер существует исключительно в сознании, а потому при желании, совершив определенное усилие, можно разрушить препятствие.

Вернувшись в свою комнату и освободившись от утомительной необходимости проявлять внимание и поддерживать беседу, Мордекай Тремейн попытался проанализировать собственные ощущения. Что помешало проникнуться весельем рождественского вечера, тщательно подготовленного и организованного Бенедиктом Греймом? Веселья, которого он ожидал с приятным предвкушением? Что стесняло сознание и сковывало свободное проявление чувств?

Ответ пришел сам собой, на инстинктивном уровне. Радоваться мешало предчувствие рокового события. Тремейн знал, что скоро должно произойти нечто важное, и с напряжением ждал этого. Но что могло случиться? Сочельник погружает дух в безмятежный покой. Точно так же снег укрывает землю пушистым белым одеялом, маскируя нанесенные человеком шрамы и волшебно преображая пейзаж. В такую ночь в воздухе словно разливается счастливая магия — то самое бесстрашие, в каком человечество остро нуждается. Так откуда же взялось тяжелое предчувствие, откуда явился ужас, которому нет названия?

Мордекай Тремейн включил стоявшую возле кровати лампу и открыл новый выпуск «Романтических историй». Вот она, панацея. Вот целительный бальзам для страждущей души. Возможно, строгие критики видели в произведениях литературные прегрешения, однако сюжет радовал добротой и торжеством справедливости. Сентиментальные романы дарили читателю любовь, романтику, юмор и человечность — вечные пружины мира.

Мордекай Тремейн прилежно читал страницу за страницей, но почти ничего не воспринимал. Сегодня даже «Романтические истории» оказались бессильны. Тремейн отложил журнал и, подчиняясь внезапному порыву, встал с постели, накинул халат, подошел к окну и раздвинул шторы. Свет за спиной мешал смотреть на улицу, и Тремейн выключил лампу. Тяжелые облака закрывали небо, но луна настойчиво проникала в редкие свободные пространства, освещая белое покрывало во дворе дома и дальше, на аккуратно огороженных полях. Снег блестел на морозе, обещая осмелившемуся

выйти на позднюю прогулку храбрецу сказочный пейзаж и приятный хруст под ногами.

Тремейн открыл окно, посмотрел вниз и не смог сдержать тихого удивленного возгласа. Прямо под ним по террасе двигалась фигура. В самом этом факте не было ничего особенного, но вот наряд заставил замереть от неожиданности. Человек был одет в костюм Санта-Клауса! Тремейн ясно видел длинный красный балахон и красную шапку, занесенную сверкающим в свете луны снегом. Да, в рождественскую ночь Санта-Клаус действительно ходит по домам, чтобы радовать детей. Но ведь это фантазия, сказка!

К счастью, скоро мысли сконцентрировались, и объяснение возникло само собой. Фигура в красной шубе — не привидение. Это не кто иной, как Бенедикт Грейм. Дождавшись, когда гости разойдутся по своим комнатам, хозяин нарядился в любимый костюм и собрался украсить елку подарками.

Мордекай Тремейн высунулся из окна. Со стороны деревни плыл колокольный звон. Луна еще не скрылась за облаками и по-прежнему освещала пространство холодными лучами, превращая пейзаж в рождественскую открытку. Высокие, черные в зимней наготе деревья отделяли дом от дороги; между крыльцом и этой границей лежал девственный, не потревоженный следами снег.

Красная фигура идеально вписывалась в декорации. Она больше не двигалась. Тремейну казалось, будто он наблюдает не сцену из действительности, а смотрит в витрину магазина, застывшую в правдоподобной, но безжизненной красоте. Однако иллюзия продолжалась не дольше мгновения. С холмов прилетел легкий ветер. Громоздкая масса темного облака медленно наползла на луну и затмила свет. Вместе с темнотой возникло ощущение угрозы. Замерзшая земля приютила злые силы. Округа утонула в злобе и пороке. Весь мир погрузился в глубокую чернильную тень и потянул за собой фигуру Санта-Клауса. Над домом собрались тучи, затем спустились низко — угрожающие и неумолимые, — словно возвещая наступление рокового часа.

Закутавшись в теплый халат, Мордекай Тремейн не чувствовал холодного зимнего воздуха, но почему-то дрожал.

Глава 8

Он проснулся от крика.

Сел в кровати, не понимая, во сне или наяву услышал пронзительный крик. Воображение и реальность, фантазия и факт переплелись так тесно, что вырванный из тревожного забытья Мордекай Тремейн не сразу осознал, что происходит. Крик повторился, и на сей раз беспомощное отчаяние шокировало, вернув к действительности. Включив на ощупь лампу, прищурившись от яркого света, он посмотрел на карманные часы. Десять минут третьего. Спать пришлось недолго, тяжелое мутное похмелье дремоты размывало сознание.

Пока Мордекай Тремейн натягивал халат, крик продолжался. Он вслушивался в истошные вопли и пытался уловить их смысл. Нужно было что-то понять. Прочитать какое-то послание. Несмотря на старание, определить, что происходит, не удавалось. Пробуждение оказалось слишком внезапным и резким. Разбираться в сумятице впечатлений было некогда. Вот оно, подсказывало сознание. Вот то самое «нечто», которого он со страхом ждал.

Открыв дверь и выйдя в коридор, Тремейн услышал, что весь дом ожил. Раздраженный голос спросил, в чем дело. Судя по настроению, голос принадлежал Лоррингу. Кто-то куда-то побежал. Теперь крики повторялись реже и звучали слабее, с придыханием, словно обессилев. Кричала женщина. Туман в голове Тремейна рассеялся настолько, что позволил определить хотя бы это. Шлепая по коридору, он спрашивал себя, что предстоит увидеть. Вопли доносились с первого этажа; возле лестницы открылась дверь, появился Джеральд Бичли и, услышав шаги, обернулся. Обычно красное, лицо его побледнело и осунулось.

— В чем дело? — испуганно спросил Бичли. — Что случилось? С Бенедиктом что-нибудь произошло?

Мордекай Тремейн внимательно посмотрел на него.

— Понятия не имею, — ответил он. — Что заставляет вас думать о мистере Грейме?

Во взгляде Джеральда Бичли мелькнул страх. Глаза забегали. В эту минуту он напоминал человека, только что совершившего ошибку и пытавшегося не попасть в ловушку.

- Это показалось... самым очевидным объяснением, - произнес он. - Я подумал, что все остальные давно спят.

Они спускались по лестнице. Мордекай Тремейн не смотрел на спутника. Этот испытанный метод заставлял людей говорить свободнее — или защищаясь от воображаемого подозрения, или подтверждая, что бояться им нечего.

- Хотите сказать, что предположили участие мистера Грейма, поскольку знали, что, едва все разойдутся по комнатам, он займется подарками?
- Верно, с готовностью подхватил Джеральд Бичли. Вам, разумеется, известен обычай Бенедикта. В сочельник он всегда ложится последним, потому что наряжает елку. Любит, чтобы утром каждый обитатель дома нашел свой подарок.
- Понимаю, кивнул Мордекай Тремейн. Одно странно: кричала женщина.

Он искоса взглянул на спутника. Только что обретенная уверенность покинула Джеральда Бичли так же стремительно, как появилась. На лице вновь отразились смятение и страх, а рука нервно потянулась к воротнику, слово внезапно стало трудно дышать. Тремейн подумал, что Джеральд окончательно растерялся.

На первом этаже сквозь открытую дверь лился свет. Они пересекли холл и вошли в комнату, где случилось нечто неведомое, но ужасное. Прежде всего Мордекай Тремейн увидел елку. Сейчас она показалась символом, главным действующим лицом темной трагедии — существом, наделенным разумом и способным рассказать главное.

Конечно, это было лишь впечатление, рожденное мгновенной концентрацией внимания. Уже в следующее мгновение в сознании отразилась полная картина событий. Кричала Шарлотта Грейм. Она сидела в одном из оставшихся после концерта кресел. Горе и ужас исказили ее лицо, отмеченное печатью бесконечного мучения человека, ощутившего на себе карающую руку судьбы. Она была в сером твидовом костюме, оттенявшем смертельную бледность и темные круги под страдальческими глазами. Крик позволил выплеснуть шок, но окончательно лишил сил, оставив в неподвижности.

Рядом стоял Остин Деламер. Толстяк потерял обычную напыщенность и уже не выглядел государственным деятелем, несущим на крепких плечах вечный груз забот и лишь на пару дней отвлекшимся от подписания документов исторической важности. В эту минуту он казался тем, кем был на самом деле: оплывшим лысеющим стариком, страдающим хроническим раздражением. Деламер хлопал Шарлотту по руке, напрасно пытаясь привести в чувство. С таким же успехом он мог бы выйти из комнаты: она все равно не замечала его присутствия и смотрела мимо — туда, где на полу что-то лежало. Почти под самой елкой громоздилась куча красных тряпок.

Мордекай Тремейн схватил Джеральда Бичли за руку:

— Не подходите и ни к чему не прикасайтесь!

Излишнее предупреждение. Бичли застыл, едва войдя в комнату, и теперь стоял возле двери, пытаясь что-то произнести, но издавая лишь нечленораздельные звуки.

Мордекай Тремейн шагнул к елке, посмотрел вниз, на пол, окинул цепким взглядом смятый красный балахон, красный колпак с отороченными белой каймой краями, длинную белую бороду, нелепо перекосившуюся и сползшую на щеку.

Щеку мертвеца. На красной шубе темнело багровое пятно. Оно просочилось сквозь одежду, когда пуля пробила сердце. Тремейн склонился и осмотрел отверстие — обесцвеченное по краям, немного неровное, совсем маленькое. Пуля вошла прямо под сердцем, хотя и значительно ниже.

Сознание тупо твердило одно и то же: это Санта-Клаус. Наступила рождественская ночь, и он явился. Вот только сейчас неподвижно лежит под елкой. Его убили.

Убили? Это еще предстояло доказать. Мордекай Тремейн осмотрелся, но оружия поблизости не заметил. На полу, возле руки, что-то сверкнуло. Он осторожно поднял блестящий осколок, взглянул вверх и увидел, что один из маленьких колокольчиков разбит. Скелетик игрушки печально висел на нижней ветке, напоминая о трагедии.

Несмотря на то что исполнители гимнов оставили очевидные следы своего присутствия, пол вокруг елки сохранил относительную чистоту. Тремейну удалось заметить четыре отпечатка между деревом и телом. Они будто оста-

лись от предмета, передвинутого на пару дюймов под давлением, и располагались, образуя почти правильный квадрат. А между телом и французским окном протянулась линия мокрых следов.

Все, кто собрался в комнате, молча наблюдали за происходящим. Мордекай Тремейн ощущал на себе испуганные вопросительные взгляды, однако никто не произнес ни слова. Тишину нарушил Остин Деламер. Он откашлялся и неуверенно произнес:

- По-моему, следует вызвать врача.
- Врач не сможет вернуть мертвого к жизни, возразил Мордекай Тремейн.
 - Значит, он... мертв?
 - Да.

В холле раздались голоса, и скоро в комнате появились еще люди. Процессию возглавил профессор Лорринг. Рассерженный, он ворвался с видом человека, несправедливо лишенного сна, и сразу бросился в атаку:

— Что, черт возьми, здесь происходит? Подняли дикий крик среди ночи! Я...

Мордекай Тремейн выпрямился.

— Оставайтесь на месте! — велел он. — Все до одного!

Твердый голос и командный тон настолько контрастировали с мягкой внешностью, что в любом случае заставили бы подчиниться. Но сейчас вошедшие увидели под елкой неподвижную фигуру и растерялись. Лорринг побледнел. Его взгляд метнулся к дереву, словно что-то отыскивая.

Это... убийство?

Враждебность мгновенно исчезла. Он превратился в испуганного человека и посмотрел на Тремейна так, как будто искал утешения.

- Ответ на данный вопрос сможет дать только полиция, ответил тот.
 - Полиция? воскликнула Розалинда Марш.
- Конечно, подтвердил Мордекай Тремейн. Придется сообщить о том, что случилось. Вам... не нравится это?

Она вздрогнула и отпрянула, в глазах мелькнуло выражение загнанного зверя. Но уже через мгновение ее поведе-

ние резко изменилось. Мисс Марш набросилась на Тремейна с яростным негодованием:

- С какой стати мне должно это нравиться? Вы пытаетесь в чем-то меня обвинить?
- Нет-нет, что вы! Простите, если неудачно выразился. Слегка отступив перед неожиданным напором, он так скромно и мирно стоял под елкой в сползшем на кончик носа пенсне, что мисс Марш немного успокоилась. Тремейн по

скромно и мирно стоял под елкой в сползшем на кончик носа пенсне, что мисс Марш немного успокоилась. Тремейн по очереди посмотрел на каждого, кто остановился около двери. Гости подумали, что он сбит с толку и не знает, что делать дальше. Трудно было представить, что в эту минуту скромный джентльмен хладнокровно запоминает внешность и манеру каждого, пытаясь проникнуть в мысли и извлечь максимум полезной информации.

Настало золотое время, краткий период, когда убийца — если присутствовал здесь, на месте преступления, — мог совершить ошибку и выдать себя.

Джеральд Бичли не пошевелился с того момента, как вошел в комнату, и не проявил к присутствующим ни малейшего интереса. Его внимание сосредоточилось на елке и распластанной на полу фигуре. Взгляд метался между двумя точками, а лицо казалось обескровленной тенью и выражало болезненную смесь страха и замешательства.

За ним стоял Эрнест Лорринг. В отличие от отрешенного, замкнутого в себе Джеральда Бичли ученый проявлял острый интерес к окружающему. Он подался вперед в той же агрессивной манере, с какой отвергал любые попытки завязать разговор. Казалось, профессор нападал, чтобы сгладить первые, самые страшные моменты предательства. Сейчас он выглядел воинственным, хотя и растерянным орлом, озабоченным поиском жертвы. Больше всех Лорринга беспокоил Остин Деламер, по-прежнему стоявший возле Шарлотты Грейм и, словно в забытьи, сжимавший ее безвольную руку.

Вдруг Деламер понял, что за ним следят, посмотрел на Лорринга и густо покраснел. Сначала Тремейн ожидал услышать резкое замечание: политик внезапно изменил позу и даже открыл рот, но так и не произнес ни слова. Что бы он ни собирался сказать, в последний момент передумал и лишь нахмурился.

Розалинда Марш пришла в себя. Теперь она вновь выглядела холодной красавицей, готовой бесстрашно воевать за свое место под солнцем. Присутствие убитого человека нисколько ее не расстроило. Опытная, лишенная сомнений светская львица давно научилась бесстрастно принимать трагедию.

А вот та особа, от которой можно было ожидать спокойного отношения к событию, отреагировала непосредственно и эмоционально. Люси Тристам вошла в комнату вслед за Напьерами. Она тяжело дышала, будто бежала по коридорам. Увидев на полу неподвижную фигуру Санта-Клауса, она резко остановилась, судорожно вздохнула и схватилась за горло, а затем покачнулась. Тремейну даже показалось, что сейчас она упадет, однако Люси вцепилась в дверной косяк, чтобы не упасть, и осталась стоять.

Напьеры держались так, как и должны были вести себя разбуженные среди ночи, ничего не понимающие люди. Оба были в халатах, муж — с растрепанными волосами, жена — с сеткой на голове. Обычная, ничем не выделявшаяся супружеская пара средних лет, неожиданно попавшая в эпицентр непредвиденных событий и растерянно ожидавшая руководства ума.

И все же Мордекай Тремейн не смог бы поклясться в справедливости первого впечатления. Нечто в поведении Гарольда Напьера и его жены не вписывалось в общую картину. Да, они были рядовыми, неприметными провинциалами и выглядели соответствующим образом, но Тремейн ощущал диссонанс. Некое ускользающее, с трудом уловимое, не поддающееся определению качество намекало на скрытую за фасадом ординарности сложность.

Беглый обзор не позволил углубиться в подробности, поскольку продолжался лишь пару секунд, пока шок и растерянность удерживали полусонных людей возле двери в ожидании конкретного распоряжения. Он получил набор образов, заброшенных в сознание в торопливой последовательности, подобно поспешно сделанным фотографиям.

Потрясенные люди начали понемногу приходить в себя. Первым обрел дар речи Лорринг:

— Что же теперь делать? Если Грейм убит, не лучше ли сразу поставить в известность полицию?

Его голос прозвучал резко, почти грубо, но прежде, чем Мордекай Тремейн успел ответить, в дверях появился встревоженный Николас Блейз в халате, с зачесанными назад волосами. Увидев Тремейна, он сразу направился к нему:

— Что случилось? Какие-то крики...

Мордекай Тремейн стоял перед телом, а сейчас молча отошел, открывая обзор. Блейз посмотрел вниз, увидел красный балахон и бороду.

— Нет...

Он в ужасе отшатнулся, медленно повернулся туда, где находились остальные, холодно, пристально, безжалостно посмотрел на каждого, а потом перевел взгляд на Тремейна.

— Это случилось, Мордекай, — произнес Блейз дрожащим голосом. — Все-таки случилось. Хотел предотвратить, но опоздал...

Горечь и отчаяние перехватили его горло. Секретарь замолчал, усилием воли взял себя в руки и заговорил снова, теперь уже вполне уверенно:

- Дело за вами, Мордекай. Сейчас, когда вы здесь, необходимо немедленно заняться...
 - Полиция...
- Знаю, что придется вызвать местных детективов, но они прислушаются к вашему мнению и последуют вашим советам. Только вы поможете им найти убийцу.
- A если мое вторжение в расследование не вызовет понимания? уточнил Тремейн.
- На каком основании? удивился Блейз. Совершенно необязательно объявлять ваше имя. Если честь раскрытия преступления достанется офицерам, они не станут возражать. Он схватил Тремейна за плечи. Пальцы вонзились цепко и глубоко, словно когти хищной птицы. Вам известно, почему я вас сюда пригласил. Я боялся за Бенедикта. Спасти его так и не удалось, но по крайней мере еще не поздно отправить убийцу на виселицу!

Николас Блейз, забыв обо всех, в эту минуту видел одного лишь Тремейна.

— Вы сделаете это, Мордекай? Бенедикт лежит здесь, потому что какой-то негодяй надеется остаться безнаказанным...

— Это не мистер Грейм, — тихо сообщил Мордекай Тремейн.

Николас Блейз не сразу понял смысл слов — до такой степени его захватили эмоции.

— Не... Бенедикт?

Он опустился на колени возле убитого, склонился, чтобы рассмотреть лицо, протянул руку и убрал бороду.

Все увидели, как секретарь отпрянул, и услышали его ошеломленный вздох.

— Боже милостивый, — прошептал Николас Блейз. — Это Джереми Рейнер!

Глава 9

Николас Блейз медленно поднялся:

— Не понимаю. Ничего не понимаю. Решил, что это Бенедикт... — Он показал на красный балахон.

Мордекай Тремейн кивнул.

— Увидев распростертого здесь Санта-Клауса, вы подумали, что это мистер Грейм, потому что в сочельник он любит исполнять эту роль. Но, судя по всему, сегодня мистер Рейнер решил заменить его. Что-нибудь подобное случалось прежде?

Николас Блейз покачал головой:

— Никак не ожидал от него такого поступка. Джереми всегда считал обычай... детским. Терпеть не мог всяческие переодевания.

Блейз говорил механически, как человек, старающийся отвечать разумно, но неспособный сосредоточиться. Он отчаянно стремился сохранить видимость спокойствия, однако не мог прийти в себя.

- В библиотеке стоит телефон, напомнил Мордекай Тремейн. В деревне есть полицейский участок?
- Участка нет, но есть констебль, ответил Блейз. Сейчас позвоню ему.
- Констебль обязательно передаст сообщение начальству. Полагаю, он получает указания из Калнфорда.

- А как насчет доктора? Секретарь постепенно возвращался в нормальное состояние. Он определенно считал себя ответственным за ситуацию. Может, его тоже вызвать?
- Не имеет смысла беспокоить человека среди ночи, ответил Мордекай Тремейн. Боюсь, сомневаться в смерти мистера Рейнера не приходится, а полиция привезет своего врача.
- Вам не кажется, произнес Николас Блейз с видом человека, знающего ответ, но считающего себя обязанным задать вопрос, что мог произойти несчастный случай? Или самоубийство?
- Выводы мы должны оставить полиции, заявил Мордекай Тремейн.
- Разумеется. Сейчас же позвоню в деревню. Блейз повернулся, шагнул к двери, но остановился и уточнил: Что-нибудь еще нужно сделать?
- Никто не должен выходить из дома. Нельзя ничего трогать. Было бы разумно разбудить слуг. И все. Остается только ждать приезда полиции.

Николас Блейз кивнул. Он уже почти пробрался сквозь молчаливую группу, когда путь преградила Дени Арден.

— В чем дело, Ник? — воскликнула она. — Что случилось? Секретарь не ответил. Дени вошла и обвела комнату недоуменным взглядом. Сначала она увидела Шарлотту Грейм и Остина Деламера, потом посмотрела на Мордекая Тремейна. И вдруг заметила на полу фигуру в красном одеянии.

Джереми!

Она бросилась к елке, но Мордекай Тремейн быстро шагнул ей навстречу.

- Не подходите, мисс Арден!
- Но ведь это Джереми, растерянно проговорила Дени. Ему плохо...
- Сожалею, промолвил Тремейн. Глубоко сожалею. Но лучше к нему не прикасаться. Видите ли, полиция...
- Полиция? В ее глазах мелькнул страх. При чем тут полиция?
 - При том, что мистер Рейнер мертв.
 - Мертв... О нет!..

— Застрелен, — пояснил Тремейн. — Мистер Блейз пошел звонить в полицию.

Ее горе терзало его душу. Однако мисс Арден должна была узнать правду, причем немедленно. Дени стояла, прикрыв рот рукой и покачиваясь. Розалинда Марш и Люси Тристам поспешили бережно поддержать ее. Импульсивное проявление сочувствия удивило Тремейна, тем более что исходило оно от холодной высокомерной красавицы и от дамы, движимой примитивной энергией, исключающей жалость и сострадание.

Остальные лишь молча наблюдали. Узкое лицо Эрнеста Лорринга казалось высеченным из камня. Джеральд Бичли стоял, прислонившись к стене и погрузившись в печальные мысли. Напьеры держались за руки и представляли собой растерянную, испуганную пару, застывшую в ожидании неведомого, но ужасного события. Остин Деламер по-прежнему опекал лишенную жизненных сил Шарлотту Грейм.

— Присядь, дорогая, — нежно проворковала Люси Тристам.

Она обняла Дени за талию, и Мордекай Тремейн увидел, что различия между ними не ограничиваются внешними чертами. Мисс Арден выглядела несчастным потерянным ребенком, нуждающимся в утешении и помощи. Люси Тристам была зрелой женщиной, познавшей жизнь и смерть и наделенной богатством мудрости.

Лицо Розалинды Марш смягчилось искренним сожалением. Если бы так было всегла!

— Дени!

Крик всех напугал. Встревоженный мужской голос раздался с террасы. Французское окно внезапно распахнулось, и в комнату ворвался Роджер Уинтон.

— Дени! С тобой все в порядке?

Он не заметил никого, кроме мисс Арден. Подбежал и крепко обнял ее. За стеклами пенсне серые глаза Мордекая Тремейна с подозрением прищурились. Каким образом Роджеру Уинтону удалось точно рассчитать момент эффектного появления? Молодой человек должен был ночевать в нескольких милях отсюда, под крышей родительского дома. Помимо того, что он не мог услышать крики Шарлотты Грейм, добраться так

быстро по неровной, заметенной снегом дороге не представлялось возможным. К тому же Уинтон явился полностью одетым.

Мордекай Тремейн понял, что сомнения возникли не только у него. Люси Тристам посмотрела на Роджера с недоверием. Она не произнесла ни слова, но через мгновение перевела взгляд на убитого Джереми Рейнера. Роджер Уинтон хотел жениться на Дени Арден. Не возникало сомнений в том, что опекун упорно препятствовал браку. И вот теперь Джереми Рейнер лежит под елкой... мертвый. Сам Уинтон не замечал подозрений, вызванных собственным появлением. Он стоял, заключив Дени в объятия, и пытался утешить. В первую минуту его присутствие не показалось Дени странным. Она доверчиво прильнула к широкой груди:

— Роджер, Джереми... он мертв...

Уинтон посмотрел на пол, затем перевел вопросительный взгляд на Мордекая Тремейна.

— Не думай об этом, дорогая, — нежно проговорил он.

Продолжая поддерживать Дени, Роджер подошел ближе. На свету Тремейн впервые ясно увидел его лицо. Щеку рассекла глубокая рана, на коже остались кровавые следы. Плотное пальто едва держалось на плечах, а одна пуговица отсутствовала.

— Вы его остановили? — спросил Тремейн.

Уинтон вскинул голову, словно внезапно что-то вспомнив.

- Нет, ответил он. Он набросился с тяжелой палкой или дубиной. Я упал и, наверное, на пару мгновений отключился, а когда поднялся, он уже успел убежать. Но далеко он не уйдет! Надо срочно позвонить в полицию!
- Мистер Блейз как раз этим занимается. Вы узнали того, кто на вас напал?

Уинтон покачал головой:

— Луна зашла за тучу. K тому же он закутался, но один раз я его все-таки ударил. Уверен, что след остался.

До слуха Мордекая Тремейна донесся странный звук — испуганный вздох. Он медленно обернулся. Шарлотта Грейм сидела в кресле прямо и проявляла к происходящему значительно больше интереса, чем прежде. Рот приоткрылся, а пальцы с такой силой сжали подлокотники, что напряглись

даже плечи. Она с ужасом смотрела на Роджера Уинтона. Вряд ли кто-либо еще обратил внимание на внезапную перемену. Все взгляды сосредоточились на молодом человеке. Джеральд Бичли подошел и с болезненным любопытством уточнил:

— Странно, что ты не успел рассмотреть его, хотя оказался так близко, что получил изрядную трепку!

Уинтон вспыхнул:

- Что же здесь странного?
- А то, что не мешало бы рассказать нам еще кое о чем.
 Например, что ты здесь делаешь.

Джеральд Бичли уже не казался добродушным, грубовато-сердечным сельским жителем. В эту минуту он превратился в жестокое мстительное существо, пытавшееся обвинить первого встречного без надежды на оправдание. Мордекай Тремейн подумал, что так действует тот, кто в страхе пытается спасти собственную шкуру.

Уинтон покраснел еще гуще и рассердился. Важно, однако, что он не начал оправдываться, как поступил бы невиновный. Тремейн понял, что назревает безобразная сцена, и поспешно вмешался:

— Не сомневаюсь, что все действия мистера Уинтона имеют объяснение. Полиция сама задаст необходимые вопросы.

К счастью, враждебная вспышка не получила продолжения. В холле послышались голоса, и вскоре в комнату вернулся Николас Блейз.

— Только что видел Флеминга, — сообщил секретарь. — Он пошел будить остальных слуг. Полиция скоро приедет.

Блейз уже успел немного успокоиться, и чувствовалось, что готов взять ситуацию под контроль. При виде Роджера Уинтона он вопросительно вскинул брови.

— Мистер Уинтон только что появился, — пояснил Мордекай Тремейн. — Ему пришлось вступить в борьбу со встреченным возле дома человеком, но, к сожалению, тому все-таки удалось скрыться.

Николас Блейз смерил Уинтона тяжелым, полным подозрений взглядом:

- Хотите сказать, что действительно подрались с убийней?
- Не знаю, был ли это убийца, ответил Уинтон, но с кем-то подрался.
 - Этот человек вышел из дома?
- Я встретил его на дороге, когда услышал крики и поспешил, чтобы выяснить, в чем дело. Окликнул, но он бросился бежать, а я за ним. И получил вот это. Уинтон дотронулся до разбитой челюсти. Когда очнулся, догонять в темноте уже не имело смысла, поэтому пришел сюда.
- Странно, заключил Николас Блейз. Весьма странно. Он задумался. Рассказ Уинтона открыл неожиданную перспективу. Вдруг секретарь повернулся к мисс Грейм. Ведь это вы кричали, Шарлотта, не так ли? Видели кого-нибудь?

Она явно ждала этого вопроса, а потому быстро ответила:

— Нет, я никого не видела.

Блейз настойчиво продолжил допрос:

- В таком случае что же вы видели? Почему вышли из своей комнаты и спустились сюда?
- Я не могла уснуть: болела голова, чудились какие-то голоса, поэтому я взяла фонарик и спустилась. Сначала ничего не увидела, а потом обо что-то споткнулась, посмотрела и... Это было ужасно... ужасно!..
 - Кроме вас, здесь никого не было?
 - Не знаю. Было совсем темно. И очень страшно.

Николас Блейз склонился и положил руку ей на плечо:

- Постарайтесь вспомнить, Шарлотта. Скоро приедет полиция, и вас об этом спросят. Уверены, что никого не видели?
- Комната была пустой, пролепетала мисс Грейм. Если не считать... не считать...
 - Тела?
 - Да. Больше здесь никого не было.

Неожиданно Остин Деламер обратился к Блейзу:

— Если Рейнер не заменил Грейма, то почему Грейм не нарядил елку, как обычно? Почему не пришел сюда? Уже почти половина третьего.

— Он здесь был, — возразил Николас Блейз. — Посмотрите на дерево.

Говоря это, секретарь повернулся и показал на елку. На самой верхней прищепке висел аккуратно перевязанный яркой ленточкой небольшой пакет. Тремейн приблизился и прочитал надпись на карточке: «Джереми».

- Где же остальные подарки? поинтересовался Остин Деламер.
- Возможно, Бенедикт еще не успел повесить их, предположил Джеральд Бичли.

До сих пор Мордекай Тремейн оставался лишь наблюдателем, но в эту минуту решил, что настало время поделиться своими соображениями.

— Где мистер Грейм? — осведомился он.

Николас Блейз резко обернулся.

- Да, конечно, пробормотал он, Бенедикт...
- Он единственный, кто не спустился, продолжил Тремейн.

Секретарь долго молчал, а потом вдруг спросил:

- Вам не кажется... Вы не подозреваете, что с Бенедиктом тоже что-то случилось?
 - Нужно это выяснить, ответил Тремейн.

Все отправились в комнату мистера Грейма. Далеко идти не пришлось, потому что спальня находилась в главной части дома, этажом выше. Дверь была заперта, и Блейз принялся стучать.

— Бенедикт, вы здесь? Бенедикт!

Послышался шорох, щелкнул замок, дверь приоткрылась и показалась взлохмаченная голова хозяина. Грейм растерянно моргал и ничего не понимал, как положено человеку, только что вырванному из глубокого сна и еще не успевшему вернуться к действительности.

 $-\,$ В чем дело, Ник? $-\,$ проворчал он. $-\,$ Что за шум?

Хозяин заметил столпившихся за спиной секретаря гостей, и выражение его лица изменилось.

- В чем дело? спросил мистер Грейм. Кто-нибудь заболел?
 - Рейнер мертв, ответил Блейз.

- Мертв? повторил Грейм и пристально посмотрел на секретаря, будто с трудом понимал значение этого слова: Мертв? Джереми? Что случилось?
 - Похоже, убит застрелен.
- Убит... ошеломленно выдохнул Бенедикт Грейм и вышел из комнаты. Гле он?
- Внизу, возле елки. Одет в ваш костюм Санта-Клауса, ответил Николас Блейз нарочито небрежным тоном.

Однако мистер Грейм испытал столь глубокое потрясение, что потерял дар речи. Он постоял молча, а потом нервно облизал губы.

— Абсурд! — медленно произнес мистер Грейм. — Не может быть. Мои веши злесь.

Воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Бенедикт Грейм посмотрел на присутствующих, внезапно повернулся и скрылся в комнате. Николас Блейз подался вперед, будто хотел пойти следом, но передумал и остался на месте. Через пару секунд хозяин появился снова, с длинным красным балахоном и белой бородой в руках.

— Вот, — взволнованно пробормотал он. — Я же сказал, что костюм не мой.

Верхняя пуговица пижамы расстегнулась, и воротник выглянул из-под халата. Стоя на пороге со взъерошенными седыми волосами, беспомощно протягивая красную шубу и бутафорскую бороду, Бенедикт Грейм выглядел по меньшей мере странно, но никто даже не улыбнулся. Мордекай Тремейн шагнул вперед:

- Мистер Грейм, вы просили мистера Рейнера вместо вас украсить елку?
- Нет, ответил Бенедикт. Разумеется, нет. А почему вы спрашиваете? Полагаете, что мне что-либо известно?
- Нет. Я пытаюсь понять, что заставило мистера Рейнера надеть костюм и отправиться в эту комнату.
 - Не знаю! бросил Грейм.

Его голос прозвучал раздраженно, будто только что сорвался некий важный план, но уже в следующее мгновение он осознал, какое впечатление производит, какую ответственность несет в качестве хозяина дома, и обратился к Николасу Блейзу:

- Может, следует сообщить в полицию, Ник?
- Я уже позвонил, ответил секретарь. Скоро приедет оперативная группа.

Он явно хотел что-то добавить, но промолчал и лишь встревоженно посмотрел на Грейма. Мордекаю Тремейну по-казалось, будто дипломатичный секретарь не знает, о чем думает хозяин, а потому боится сказать лишнее.

Известие о том, что полицию уже оповестили, расстроило Бенедикта Грейма, однако он быстро справился с эмоциями.

— Ты бы, Ник, лучше показал, где... где Джереми.

Блейз пошел первым, мистер Грейм последовал за ним, а остальные послушно потянулись неровной вереницей подобно причудливому набору кукол, внезапно приведенных в действие чьей-то властной рукой.

Бенедикт Грейм увидел на полу неподвижную фигуру, но рассматривать ее не стал, а изумленно взглянул на елку.

- Что за черт! Он с возмущением обернулся к Николасу Блейзу. Кто здесь хулиганил, Ник? Кто изуродовал дерево?
- Хотите сказать, что повесили все подарки? спокойно, но настойчиво уточнил Мордекай Тремейн, прежде чем секретарь успел ответить.
- Разумеется! Именно это я и хочу сказать! крикнул Грейм, даже не поинтересовавшись, кто именно задал вопрос. Прежде чем лечь спать, я все подготовил! Кто снял подарки? Джереми? Его работа?
- Если это сделал мистер Рейнер, то где же они? произнес Тремейн.

Возле тела подарков не было. Не осталось ни мешка, ни сумки, куда Джереми мог положить их. Правда, существовала вероятность, что все, что успел снять с елки, он уже вынес, а потом зачем-то вернулся и встретил свою смерть.

- Пропали не все пакеты, заметил Николас Блейз. Один, предназначенный самому Джереми, остался. Наверное, бедняга просто не успел снять.
- Но там ничего нет, мягко возразил Мордекай Тремейн.
- Вы прекрасно знаете, что он там, рассердился Блейз. Наверху. Мы все его видели, когда...

Он не договорил, застыв в изумлении. Рука, поднявшаяся, чтобы показать то, о чем шла речь, безвольно опустилась.

Ни одного подарка на елке не осталось. Карточка с именем Джереми Рейнера отсутствовала.

Глава 10

Казалось, Мордекай Тремейн крепко спит. Он развалился в кресле, опустив голову на грудь. Наверное, ночное бодрствование отняло последние силы, и теперь ослабевший джентльмен коротал время до рассвета.

Однако он намеренно создавал такое обманчивое впечатление. Несмотря на внешнюю вялость, его мозг бодрствовал. Тремейн вовсе не спал, а активно работал, анализируя события ночи: вспоминал, рассуждал, исследовал, — иными словами, искал ключ к раскрытию убийства.

Полиция приехала два часа назад. Под руководством суперинтенданта Кэннока — дородного, подчеркнуто вежливого офицера, всем своим видом сразу давшего понять, что возражения и ложные показания в принципе невозможны, — сотрудники полиции энергично приступили к работе. Криминалисты и фотографы занялись своими делами. Врач провел первичный осмотр тела.

Комнату, где Джереми Рейнер встретил смерть, немедленно освободили от посторонних. Эксперты не могли позволить, чтобы изучение места преступления осложнилось присутствием праздных наблюдателей.

Мордекай Тремейн сразу сообразил, как извлечь пользу из вынужденного бездействия. Долгие часы, посвященные тренировке зрительной памяти, не прошли бесследно, и сейчас он смог мысленно воспроизвести комнату в мельчайших деталях. Елка, кресло, где сидела Шарлотта Грейм, стремянка возле дальней стены, мокрые следы на полу, труп в красном балахоне — все ярко запечатлелось в сознании.

В минуты всеобщего смятения, последовавшего за исчезновением последнего подарка, Мордекай Тремейн успел быстро, внимательно и, как надеялся, незаметно осмотреть место

преступления и увидел на ногах убитого резиновые сапоги. Их скрывала длинная шуба, но Тремейн слегка приподнял полу и обнаружил на полу мокрое пятно. Влажная линия тянулась к французскому окну.

Отпечатки ног Роджера Уинтона выделялись отчетливо, поскольку молодой человек слишком спешил, чтобы думать о налипшем на ботинки снеге. Вскоре снег растаял и превратился в лужицы. Выплывшая из-за облаков луна осветила холодную белизну лужайки, нарушенную тремя цепочками следов.

Определить без дополнительного осмотра было нелегко, но Тремейну показалось, будто две пары ног шагали к дому, а одна спешила в противоположном направлении. Все три линии обрывались на террасе.

Мордекай Тремейн поднял руку, чтобы поправить вечно сползавшее пенсне, и воспользовался возможностью мельком взглянуть на окружающих. Под руководством Флеминга, безупречного даже в пижаме и халате и не утратившего величия перед лицом убийства, принесли подносы с кофе. Поначалу то один, то другой из измученных членов компании произносил пару слов, однако усталость брала свое и вскоре стихли даже случайные замечания.

Время от времени в комнате появлялся констебль, и следующий свидетель отправлялся на тягостную встречу с суперинтендантом. Беседы тянулись долго. Несмотря на поздний — или ранний — час, Кэннок никуда не спешил. Тремейн решил, что офицер рассуждает справедливо: если люди не ленятся убивать друг друга в неурочное время, то пусть безропотно принимают результаты своих поступков.

Столь рьяный исследователь человеческой натуры, каким, несомненно, был Мордекай Тремейн, с профессиональным вниманием наблюдал, как уходил и возвращался каждый из обитателей дома. Почти все старались выглядеть равнодушными, отчаянно стремились показать, что им нечего скрывать и, следовательно, нечего бояться.

Только что вернулся с допроса Эрнест Лорринг. Едва он появился в дверях, все взгляды тотчас устремились в его сторону. Профессор прошел к своему креслу с таким видом,

словно не замечал, что товарищи по несчастью не только пристально смотрят на него, но и стараются уловить в выражении его лица следы замешательства или хотя бы смущения. Нет, ученый не вызывал особого подозрения. Обостренное внимание встречало и остальных. Тремейну показалось странным, что все, кто уже прошел собеседование, предпочли вернуться в переполненную комнату, к обескураживающим вопросительным взглядам, и никто не поднялся к себе в спальню, чтобы наконец-то лечь в постель и уснуть. Суперинтендант Кэннок не собирался вызывать свидетелей во второй раз. Выслушав каждого, он говорил, что больше не нуждается в его показаниях — по меньшей мере до утра.

Никто не хотел уходить первым, словно боялся, что в его отсутствие произойдет нечто важное, и не мог смириться ни с подобной возможностью, ни с одиночеством. Но почему? Мордекай Тремейн снова посмотрел по сторонам. Невозможно, чтобы все были замешаны в убийстве. Во всяком случае, маловероятно. Так что же связывает этих людей?

Профессор Лорринг сидел напротив. Определить результат собеседования по его лицу было трудно, но Тремейн полагал, что Кэнноку не удалось выведать ничего такого, чего ученый не захотел рассказать сам. Он еще раньше пришел к выводу, что Эрнест Лорринг заслуживает отдельного внимания. Уверенность зародилась вчера днем, когда Тремейн застал ученого злобно разглядывавшим елку, а два часа назад расцвела с тропической пышностью, потому что, если верить еще ни разу не подводившей его интуиции, рука, снявшая с елки последний подарок, была именно профессора Лорринга.

Мордекай Тремейн мысленно воссоздал череду событий, сопутствующих общему визиту в комнату Бенедикта Грейма, представил лица стоявших возле двери людей. Мистер Лорринг присоединился позднее. Следовательно, именно он последним покинул комнату, где лежало тело. Разумеется, сам профессор отрицал это, причем так упорно, что стало ясно: он отлично понимает, какое обвинение повлечет за собой признание опасного факта.

— Нонсенс! — сердито воскликнул Лорринг. — Я поднялся вместе со всеми! Никто не смог уличить его во лжи. Движение в сторону лестницы происходило слишком хаотично, нервно и суматошно, чтобы помнить, кто шел рядом.

— Мисс Грейм явилась после меня, — сказал профессор. — А рядом с ней топтался Деламер.

Он посмотрел на обоих, словно лишая возможности опровергнуть это утверждение. Политик собрался вступить в спор, но сообразил, что стоит на скользкой почве, и промолчал. Шарлотта Грейм не проявила ни интереса, ни возмущения. Она просто не поняла, к чему клонит профессор. Мордекай Тремейн не настаивал. Отвратительное настроение Лорринга не способствовало успеху перекрестного допроса. К тому же приезд полиции пресек любую деятельность.

Бенедикт Грейм тоже хранил молчание, но хоть отсутствие печали по поводу жестокого убийства самого близкого и давнего друга и казалось странным, хозяин дома не совершил ни одного вызывающего подозрение поступка. Отсутствие нормальной человеческой реакции вполне могло объясняться последствиями сильнейшего потрясения. К тому же положение обязывало сохранять беспристрастность.

В дверях снова появился констебль. Мисс Марш услышала свое имя и встала. Лицо ее не изменило выражения, однако огонек сигареты вдруг вспыхнул особенно ярко.

Мордекай Тремейн проводил Розалинду пристальным взглядом. Суперинтенданта Кэннока ожидало новое поражение. Не возникало сомнения, что все вопросы мраморная статуя отразит с ледяным спокойствием, чем повергнет офицера в ступор — во всяком случае, временный.

Ожидая возвращения дамы, Мордекай Тремейн снова оглянулся и понял, что в очереди на допрос остались двое: Люси Тристам и он сам. Только сейчас ему пришло в голову, что порядок дачи показаний имел определенную логику: очевидно, его не случайно приберегли напоследок. Туманное соображение постепенно прояснилось и окрепло, а когда после возвращения Розалинды Марш прозвучало имя Люси Тристам, Тремейн ничуть не удивился, напротив — им овладело любопытство.

Анализируя собственные чувства, он понял, что его ощущение благополучия и безопасности коренилось в положе-

нии стороннего наблюдателя. Скрывать от полиции ему было абсолютно нечего; следовательно, нечего было и опасаться. Малейшая искра вины заставила бы Тремейна сидеть подобно остальным — застыв в нервной напряженности, вновь и вновь прокручивая в уме историю, которую собирался представить, бесконечно проверяя подробности и выискивая неточности.

Мордекай Тремейн отвлекся от попытки прочитать на лицах нечто большее, чем естественное в подобной ситуации утомление, и представил, какие сведения удастся выудить Кэнноку из великолепной Люси. Хотя прошедшие два часа оставили под прекрасными зелеными глазами темные круги, а выражение очаровательного личика омрачилось подобием страха, миссис Тристам по-прежнему оставалась женщиной, достойной восхищения. Несмотря на официальную солидность суперинтенданта, Тремейн не мог отказать офицеру в праве по достоинству оценить щедрую красоту.

Когда миссис Тристам вернулась с допроса, понять ничего не удалось. Возможно, цвет ее лица стал чуть ярче, глаза заблестели откровеннее, однако ни определиться с впечатлением, ни установить причину легкого возбуждения Тремейн так и не успел.

Направляясь к своему месту, миссис Тристам посмотрела на него в упор. Ее явно интересовало его мнение. Со странным облегчением Мордекай Тремейн подумал, что никакого определенного мнения у него нет, однако прекрасная Люси об этом даже не догадывается.

Наконец прозвучало последнее имя. Вставая и выходя из комнаты вслед за констеблем, Тремейн понимал, что все взгляды сосредоточены на его персоне. Причем на сей раз не с острым любопытством и не со стремлением отыскать некий предательский знак, а с болезненной настороженностью. Внезапно он ощутил себя некой неизвестной величиной, не имевшей ничего общего с остальными. Все мгновенно объединились против чужака как против общего врага. Трудно представить положение более неловкое. Желая избавиться от неприязненных взглядов, Тремейн поспешил удалиться.

Суперинтендант Кэннок обосновался в библиотеке. Он сидел за столом лицом к двери и что-то писал. Услышав шаги, Кэннок поднял голову.

— Садитесь, Тремейн, — предложил он.

Его голос звучал спокойно. Суперинтендант не проявлял ни усталости, ни раздражения. Заполнившая пространство кресла крупная фигура излучала обезоруживающее дружелюбие, словно убеждая, что все будет хорошо. Главное — сказать правду. Тщательно рассчитанный профессиональный прием, несомненно, имел целью создание доверительной обстановки, но как только жертва испытывала облегчение, начинала чувствовать себя уверенно и совершала первую ошибку, бархатные чехлы немедленно слетали с когтей.

Мордекай Тремейн понял, что его пристально изучают, прямо посмотрел в круглое, свежее, жизнерадостное лицо суперинтенданта и твердо встретил взгляд проницательных карих глаз. Удивительно, что подобное лицо принадлежало офицеру полиции. Скорее так мог выглядеть довольный жизнью фермер. А вот массивная, внушительная фигура вполне соответствовала общепринятому образу служителя закона. Легко было представить ее облаченной в официальную синюю форму, торжественно шествующей по подконтрольной территории. Суперинтендант преодолел длинный путь с нижней ступени карьерной лестницы.

Появление Мордекая Тремейна немного взбодрило Кэннока. Он улыбнулся, отчего вокруг глаз собрались веселые морщинки, и добродушно посетовал:

- Боюсь, ждать вам пришлось долго. Но не сомневаюсь, что вы понимаете: в столь серьезном деле необходимо учесть даже самые незначительные подробности. Вот почему предпочитаю беседовать с людьми по горячим следам. Дело в том, что память нередко преподносит странные сюрпризы, особенно утром.
- Да, произнес Тремейн. Вы должны добросовестно выполнить свою работу, суперинтендант. В любом случае заснуть сейчас все равно не удастся. Он помолчал и добавил: До сих пор никто не поднялся к себе в комнату.

Кэннок не отреагировал на замечание, продолжая деловито просматривать бумаги.

- Вы здесь впервые?
- Да.
- Близко знакомы с мистером Греймом?
- Не очень. Но, разумеется, довелось встречаться прежде.
- Однако вы знаете его достаточно хорошо, чтобы оказаться в числе приглашенных на Рождество, пробормотал суперинтендант себе под нос и уже громче спросил: А как насчет других гостей? Есть ли среди них давние знакомые?

Тремейн покачал головой:

- Пока я общался только с секретарем мистера Грейма, мистером Блейзом. Все остальные люди посторонние. По крайней мере, оставались таковыми на момент приезда.
 - Ясно.

Суперинтендант снова посмотрел в лежавшие перед ним заметки, и Тремейн догадался, что рутинное действие имеет двойную цель: с одной стороны, оно призвано показать, что Кэннок знает так много, что обманывать его бесполезно, а с другой — специально рассчитано, чтобы выиграть время для следующего вопроса.

- Не согласитесь ли, мистер Тремейн, рассказать, что произошло после того, как был обнаружен труп? Я имею в виду ваши личные впечатления.
- Среди ночи я услышал крики. Сначала подумал, будто это сон, но когда понял, что действительно кто-то кричит, сразу встал с постели и направился в коридор, чтобы выяснить, что происходит.
 - Встретили кого-нибудь из других обитателей дома?
- Когда я проходил мимо комнаты мистера Бичли, он тоже вышел. К этому времени уже стало ясно, что крики доносятся с первого этажа, и мы вместе спустились по лестнице. В той комнате, где мистер Грейм поставил елку, горел свет. Я вошел и увидел на полу тело.
 - В комнате уже кто-то был?
- Да. Там находились мистер Деламер и мисс Грейм. Сразу стало ясно, что кричала мисс Грейм. Она очень расстроилась, и мистер Деламер пытался успокоить ее.

Следуя наводящим вопросам Кэннока, Мордекай Тремейн поведал свою историю, не упустив ничего, кроме собствен-

ных кратких наблюдений и умозаключений, а когда закончил, суперинтендант одобрительно кивнул.

- Спасибо. Вы очень помогли мне. Он помолчал, устремив взор в пространство, и Мордекай Тремейн ощутил легкий озноб предвкушения. Кэннок небрежно продолжил: Джонатан Бойс мой старинный добрый друг. Когда-то, в далекой молодости, мы вместе патрулировали участок.
- Неужели? осторожно отозвался Мордекай Тремейн, стараясь не выдать возбуждения. А сейчас встречаетесь?
- Давно не виделись. Работа не позволяет. Но связи, тем не менее, не теряем. Он держит меня в курсе событий.

Последняя фраза, несомненно, несла в себе особый смысл, но лицо суперинтенданта хранило официальное выражение. Он откинулся на спинку кресла и, словно изгнав из сознания все личные соображения, произнес:

— Видите ли, мистер Тремейн, в подобных случаях наши расследования не могут дать исчерпывающих результатов. Сам факт присутствия полиции лишает людей желания говорить. Почти все свидетели начинают вести себя неестественно, изменяют манеру речи и даже выражение лица. Из-за этого трудно понять, что они представляют собой на самом деле. Разумеется, такая возможность появляется крайне редко, но в идеале желательно иметь неофициального наблюдателя. Человека, с которым все остальные свободно общаются. Пользующийся относительным доверием агент сможет представить значительно более точную картину событий, чем та, какую мы получим собственными средствами.

Мордекай Тремейн деликатно выразил сочувствие:

- Понимаю ваши затруднения, суперинтендант. Его мягкий взгляд воплощал невинность. Конечно, неудобно обращаться за помощью к человеку, не состоящему на службе в полиции. Подобное действие повлечет за собой множество неловких вопросов.
- Совершенно верно, подтвердил Кэннок и многозначительно добавил: Но только в том случае, если факт сотрудничества приобретет известность.

К этому моменту Мордекай Тремейн уже выработал твердую позицию и ощутил необходимую уверенность, а потому деловито осведомился:

- Полагаю, суперинтендант, в настоящее время у вас больше нет ко мне вопросов?
 - Нет, ответил Кэннок. Пока это все.

Проскользнуло ли в его голосе разочарование? Мордекаю Тремейну хотелось бы верить, что так оно и есть. Он встал, чтобы уйти, но в последний момент, словно вспомнив о чем-то, заметил:

Пожалуй, я хотел бы упомянуть еще об одном обстоятельстве.

Кэннок заметно оживился:

— Да?

Справедливо сказано, что человек находит то, что хочет найти. Мордекай Тремейн искал в собеседнике заинтересованность, поэтому следует признать: ему не составило труда убедить себя, что заинтересованность присутствовала в полной мере, а в односложной реакции заключалась надежда на положительный ответ.

- В отношении мисс Грейм, пояснил он.
- Да? нетерпеливо повторил Кэннок.
- Она сказала, что не спала из-за головной боли. Услышала голоса и спустилась посмотреть, что происходит, поэтому и оказалась первой, кто обнаружил тело мистера Рейнера. Вам досталась та же история?
 - Почему вы спрашиваете?
- Я глубоко сомневаюсь в правдивости ее объяснения. Познакомившись с мисс Грейм, трудно представить, что эта особа способна среди ночи выйти из комнаты в поисках грабителей. Но даже если она действительно услышала шум и отважилась без помощи мистера Грейма или кого-либо из слуг проверить, что происходит, то логично предположить, что всего лишь накинула бы халат.

Тремейн многозначительно посмотрел на Кэннока, и суперинтендант ободряюще произнес:

И?..

— Дело в том, что дама была полностью одета. Сидела в твидовом костюме и даже с толстым шарфом на шее. Чтобы выйти из дома, не хватало пальто и резиновых сапог. Конечно, можно надеть все это лишь для того, чтобы спуститься на первый этаж. Но, честно говоря, верится с трудом.

Кэннок снова заглянул в свои заметки:

- Насколько могу понять, мисс Грейм выглядела взволнованной. Считаете ли вы, что в данных обстоятельствах ее волнение оправданно? Или оно показалось вам чрезмерным?
- Могу выразить лишь собственное мнение, ответил Мордекай Тремейн.
 - Конечно.
- По-моему, мисс Грейм выглядела не просто шокированной и встревоженной: подобная реакция была бы естественной, но была к тому же сильно напугана.
 - Что вы имеете в виду? спросил суперинтендант.
- Если бы я точно знал, что имею в виду, то принес бы вам, суперинтендант, значительно больше пользы. Мисс Грейм обнаружила тело. В доме было темно. Она освещала себе путь фонариком. Фактически споткнулась о труп Джереми Рейнера. Наверное, увидев его неподвижно лежавшим возле елки, пришла в ужас. Представьте эту жуткую сцену. Тишина. Неподвижность. Сплошная пелена снега за окном. Темнота в доме. Распростертый на полу Санта-Клаус в красной шубе, с длинной белой бородой. Украшенная елка, отбрасывающая уродливые тени в неровном свете дрожавшего в руке фонарика.

Подобная картина лишила бы самообладания даже уверенного в себе человека, а мисс Грейм не может похвастаться крепкими нервами. Она впала в истерику. Закричала. Разбудила и подняла на ноги весь дом. Когда я появился, то нашел ее в кресле в состоянии полного изнеможения. Мистер Деламер безуспешно пытался успокоить ее.

Что ж, пока все понятно. Такой реакции и следовало ожидать от мисс Грейм. Однако мне показалось, будто присутствовало и что-то иное. Она выглядела так, словно старалась, но не могла скрыть страх. И вот это понять труднее. Несмотря на ужас и истерику, после того как повсюду вспыхнул свет

и подоспела помощь, причин для страха уже не существовало. Логично предположить, что мисс Грейм испугалась не того, что уже случилось, а того, что, по ее мнению, должно было произойти.

Суперинтендант Кэннок провел указательным пальцем по подбородку и спросил:

- У вас нет никаких... версий?
- У меня нет никаких фактов, ответил Мордекай Тремейн. Видите ли, суперинтендант, я вам завидую. За вашей спиной стоит мощная организация. Вам доступен практически любой источник информации. Если поставите целью раскрыть сокровенный секрет человека, то в ваших силах осуществить задуманное, в то время как обычный гражданин, как бы ни стремился, не имеет возможности провести исчерпывающее расследование, потому что не вправе воспользоваться необходимыми официальными источниками.
- Иногда становится скучно, заметил Кэннок. Чтобы найти ту самую иголку, приходится разбирать стог по соломинке.
- И все же в конце концов иголка оказывается в руках, возразил Тремейн и добавил с таким видом, словно просто размышлял вслух: Было бы интересно выяснить все, что можно, и об обитателях дома, и о гостях. Еще два дня назад я не знал никого из них, кроме мистера Грейма и мистера Блейза. А теперь все мы оказались тесно связанными. Можно сказать, что убийство сблизило нас, ведь мы находились здесь в момент гибели мистера Рейнера. Хочется узнать о каждом больше, чтобы не оказаться в столь же безысходном положении, как несчастный Джереми. Как живут эти люди, как проводят время, какими средствами располагают, где бывают и с кем встречаются...

В карих глазах суперинтенданта вспыхнули веселые искры. На обветренном лице появились морщинки.

— Кажется, мы понимаем друг друга, — подытожил он. По дороге из библиотеки в гостиную Мордекай Тремейн почувствовал, как в душе зарождается языческая песня восторга. Поручив суперинтенданту расследование убийства Джереми Рейнера, судьба проявила больше великодушия,

чем хватило бы смелости ожидать. Тому, что Кэннок знал его имя, удивляться не приходилось: об этом позаботилась пресса, не так давно уделив его скромной персоне чрезмерное внимание. Профессионал должен был запомнить любителя, достигшего столь громкой известности. Особая удача состояла в том, что Кэннок не только раньше дружил с Джонатаном Бойсом, но и по сей день поддерживал с инспектором Скотленд-Ярда доверительные отношения. Именно в этом заключалась разгадка его особого отношения.

Кэннок не спешил к открытым действиям. Возможно, опасался, что, пригласив на помощь человека без официального статуса, вызовет насмешки подчиненных. Или боялся, что главный констебль неблагосклонно воспримет своевольное отступление от общепринятых норм. В то же время не вызывало сомнений, что Джонатан Бойс успел немало рассказать суперинтенданту о совместной работе с Тремейном, и Кэннок готов был закрыть глаза на любые неподконтрольные действия.

Теперь, заручившись поддержкой официального лица, Мордекай Тремейн в полной мере осознал собственное стремление к участию в поисках преступника. Причина интереса заключалась не только в том, что на момент убийства он находился в доме в качестве гостя и должен был неизбежно превратиться в объект полицейского дознания. Корни тянулись глубже: к поводу для визита в Шербрум-Хаус и ко всему, что удалось услышать, увидеть и почувствовать с момента приезда.

Распростертое под елкой причудливо замаскированное тело стало кульминацией неведомой драмы. А сама драма началась значительно раньше и тайно продолжалась вплоть до нынешнего момента. События развивались подспудно, едва прикрытые неплотной пеленой благодушия и сердечности, усердно, но малоуспешно создаваемой Бенедиктом Греймом.

Роль пассивного зрителя из партера не удовлетворяла Мордекая Тремейна. Хотелось узнать, что происходит за кулисами; выяснить, сколько актов задумано в драме и до какой степени каждый из исполнителей сознает важность собственной роли; понять, кто убил Джереми Рейнера и почему тот был при этом в нелепом наряде.

Мордекай Тремейн вошел в гостиную, и все сразу замерли. Почувствовав напряжение, он театрально остановился на пороге, чем еще больше накалил обстановку. Тремейн посмотрел на каждого по очереди и встретил ответные взгляды, привлеченные необъяснимым, таинственным возбуждением, берущим начало в той далекой эпохе, когда первобытные люди переживали азарт и смертельную опасность охоты в девственных лесах. Один из этих людей совершил убийство.

Глава 11

Ночью мороз украсил окна сказочными узорами. Мордекай Тремейн лениво рассматривал тонкие линии, особенно изящные на фоне чистого белого света. Он пребывал в том приятном, хотя и мимолетном состоянии, которое отделяет сон от бодрствования. Сознание еще парило в блаженном пространстве, свободном от тревожных мыслей. Весь мир сосредоточился в морозном квадрате.

Однако уже в следующее мгновение чары разрушились, и начался мыслительный процесс. Первым явилось понимание необычности нового дня. С усилием Мордекай Тремейн вспомнил, в чем заключалась его особенность, и удивился необходимости сознательного напряжения умственных способностей. Разумеется, сегодня Рождество! Наполнивший комнату чистый свет — это свет рождественского утра.

Второе понимание пришло вслед за первым. Оно заключалось в излишней яркости света. Даже магия Рождества не могла объяснить неестественное сияние. Половина седьмого. Конец декабря. Обычно в это время бывает по-зимнему темно.

Мордекай Тремейн приподнялся на локте и посмотрел на часы. Стрелки показывали десять минут одиннадцатого. Пока он пытался осознать ту поразительную новость, что проспал лишних четыре часа, в памяти всплыли события вчерашнего дня. Джереми Рейнер мертв, убит ночью, и его тело в красном костюме Санта-Клауса лежало под елкой. Всех обитателей дома разбудил истеричный крик Шарлотты Грейм. Потом приехала полиция. Суперинтендант Кэннок — вежливый, спо-

койный, но в то же время полный мрачной решимости не дать следу остыть, — принялся терпеливо допрашивать всех по очереди. По своим спальням обитатели дома разошлись едва ли не на рассвете. Вот почему он проснулся так поздно. Мирное течение жизни было нарушено убийством.

Мордекай Тремейн окинул взглядом комнату, и она уже не показалась такой же светлой и уютной, как во время первого осмотра. Рождественское утро. Мир и покой всем, кто живет на земле, — вот что должен нести этот день. Вместо этого внизу лежит труп, чья кровь взывает к законному возмездию, а по комнатам притихшего дома бродят три ужасные тени, имена которым — Недоверие, Подозрение и Страх.

Несмотря на короткий сон, Мордекай Тремейн понимал, что, если снова закроет глаза, сознание не погрузится в состояние покоя, а сразу наполнится чередой образов; мысли закружатся в нескончаемом хороводе вопросов. Почему Шарлотта Грейм сидела полностью одетая? Почему пришлось так долго будить Бенедикта Грейма? Почему профессор Лорринг украл с елки последний подарок? И почему Джереми Рейнер лежал в костюме Санта-Клауса?

Мордекай Тремейн побрился, оделся и спустился в столовую в поисках завтрака. Убийство — жестокое потрясение, но живые продолжают жить, есть и пить. Остин Деламер и Эрнест Лорринг сидели в противоположных концах длинного стола. Каждый из них твердо решил не замечать другого. Лорринг ел сосредоточенно и увлеченно, не обращая ни на что внимания. Деламер, напротив, вяло и равнодушно ковырял вилкой в тарелке. Он мельком взглянул на Тремейна, едва ответил на приветствие и тут же опустил голову. Профессор пробормотал что-то невнятно, однако, несмотря на видимость полного самоуглубления, Мордекай Тремейн заподозрил, что ученый не настолько равнодушен к обстоятельствам, как хочет показать. Подойдя к буфету и взявшись поднимать крышку за крышкой, он почувствовал на себе его пристальный взгляд. Эрнест Лорринг определенно что-то скрывал, а потому сам подозревал всех и каждого. А особое подозрение вызывал у него тот, кто уже проявил любопытство и стремление понять чужие намерения.

Мордекай Тремейн не подал виду, что заметил тайное наблюдение, спокойно сел за стол и приступил к завтраку. Нервное поведение Лорринга порадовало его своей предсказуемостью.

Тремейн почти завершил трапезу, когда вошла Шарлотта Грейм, но проскользнула к буфету так тихо, что только произнесенные шепотом слова «доброе утро» — выдали ее появление. Было заметно, что спала она мало и плохо. Лицо побледнело, а круги под глазами стали еще темнее и глубже. Поначалу мисс Грейм избегала смотреть на Тремейна, но потом, словно под действием непреодолимой силы, все-таки неуверенно взглянула в его сторону. Он улыбнулся, и она ответила робкой улыбкой.

- Надеюсь, сегодня утром вы чувствуете себя лучше? спросил Мордекай Тремейн.
- Да, ответила мисс Грейм. Намного лучше. Спасибо.

Он знал, что Шарлотта лжет. Едва закончив завтрак, Тремейн поспешил уйти. Несмотря на огромные различия, троих оставшихся за столом людей объединяло недоверие к чужаку. Проявлялось оно по-разному, но при этом ошущалось не менее остро: Шарлотта Грейм не могла скрыть ужаса; Эрнест Лорринг демонстративно молчал; Остин Деламер бросал косые, полные истерики и возмущения взгляды.

Общее настроение выразила Розалинда Марш. Мордекай Тремейн нашел ее в библиотеке с книгой в руках, но с устремленным в окно отсутствующим взглядом.

- Доброе утро, ответила дама, повернувшись, и с нескрываемым цинизмом добавила: Желаю веселого Рожлества.
- Не такого рождественского утра я ожидал, признался он. Боюсь, смерть бедного Рейнера положила конец всем развлечениям.
- Бедного Рейнера? удивленно переспросила мисс Марш. Что заставляет вас так думать?

Тремейн посмотрел на нее внимательно, однако следов плохо проведенной ночи не заметил. Розалинда не проявила даже намека на мучительное волнение, столь характерное для Шарлотты Грейм. Холодная красота сохранилась в полной мере, а самообладание не дрогнуло.

- Наверное, следовало подобрать более уместное слово, произнес он, однако именно это выражение используется в подобных ситуациях. Что ни говори, он убит.
 - Да, кивнула мисс Марш. Действительно убит.

Мордекай Тремейн испытал шок. Трудно было избавиться от ощущения, что спокойствие дамы граничит с бесстыдством.

- Вы считаете, что мистер Рейнер заслужил такую смерть? медленно проговорил он.
- Джереми Рейнера трудно назвать святым. При жизни он умудрился впутаться во множество сомнительных историй и накопил целую коллекцию темных секретов, которыми не спешил делиться с полицией.
- Мистер Рейнер совершал поступки, выходившие за рамки закона?
- Конечно, подтвердила мисс Марш. Во всяком случае, так должно быть.

Последняя фраза прозвучала не предположением, а спокойным заявлением уверенного в собственной правоте человека. Мордекай Тремейн почувствовал, что теряет почву под ногами. Розалинда, видимо, заметила это и пояснила:

- Вам известно не так много, как я предполагала. Или как некоторым кажется.
- Не силен в загадках, парировал Тремейн, и она опять удивила его на сей раз внезапным смехом.
- Вы или весьма скромный детектив, либо коварный. Во всяком случае, вам удалось всех напугать. Они боятся пошевелиться, чтобы не вызвать у вас подозрений.

Мордекай Тремейн вздохнул. Надежда суперинтенданта Кэннока на свободное наблюдение за обитателями Шербрума исчезла. Если гости уже заподозрили его в связях с полицией, то раскроют перед ним ничуть не больше секретов, чем перед самим Кэнноком или другими офицерами. А если не сообщить Кэнноку ничего нового, то и взамен ожидать нечего.

- Почему все решили, будто я детектив?
- Нашептала трава прерий, беззаботно ответила Розалинда Марш. А ваше продолжительное собеседование с суперинтендантом укрепило подозрения.

- Вероятно, офицер беседовал со мной так долго потому, что мой рассказ его не удовлетворил.
 - Не исключено, промолвила мисс Марш.

Ее сумочка лежала рядом. Она достала сигарету из золотого, украшенного монограммой портсигара, прикурила и затянулась.

Мордекай Тремейн сдался.

— Хорошо. Предположим, я готов признать интерес к криминальным расследованиям. Разумеется, чисто любительский. Естественно, что если в доме, куда меня пригласили в гости, вдруг кого-то убивают, сразу хочется выяснить обстоятельства и причины преступления. Но из этого вовсе не следует, что я наделен официальным статусом или связан с полицией.

Произнося витиеватую лукавую тираду, Мордекай Тремейн смутно вспомнил слова, когда-то сказанные Джонатаном Бойсом. Инспектор Скотленд-Ярда назвал друга магнитом для убийств: если где-то кого-то лишали жизни, он или находил тело, или оказывался неподалеку. Вот и сейчас вовсе не показалось странным, что судьба вновь привела его на место преступления.

- Не хотите ли рассказать мне что-нибудь? обратился он к Розалинде Марш.
- Насколько могу понять, вы спрашиваете, не готова ли я в чем-нибудь признаться? уточила она. Пожалуй, ограничусь очевидным замечанием: я не убивала Джереми Рейнера. Она взглянула на Тремейна сквозь густое облако дыма. А теперь решайте: то ли я невиновна, но испугана, то ли виновна, но хитра, а потому пытаюсь сбить вас со следа, притворяясь, будто допускаю возможность подозрений в свой адрес.
- Значит, вы его не убивали? мягко уточнил Мордекай Тремейн.
 - Я знаю, кто мог это сделать.
 - Правда?
- Да, подтвердила Розалинда. Однако имя не предназначено для огласки. Доказательств у меня никаких нет,

а безосновательно обвинять человека в убийстве по меньшей мере неразумно.

Отточенным движением Розалинда Марш стряхнула пепел. Проследив за ее жестом, Мордекай Тремейн обратил внимание на несколько лежавших в пепельнице окурков. Все они были испачканы помадой. Итак, уверенность оказалась поверхностной. Дама поняла его мысли и едва заметно покраснела, но однако от более явного смущения ее спасло появление Николаса Блейза.

- Простите, что прерываю ваше общение, произнес он, но в эту минуту суперинтендант беседует с Бенедиктом. Он просит пока не покидать дом и окрестности. Разумеется, это формальность. Полицейским необходимо закончить осмотр территории.
- Мы понимаем, Ник, кивнула Розалинда Марш. В таких случаях невозможно избежать неудобств. Не беспокойтесь, мы будем вести себя примерно.
- Полагаю, некоторые комнаты недоступны для посещения? уточнил Мордекай Тремейн.
- Закрыта лишь одна, сообщил Блейз. Там фотографируют и производят измерения. Часть лужайки также огорожена.
- Я сегодня еще не видела Бенедикта, мимоходом заметила мисс Марш. Как он переносит этот кошмар, Ник? Блейз помедлил с ответом. На его лице появилось настороженное выражение.
- Что именно вас интересует? осведомился он, пытаясь выиграть время.
- Джереми Рейнер был ближайшим другом Бенедикта, пояснила мисс Марш. Наверное, он испытал страшное потрясение.
- Разумеется. Пока не до конца осознал, что произошло. Как вам известно, мистер Грейм немолод, а Джереми находился с ним много лет. Но держится он мужественно.

Разговор напомнил Мордекаю Тремейну маневры двух опытных фехтовальщиков, которые осторожно кружат вокруг да около, выбирая удобный момент для решительного выпада. Розалинда Марш многозначительно улыбнулась, да-

вая понять, что ценит попытку секретаря защитить хозяина, однако не считает его доводы убедительными.

- По-моему, вам надо побеседовать наедине, произнесла она. А я пойду к мистеру Деламеру и выражу сочувствие. Кажется, после этого Рождества ему придется проститься с политической карьерой!
- Вовсе не хотел вас прогонять, Розалинда! воскликнул Николас Блейз.
- Я умею чувствовать атмосферу, Ник, иронично возразила она. Позвольте мне сделать собственные выводы.

Как только мисс Марш ушла, Николас Блейз изменил тон:

- Она права, Мордекай. Я действительно хочу поговорить с вами.
- Я предвидел такую возможность, ответил Тремейн.
 Секретарь присел на край стола. Длинная нога нервно закачалась. На лице застыло выражение крайней озабоченности.
- Дело обстоит чертовски плохо, вздохнул он. Фраза избитая, но точно отражает ситуацию. Я пригласил вас сюда, потому что почувствовал нечто чрезвычайно странное, но подобного конца даже представить не мог. Не предполагал, что дело дойдет до убийства.
 - Вы волнуетесь за Бенедикта Грейма, Ник?
 - Поэтому я вас и пригласил.
- Я говорю о другом, уточнил Тремейн. О том, убил ли Бенедикт Грейм Джереми Рейнера.

Николас Блейз долго молчал, а когда наконец снова заговорил, его голос зазвучал хрипло:

- Почему вы спрашиваете?
- Могут существовать иные ответы. Но для начала предположим самый очевидный. Люси Тристам.

Блейз посмотрел в окно. Его руки крепко сжали край стола.

- И что же миссис Тристам?
- Великолепная Люси, промолвил Мордекай Тремейн. Мне нравится эта версия, Ник. Веет полным жизни духом эпохи, которой принадлежит красавица. Эпохи Борджиа, когда мир светился яркими красками, а любовь и ненависть доходили до крайней черты. Тогда убийство представлялось естественным решением любой проблемы.

- Не понимаю вас.
- По-моему, очень хорошо понимаете, Ник. Двое мужчин влюблены в одну женщину. Оба привыкли получать все, что хочется, не обращая внимания на этику. Подобная ситуация вполне может выйти из-под контроля. Предположим, сама дама не уверена в собственных предпочтениях. Один из претендентов решает избавиться от соперника. Ради любви мужчины готовы совершать странные поступки. А мужчина, перешагнувший порог зрелого возраста, способен действовать отчаяннее самого дерзкого мальчишки.

Николас Блейз беспомощно взмахнул рукой:

- Не верю. Неправдоподобно. Так не бывает.
- Бывает сплошь и рядом, возразил Тремейн. Каждый день. Мы настолько привыкаем читать в газетах подобные сообщения, что перестаем обращать на них внимание. А потом то же самое происходит с нами, и тогда мы слепо верим, будто избраны судьбой в качестве мишени для необычных посланий. Спальня Бенедикта Грейма находится непосредственно над той комнатой, где произошло убийство. Обнаружив тело, Шарлотта Грейм закричала так пронзительно, что разбудила весь дом. Люди ходили по коридорам, громко разговаривали. Тем не менее хозяин даже не попытался выяснить причины ночного переполоха.
- Бенедикт очень крепко спит, произнес Николас Блейз. — Мог просто не услышать.
- Согласен, что данное объяснение имеет право на сушествование.

Выражение лица секретаря подсказывало, что он растерян и озадачен, не готов высказать определенное суждение, пока не обдумает предложенную версию.

- Вы не упомянули об этом в разговоре с суперинтендантом? с надеждой спросил он.
- $-\,$ Нет. Решил, что прежде надо обсудить вопрос с вами. Наедине.

Блейз кивнул:

— Спасибо, Мордекай. Хотя вряд ли Кэнноку потребуется много времени, чтобы догадаться... если до сих пор не догадался.

 Полицейские хорошо соображают. Порой кажутся медлительными, но почти ничего не упускают из виду и делают правильные выводы.

Блейз встал со стола и принялся расхаживать по комнате.

- Не поверю, что Бенедикт совершил это. Если только...
- Что?

Однако секретарь решил, что слишком далеко зашел в своих предположениях, и не закончил фразу, а вместо этого начал оправдываться:

- Не могу продолжать разговор, Мордекай. Жуткая история требует бесчисленных хлопот, и Бенедикт на меня рассчитывает. В конце концов, работая у него, я зарабатываю себе на жизнь. Сейчас необходимо встретиться с остальными и рассказать, что происходит.
- Понимаю, Ник. Вы должны выполнять свои обязанности. Однако Николас Блейз не проявил намерения уйти. Его определенно сдерживало какое-то особое обстоятельство. Наконец он проговорил:
- Бенедикт очень добр ко мне. Я многим ему обязан. Разумеется, мы совсем разные люди, но я его люблю. Вы сообщите мне, если суперинтендант... если он вдруг начнет чтолибо... подозревать?
- Да, Ник. Но проникнуть в мысли Кэннока мне не дано. Вряд ли он полностью откроется.
- Уверен: все-таки кое-что скажет. Он знает, с кем имеет дело, и понимает, какую огромную помощь вы способны оказать следствию.

Секретарь ушел, оставив Мордекая Тремейна в глубокой задумчивости. Почему-то считалось, что он близко знаком с суперинтендантом Кэнноком. Если, несмотря на первое впечатление, офицер окажется не столь доступным, то акции Тремейна плачевно обесценятся. С другой стороны, если суперинтендант действительно готов признать неофициальное равенство и это обстоятельство охладит отношения с другими гостями, Тремейн не сумеет помочь ему. В любом случае он окажется в проигрыше.

Мордекай Тремейн мрачно посмотрел в окно: двое полицейских ходили по лужайке, деловито осматривая и заме-

ряя сохраненные ночным морозом следы. Звук открывшейся двери заставил его обернуться. В библиотеку вошла Дени Арден.

Наконец-то я вас нашла! — воскликнула она, слегка задыхаясь. — Обегала весь дом.

Румянец на щеках и блеск глаз, пусть даже немного лихорадочный, подчеркивали юную прелесть. Сентиментальная душа Мордекая Тремейна вздрогнула, однако он невозмутимо парировал:

 Старики, подобные мне, нечасто ощущают внимание привлекательных молодых леди!

В ответ на любезность мисс Арден ограничилась торопливой улыбкой. Ее занимали собственные проблемы.

— Мне необходимо срочно с вами поговорить, — настойчиво продолжила она. — О Роджере.

Мордекай Тремейн изобразил рассеянность.

- Ах да, - отозвался он, словно только что вспомнив. - Роджер Уинтон.

И Дени затараторила так взволнованно и быстро, словно боялась, что он перебьет ее на полуслове, а потому спешила выпалить все и сразу:

- Роджер попал под подозрение. Суперинтендант думает, будто он убил моего опекуна, потому что пришел сюда ночью. Это неправда! Роджер не убивал... просто не мог совершить столь ужасный поступок!
- Что заставляет вас считать, что суперинтендант подозревает его? осведомился Мордекай Тремейн.
- Роджер только что звонил. Сказал, что полицейские уже побывали у него дома. Задали множество вопросов и велели не покидать окрестности Шербрума.
- Это вовсе не означает, что они подозревают его больше, чем любого из нас. Нам всем пришлось отвечать на вопросы. И всех попросили оставаться на территории поместья. Но из чистого интереса уточню: почему ваш молодой человек явился сюда в критическую минуту?

Дени помолчала в нерешительности, а потом медленно спросила:

— Можно говорить с вами откровенно?

- Не обещаю, что утаю от полиции ту информацию, какую считаю важной для следствия, поэтому, если есть нечто подобное, лучше оставьте при себе.
- Да, прошептала Дени, вы правы. Она подняла голову, и Тремейн встретил прямой, открытый взгляд. Роджер пришел, потому что беспокоился за меня. Чувствовал, что в доме творится нечто странное. Доказательств у него не было, и я пыталась отмахнуться от его сомнений. Говорила, мол, это просто игра творческого воображения. Вчера вечером он встревожился больше обычного. Даже хотел остаться в доме. Бенедикт не возражал, но Джереми непременно устроил бы скандал. Когда все мы отправились спать, Роджер все-таки уехал к себе. Точнее, сделал вид, будто уехал. Тогда я не знала, что он отогнал машину на небольшое расстояние и вернулся пешком. Остановился возле дома и начал наблюдать. Сказал, что хотел находиться рядом со мной на случай опасности. Наверное, звучит нелепо и неправдоподобно, но, видите ли... Роджер любит меня.
- Верю, что так оно и есть, подтвердил Мордекай Тремейн.

Перед его мысленным взором возник образ влюбленного молодого человека, холодной зимней ночью верно охраняющего сон нежной подруги, чтобы прийти на помощь в трудную минуту. Безумная причуда молодости, но храбрая, благородная, очень редкая и особенно ценная в век расчета и цинизма. Однако душевный порыв потребует долгого и подробного разбора перед комиссией присяжных заседателей, давно растерявших романтические устремления. Более того, едва оказавшись в эпицентре полицейского расследования, поступок утратит магическую силу. Офицерская практичность потребует материального объяснения присутствия Роджера Уинтона.

Мордекай Тремейн разволновался. Любая угроза благополучию истинных чувств мгновенно порождала стремление поддержать и защитить. Сентиментальность требовала действенного выступления на стороне влюбленных.

— Готов предположить, что ваш молодой Дон Кихот представил полицейским именно это объяснение, однако оно не полностью удовлетворило пытливые умы.

- Так и есть, вздохнула Дени. Суперинтендант держался вежливо, но дал понять, что не верит в искренность истории. Захотел выяснить, что именно заставило Роджера заподозрить опасность. Проблема в том, что ни один из нас не способен сказать что-нибудь определенное. Конкретного объяснения у нас нет.
- Что же, по-вашему, предстоит сделать мне? осведомился Мордекай Тремейн.

Дени умоляюще посмотрела на него:

- Что-то действительно было неладно. Вы же знаете, как мы порой предчувствуем события, хотя не можем описать, какие именно. Поведение Джереми заставило подозревать некий замысел. Если бы вам удалось выяснить, что именно он задумал, установить причину его странности, то можно было бы понять, кто его убил. И точно определить все, что случилось ночью.
- Иными словами, вы просите найти убийцу, чтобы убедить суперинтенданта Кэннока в невиновности Роджера Уинтона. А пришли ко мне, решив, будто бы суперинтендант уже утвердился в обратном мнении.

Прямая постановка вопроса привела Дени Арден в замешательство.

Да, причина именно в этом, — призналась она наконец и добавила: — Скажите, что постараетесь нам помочь. Пожалуйста.

Мордекай Тремейн серьезно посмотрел на нее:

— Расследование убийства вашего опекуна — дело полиции. Но признаюсь, что глубоко заинтересовался им. Если смогу чем-либо вам помочь, то непременно сделаю это. Однако должен предостеречь, — поспешил он добавить, — что в процессе поиска могут обнаружиться такие подробности, о которых вы предпочли бы не знать. Скрыть их уже не удастся.

В глазах Дени мелькнул страх.

- Что вы имеете в виду?
- С точки зрения полиции Роджер Уинтон обладал и возможностью, и мотивом для убийства. Во-первых, оказался здесь в то время, когда должен был находиться дома, в собственной постели. Во-вторых, любил вас и продолжает любить,

а опекун постоянно ссорился с ним и открыто заявлял, что никогда не согласится на брак. Если суперинтендант Кэннок действительно думает так, то вполне возможно, что он прав.

- Нет! воскликнула Дени и прикрыла рот ладонью. Только не вы! Вы не можете считать Роджера виновным в убийстве!
- Я этого не сказал. И все же убийство кто-то совершил.
 Мисс Арден побледнела, однако сумела сохранить спокойствие.
- Вы ошибаетесь. Говорите так, потому что не знаете Роджера.

Мордекай Тремейн ощутил острое сочувствие и легкий упрек совести.

— Не хочу, чтобы у вас создалось впечатление, будто бы я предвзято настроен против мистера Уинтона. В конце концов, каждый из нас в определенной степени находится под подозрением. Ну а теперь, — продолжил он бодро, пытаясь успокоить собеседницу, — не расскажете ли что-нибудь полезное? Например о человеке, который спешил скрыться из дома и столкнулся с вашим другом? Вам о нем что-нибудь известно?

Дени покачала головой:

- Нет. Роджер не может сообщить ничего определенного, потому что не успел рассмотреть его: все произошло слишком быстро, но сегодня утром, по телефону, он сказал мне то, что скрыл от полиции.
 - О событиях прошедшей ночи?
- Да. Примерно через полчаса после того, как все разошлись по комнатам, он увидел, как Джереми вышел из дома и направился к сторожке. Сейчас там никто не живет. Джереми вошел туда и задержался внутри примерно на двадцать минут.
 - Мистер Уинтон разговаривал с ним?
 - Нет. Роджер не хотел, чтобы о его присутствии узнали.
 - Что же произошло?
- В сторожку Джереми вошел в своей обычной одежде, а вышел оттуда в костюме Санта-Клауса. Роджер сказал, что в дом он вернулся по лужайке и через французское окно, а больше ничего не знает. Вскоре он услышал крики Шарлотты и бросился на помощь.

- Что-нибудь еще?
- Когда Шарлотта закричала, к Роджеру подбежал человек. Он попытался остановить незнакомца, но тот сбил его с ног и бросился наутек. Догнать все равно бы не удалось, поэтому Роджер поспешил в дом, чтобы узнать, что происходит.

Некоторое время Мордекай Тремейн обдумывал ее слова, а потом спросил:

- Почему мистер Уинтон не сообщил полиции, что видел вашего опекуна?
- Я ждала этого вопроса, призналась мисс Арден. Лучше объясню вам, а не суперинтенданту. Вы поймете. Все из-за меня. Роджер не хотел ничего говорить о Джереми прежде, чем сообщит мне.
- Гуманное решение, заметил Мордекай Тремейн. Но неосмотрительное. Хотелось бы, дорогая, поговорить с вашим молодым человеком. Разумеется, ему придется сообщить суперинтенданту всю правду, но, полагаю, можно гарантировать, добавил он с уверенностью, которой не ощущал, что полиция учтет обстоятельства и простит его за неполные показания.

Признательный взгляд прекрасных глаз согрел сердце и закалил волю Тремейна перед встречей с суперинтендантом Кэнноком.

 Спасибо, — улыбнулась мисс Арден. — Я знала, что вы обязательно поможете мне.

Это заставило Тремейна повторить свое предупреждение, на всякий случай:

- Не забудете, что нельзя ничего скрывать? Что бы ни значили факты?
- Нет, заверила Дени и ушла, оставив его размышлять о том, как Роджеру Уинтону невероятно повезло.

Мордекай Тремейн надеялся, что судьба обойдется с мисс Арден милостиво. Его сознание — переполненное сочувствием, но не ограниченное иллюзиями любви — подсказывало, что положение Роджера Уинтона крайне шатко. Известного антагонизма с убитым вполне достаточно, чтобы полиция не рискнула принять его историю за чистую мо-

нету. Молодого человека ожидала череда неудобных вопросов, и еще предстояло услышать, сможет ли он найти убедительные ответы.

Если нет... Мордекай Тремейн с грустью представил альтернативу. Если нет, то роман закончится внезапно и печально.

Глава 12

Все утро в доме, во дворе и в саду трудились криминалисты. Суперинтендант Кэннок вел расследование в высшей степени профессионально. Его подчиненные держались вежливо и ненавязчиво, насколько позволяла ситуация, однако все вместе производили впечатление безжалостной, ничего не оставлявшей на волю случая машины.

Закутавшись в шубу, Люси Тристам стояла на террасе возле главной лестницы. Предполагалось, что она вышла подышать свежим воздухом, однако Мордекай Тремейн уже несколько минут пристально наблюдал за ней и видел, что ее живо интересуют действия детективов, работавших возле французского окна той самой комнаты, где встретил свою смерть Джереми Рейнер.

 Они выглядят зловеще, не правда ли? — промолвил он вкрадчиво.

Лица прекрасной Люси Тремейн не видел, однако по внезапному напряжению понял, что вопрос задел ее за живое. Она медленно обернулась.

- С какой стати? холодно уточнила Люси с тем же безупречным самообладанием, с каким беззастенчиво лгала, выгораживая Шарлотту Грейм. Вот только сейчас ее взгляд утратил высокомерную иронию, что свидетельствовало о многом.
- Офицеры кажутся такими строгими, неумолимыми, заметил он, не спуская с нее глаз. Если бы мне было что скрывать, не хотел бы я наблюдать за их работой: слишком страшно, и не смог бы избавиться от ощущения, что с минуты на минуту моя тайна будет раскрыта.

— Порой воображение превращается в проклятие, — отозвалась миссис Тристам. — K счастью, нам с вами нечего скрывать. Правда?

Сегодня ее зеленые глаза сияли резко и холодно, подобно отражающим морозный свет бриллиантам.

— Разве нечего? — уточнил Мордекай Тремейн.

Миссис Тристам не поддалась на провокацию, хотя, судя по выражению лица, знала, к чему он клонит. Она взглянула в противоположную сторону, на лужайку. Тремейн заметил восхитительную грацию и ощутил ту волшебную чувственность, которая сводила мужчин с ума. На мгновение он почти обрадовался, что кровь уже не кипит в венах так же бурно, как в годы молодости.

- Джереми был странным, сложным человеком, задумчиво произнесла Люси. — Знал ли его кто-нибудь по-настоящему?
- Он был очень ревнив, сказал Мордекай Тремейн и снова понял, что попал в цель: миссис Тристам насторожилась.

Действительно ли в ее взгляде мелькнула тревога? Появившееся выражение напоминало страх, но помимо него присутствовали и другие, более сложные эмоции.

— Рад, что хотя бы двое не испугались холода и отважились выйти на воздух!

Восклицание прозвучало неожиданно и настолько близко, что оба вздрогнули. Мордекай Тремейн быстро обернулся и увидел Бенедикта Грейма. Снег поглотил звук его шагов.

Он осознал, что видит хозяина впервые с того момента, когда глубокой ночью в дверях спальни появилась взлохмаченная фигура в халате. Во время завтрака мистер Грейм заглянул в столовую и пожелал доброго утра, однако тогда рассмотреть его не удалось.

Сейчас голос прозвучал на удивление энергично и жизнерадостно. Конечно, следовало сделать поправку на естественное стремление хозяина взбодрить гостей, и все же в эту минуту Бенедикт мало напоминал того растерянного и смущенного человека, который открыл дверь в ответ на яростный стук Николаса Блейза. Держался он уверенно, а говорил внятно и твердо. Более того, с удивлением отметил Мордекай Тремейн, мистер Грейм выглядел так, словно наслаждался ситуацией.

Абсурд, разумеется. Наверное, игра света добавляла яркости голубым глазам и придавала насмешливый изгиб густым бровям. Бенедикт Грейм не мог радоваться ни убийству друга, ни мучительной неловкости гостей.

- Отчаянно надоело сидеть дома, призналась Люси Тристам. — Вот и пришлось выйти на улицу, вопреки холоду. Мистер Грейм кивнул:
- Боюсь, нынешнее Рождество получилось тягостным. Разыскиваю всех по очереди, чтобы попросить прощения за непредвиденный ход событий.

Люси положила ладонь на его рукав.

— Не переживайте, Бенедикт. Никому даже в голову не придет вас винить. Мы знаем, как вам сейчас нелегко.

Голос прозвучал ласково. Мордекай Тремейн подумал, что любой мужчина был бы рад услышать слова утешения из таких сладких уст.

— Проблема в том, что я оказался в западне, — пожаловался Грейм. — Полиция оккупировала дом, и пришлось отменить все подготовленные развлечения. Надеюсь, вы не слишком страдаете от скуки.

И снова Мордекай Тремейн уловил фальшивую ноту. Бенедикт Грейм выглядел так, как и должен был. Произносил те слова, которые должен был произносить. И все же верилось с трудом. Он делал все, что следовало делать хозяину дома, где произошло несчастье, но сердце его в игре не участвовало.

Тремейн принял самый благожелательный, самый наивный вид и осведомился:

- Полиция уже обнаружила какие-нибудь улики?
 Голубые глаза хозяина вспыхнули искренним удивлением.
- Разве не вы должны узнать об этом первым? Более того, добавил мистер Грейм медленно, подбирая нужные слова, я как раз собирался задать вам этот вопрос.
- Перед вами открыты возможности, которых никто из нас не имеет, поддержала его Люси Тристам. Что же мешает вам помочь в расследовании убийства Джереми Рей-

нера? Пока преступник разгуливает на свободе, ни в чем не повинные люди страдают под несправедливым подозрением.

Бенедикт Грейм печально покачал головой:

- Ужасная трагедия. Бедный Джереми! Не смогу успокоиться, пока убийцу не разоблачат.
- Вы знали мистера Рейнера намного лучше, чем любой из нас, произнес Мордекай Тремейн. Может, предложите какую-нибудь версию? Например, вспомните, нет ли у кого-то веского мотива для убийства. Вероятно, нить тянется из прошлого.

Бенедикт Грейм ответил не сразу, постаравшись произвести впечатление человека, вынужденного говорить против собственной воли.

- Нет, не из прошлого, возразил он. Но...
- Да?
- Картина столь очевидна, что вряд ли можно навредить молодому Уинтону несколькими словами. Вы уже наверняка поняли суть отношений между Роджером и Дени. Джереми почему-то слышать не хотел о свадьбе. Я люблю Дени, а потому старался помочь, но только навредил. Порой Джереми едва не терял рассудок. Если кто-нибудь вызывал у него антипатию, то переубедить было невозможно. Он не скрывал своей ненависти к Уинтону.
 - Значит, мистера Рейнера убил Роджер Уинтон?
- Нет! воскликнул Грейм. Его присутствие здесь может показаться странным, и все же не сомневаюсь, что найдется какое-нибудь убедительное объяснение. Считаю, что лучше прямо говорить о подобных вещах, чем оказаться в ситуации, когда каждый обсуждает их тайно и никто не осмеливается высказаться открыто. Думаю, откровенность пойдет Уинтону на пользу.
- Если человек невиновен, то откровенность лучшая политика, сделал вывод Мордекай Тремейн.

Бенедикт Грейм кивнул и после долгого молчания спросил:

— Джеральд что-нибудь рассказал вам?

Мордекай Тремейн изобразил удивление, прищурился и пожал плечами:

- Сегодня утром я еще не встречал мистера Бичли. Разве он должен был сказать мне что-то?
- Не исключено, ответил мистер Грейм. Не вижу смысла скрывать...
- Бенедикт хочет сообщить, что вчера Джеральд купил в Калнфорде костюм Санта-Клауса. Точно в таком же костюме лежал убитый Джереми, произнесла миссис Тристам.
- Из этого ничего не следует, Люси, возразил мистер Грейм. В конце концов, вы знаете Джеральда. Трудно предсказать, что он сделает в следующую минуту. Обожает розыгрыши. Я просто подумал, что в подобной ситуации мистер Бичли мог бы догадаться рассказать о своих причудах полиции или... кому-нибудь другому.

Мордекай Тремейн вспомнил, как вчера днем встретил Бичли возле дома и как упорно тот пытался скрыть покупку от посторонних глаз. И все же ему удалось рассмотреть краешек красной ткани. Значит, он купил костюм Санта-Клауса, к тому же очень похожий на тот, в котором лежал убитый Джереми Рейнер. Любопытное совпадение.

Внезапно Бенедикт Грейм вздрогнул:

- Нет, холод не для меня. Пойдете домой, Люси?
- Пожалуй. Я чувствую, как превращаюсь в сосульку.

Как только они скрылись, Мордекай Тремейн медленно двинулся по террасе, и судьба улыбнулась ему: стоило открыть французское окно, расположенное в нескольких ярдах от двери, как показался суперинтендант Кэннок и с интересом взглянул на него.

— Веселого Рождества! — произнес он дружелюбно.

Тон внушил Тремейну надежду, показав, что Кэннок по-прежнему готов общаться на равных. Прежнее настроение не уступило место официальной холодности.

- Боюсь, суперинтендант, что сегодняшнее утро трудно назвать веселым. Сомневаюсь, что ваша жена одобряет необходимость встречать его вот так. Конечно, если вы женаты.
- Женат, подтвердил Кэннок. Но, к счастью, она уже привыкла к особенностям полицейской службы. Его широкое лицо стало серьезным. Есть что-нибудь интересное?

Мордекай Тремейн кивнул:

— Да, хотя и не много. Ночью, незадолго до смерти, Рейнера видели на улице. Роджер Уинтон заметил, как он зашел в сторожку возле ворот.

И он подробно передал Кэнноку рассказ Дени Арден. Суперинтендант выслушал его внимательно, слегка нахмурившись.

— Почему же он не сообщил сразу? Избавил бы меня от лишней работы. Придется поговорить с молодым человеком.

Его голос прозвучал категорично, и Мордекай Тремейн поспешно вступился за Уинтона:

- Дело в том, что я почти пообещал снисходительность. Думаю, если вы вызовете мистера Уинтона для повторной беседы, он ничего не утаит.
- Cherchez la femme, не так ли? пробормотал Кэннок. Ищите женщину. Молодая леди уже успела растопить ваше сердце?

Мордекай Тремейн почувствовал, что краснеет, и поспешил сменить тему.

- Обнаружили что-нибудь достойное внимания? деловито осведомился он.
- Пока ищем, ответил Кэннок. Но почему бы нам не войти в дом?

Мордекай Тремейн надеялся услышать приглашение, поэтому и принял его с готовностью.

Комната по-прежнему соответствовала сохранившемуся в его памяти образу. Неуместная в утреннем свете елка с веселыми украшениями на ветках. Стремянка возле стены. Кресло, где сидела Шарлотта Грейм. Только тело исчезло. На отполированном полу больше не лежала неподвижная фигура в красном одеянии. Мордекай Тремейн внимательно осмотрелся и спросил:

- Нашли пистолет?
- Да, спокойно ответил Кэннок. Обнаружили час назад в комнате Джереми Рейнера.
- В комнате Рейнера? Мордекай Тремейн едва не уронил пенсне. Где же он был спрятан?
 - Мы нашли оружие на кровати, под одной из подушек.

- Отпечатки пальцев есть?
- Да, причем немало. Уже проверили. Все принадлежат Рейнеру.

Мордекай Тремейн помолчал, обдумывая очередное удивительное сообщение, а потом заметил:

- Пистолет Джереми Рейнера и отпечатки Джереми Рейнера. Похоже на самоубийство. Вот только...
- Вот только вряд ли, застрелившись, самоубийца поднимется к себе, спрячет оружие под подушку, вернется и ляжет на пол, чтобы дождаться, пока его обнаружат. Доктор утверждает, что смерть наступила мгновенно. Пуля застряла в сердце. Вошла снизу, под ребрами, и почти вертикально пронзила грудную клетку. После выстрела он не смог бы пройти ни ярда, не говоря о том, что для безумного поступка требуется чрезвычайно веская причина.
- И все же предположим, что мистер Рейнер свел счеты с жизнью. А если кто-то нашел труп и нарочно спрятал пистолет, желая создать видимость убийства?
- А потом испортил эффект, оставив оружие в комнате Рейнера с его собственными отпечатками? Суперинтендант недоверчиво покачал головой. Вряд ли.
- Да, кивнул Мордекай Тремейн и приблизился к елке.

Жалкие остатки серебряного колокольчика все так же висели на ветке, а осколки по-прежнему блестели на полу. Он взглянул на большую деревянную кадку, где стояло дерево, заметил в земле углубление и наклонился, чтобы рассмотреть. Тремейн поднял голову. Прищепки и карточки с именами гостей оставались на местах. Что-то привлекло внимание. Он попытался понять, что именно, но расстояние оказалось слишком значительным. Тремейн принес стремянку и забрался на нее, чтобы исследовать каждую деталь. К ветке, на которой висела карточка с именем Джереми Рейнера, было привязано что-то, оказавшееся тонкой, но прочной бечевкой. Темно-зеленая, она сливалась с еловой хвоей, тянулась к более толстой верхней ветке и свисала с нее другим концом. Тремейн поднялся на ступеньку выше и увидел, что бечевка обрезана.

Суперинтендант с интересом наблюдал за действиями своего нового знакомого.

- Что вы нашли?
- Пока не знаю, медленно проговорил Тремейн, спустившись со стремянки: Полагаю, вы обнаружили тот самый пистолет, из которого убили Рейнера?
- Баллистики проведут экспертизу, но скорее всего особых сомнений не возникнет.
 - Нельзя ли мне взглянуть?
- Думаю, это можно устроить, кивнул суперинтендант и лукаво добавил: Всегда хотел понаблюдать за напавшим на след сыщиком-любителем!

Однако за шуткой скрывались серьезные намерения. Тремейн знал, что Кэннок не просто так предоставил ему свободу действий, а определенно рассчитывал получить шедрые дивиденды. Следовательно, рассказывая о друге, Джонатан Бойс не поскупился на похвалы. Чтобы скрыть смущение, Мордекай Тремейн сделал вид, будто рассматривает елку. Оставалось лишь соответствовать созданному инспектором Скотленд-Ярда лестному образу.

— Нашли что-нибудь любопытное? — раздался голос Кэннока.

В сознании Тремейна наметилась смутная связь: нечто из рассказанного суперинтендантом многозначительным образом соединилось с его собственными наблюдениями. Но пока эта идея оставалась настолько расплывчатой, что делиться соображениями не хотелось. Пожалуй, таинственность — самый надежный способ сохранения репутации.

- Прежде чем выдвигать версии, следовало бы осмотреть пистолет, проговорил Мордекай Тремейн и задумчиво добавил: Рейнер был достаточно высоким, во всяком случае значительно выше среднего роста.
- Пять футов одиннадцать дюймов, сообщил Кэннок. Это важно?
- Возможно, уклончиво ответил Мордекай Тремейн, поставил стремянку к стене, вернулся и спросил: Вам известно о существовании тайника?

- Имеете в виду убежище священника? Суперинтендант кивнул. Да. Мистер Блейз рассказал о нем и даже показал замаскированный вход. Он очень помог, предоставив подробную информацию о расположении комнат, распорядке дня и многом другом. Понимаю, почему мистер Грейм так высоко оценивает его работу. По сути, секретарь превратился в члена семьи.
- Ник заправляет всей жизнью дома, подтвердил Мордекай Тремейн. Я приехал лишь вчера, но уже успел заметить, что, несмотря на немногословность, мистер Блейз выполняет огромную, хотя и малозаметную работу. Без него Бенедикт Грейм давно бы пропал.

Кэннок подошел к елке и посмотрел на украшения.

— Рождественские праздники мистера Грейма давно стали местной традицией. Похоже, убийство привело его в отчаяние.

Мордекай Тремейн с готовностью принял очевидное приглашение к высказыванию.

- Я здесь впервые, поэтому не могу судить с полным основанием, однако полагаю, что он стремится организовать Рождество в стиле Диккенса, со всеми традиционными ритуалами.
- Любопытно, что мистер Грейм ни разу не устроил елку для местных детей. Казалось бы, для такого человека поступок вполне естественный.

Тремейн услышал в его тоне особые ноты и взглянул на суперинтенданта с интересом, однако широкое лицо Кэннока было непроницаемым. Помолчав мгновение, суперинтендант спросил:

Полагаю, вы заметили на ветках обрывки голубой бечевки?

Тремейн, конечно, заметил. Возле некоторых карточек с именами гостей сохранились короткие куски шнура. Увидеть их было нелегко, так как по большей части остатки оказались крошечными — всего лишь петля вокруг ветки и хвостик внизу.

— По-моему, таким шпагатом мистер Грейм перевязывал подарки. Вы его не спрашивали?

- Спрашивал, подтвердил Кэннок. Так оно и есть.
 Странно, что запас этого шнура мы обнаружили в комнате Рейнера.
 - Что-нибудь еще?
- Если хотите знать, нашлись ли там сами подарки, то ответ отрицательный. Грейм клянется, что ночью собственноручно привязал все свертки к веткам точно по карточкам. Поначалу воспринял их исчезновение болезненно, но потом смирился.

Мордекай Тремейн вернул пенсне на место за мгновение до того, как собеседник сделал бы это за него. Суперинтендант еще не привык к своенравному поведению оптического прибора, а потому взглянул укоризненно, явно не одобряя легкомысленного отношения владельца.

- Странное дело, заметил он. Следуя обычаю, Бенедикт Грейм развешивает на елке подарки, а вскоре Джереми Рейнера находят мертвым возле этой самой елки, да еще и в костюме Санта-Клауса, а подарки бесследно исчезают. Более того, пистолет обнаруживают в комнате Рейнера, и отпечатки пальцев принадлежат тоже ему.
- Не забывайте, что, когда мы нашли тело, подарок самого Джереми оставался на елке, напомнил Мордекай Тремейн.
- А сейчас его там нет. Похоже, о нем по какой-то причине забыли: вероятно, потому, что этот пакет висел выше остальных. Убийца вернулся за ним при первой же возможности.
 - Убийца? тихо переспросил Мордекай Тремейн.
- А кто же еще? Кто мог снять все остальные подарки? Не исключено, что Рейнер вспугнул преступника в тот самый момент, когда тот обдирал елку, и помешал ему закончить работу.
- А потом отдал свой пистолет, чтобы было удобнее убивать?

Кэннок смутился, но тут же примирительно улыбнулся:

— Может быть, и нет. Но тогда кто же забрал подарки и зачем? Воровство не представляется мне убедительным

мотивом. Вряд ли в свертках скрывалось что-нибудь по-настоящему ценное. Судя по всему, церемония имела сугубо символическое значение.

- Вы проверили, где находились и чем занимались в то время обитатели дома?
- Да. И получил одинаковые и очевидные ответы. Все сразу разошлись по своим комнатам и легли спать. Кроме хозяина. При этом мистер Грейм утверждает, что, развешивая подарки, не видел и не слышал ничего необычного, а вскоре полнялся к себе.
 - И вообще не выходил на улицу?
 - Нет.
- Никто не слышал выстрела или других подозрительных звуков?
- Глушитель, ответил Кэннок. Естественно, убийство прошло бесшумно. Ведь вы тоже ничего не услышали.
- Да, действительно, согласился Мордекай Тремейн. Но зато собственными глазами увидел Санта-Клауса. Перед сном я выглянул в окно и внизу, на террасе, заметил фигуру в красном облачении. Сначала решил, будто не в меру разыгралось воображение, а потом вспомнил, что в сочельник мистер Грейм наряжается в красную шубу и исполняет любимую роль. Точнее, я подумал, что это Бенедикт, но если он утверждает, что не выходил из дома, значит, по террасе разгуливал кто-то другой.
- Скорее всего это был Рейнер. Вы сказали, что Уинтон заметил, как он прошел в сторожку.

Мордекай Тремейн покачал головой:

— Нет, только не Рейнер. Слишком рано: он еще не мог вернуться, ведь мы только что разошлись по комнатам. А туда он направился в своей обычной одежде. Одна важная деталь: на шапке моего Санта-Клауса лежал снег.

Суперинтендант изумленно посмотрел на него, а Мордекай Тремейн получил удовольствие от маленькой сенсации.

— Нет, я не сошел с ума, — улыбнулся он. — Увидев тело Джереми Рейнера, я обратил внимание, что шапка на нем

была красной, если не считать тонкой белой полосы по краю. А на шапке того Санта-Клауса, которого я заметил на террасе, отчетливо виднелись маленькие кусочки ваты, изображающие снег.

- Если не Грейм и не Рейнер, то кто же? растерянно проговорил суперинтендант.
 - Возможно, Джеральд Бичли.

Кэннок придвинул стул, сел, нарочито медленно скрестил ноги и произнес:

- Полагаю, вам пора изложить свою версию.
- Боюсь, что полноценной истории пока не получится. Мордекай Тремейн рассказал о случайной встрече с Бичли, о нежелании джентльмена показать покупки и о многозначительном намеке Бенедикта Грейма.
- Не знаю, почему Грейм счел это важным, заключил он, но специально подчеркнул, что в интересах самого Бичли я должен сообщить вам все факты.

Суперинтендант нахмурился:

- Мы начали с одного Санта-Клауса, хотя и это казалось безумием, а теперь их набралось целых три!
- Надеюсь, что я смог принести пользу, скромно заметил Мордекай Тремейн и добавил: Учитывая свидетельство Роджера Уинтона, вы немедленно направитесь в сторожку?

В карих глазах суперинтенданта мелькнула усмешка.

— Мы уже там побывали, — ответил он. — В соответствии со служебным протоколом.

Кэннок встал со стула, подошел к стоявшему у двери маленькому чемодану, достал картонную коробочку, поднял крышку и показал Тремейну.

— Узнаете?

В коробке лежало золотое кольцо с печатью. Тремейн, конечно, сразу вспомнил, где его видел: на пальце у Джереми.

- Узнаю, подтвердил он. Это кольцо мистера Рейнера.
- Найдено в сторожке, пояснил Кэннок. И еще кое-что.

Он убрал кольцо в чемодан и достал листок бумаги — смятый и грязный, словно выпавший из кармана на пыльный пол. Ни обращения, ни подписи на листке не было, зато четко читались несколько напечатанных на машинке строчек:

«В половине первого ночи иди в сторожку. Подожди полчаса и вернись в свою комнату. Оставь кольцо на полу сторожки. Записку уничтожь».

— Рассказ Уинтона подтверждается, — произнес Кэннок. — Рейнер действительно ходил в сторожку. Но кто и зачем передал ему записку?

Мордекай Тремейн представил Розалинду Марш такой, какой утром увидел ее в библиотеке. Услышал спокойный голос, без тени сомнения заявивший, что Джереми Рейнер замешан в противозаконных действиях, о которых не захотел бы сообщать полиции. Во всяком случае, должен быть замешан. Но почему Розалинда Марш особенно подчеркнула свою уверенность? Какие тайны Джереми Рейнера ей известны?

Тремейн вернул листок суперинтенданту, и тот аккуратно убрал его в чемодан. Что скрывается за несколькими строчками? И что за странная авантюра заставила Джереми Рейнера отправиться ночью в сторожку и погибнуть в нелепом наряде под елкой, старательно украшенной Бенедиктом Греймом?

Он заметил вопросительный взгляд Кэннока и пояснил:

- В библиотеке стоит печатная машинка.
- Более того, именно на ней и напечатали записку, сказал суперинтендант. Я показал листок мистеру Блейзу, и тот узнал шрифт. Судя по всему, секретарь сам работает на этой машинке.
- А еще кто-то использует машинку постоянно? спросил Тремейн.
- Нет. Но мистер Блейз не может гарантировать, что никто и никогда не делал этого без его ведома, потому что машинка доступна каждому, кому необходимо срочно напечатать

что-нибудь. Я узнавал у мисс Арден, не работал ли в библиотеке кто-либо, кроме мистера Блейза, и она ответила, что несколько дней назад видела, как на машинке печатал опекун.

- Нити ведут к мистеру Рейнеру, тихо промолвил Мордекай Тремейн.
- И все же Рейнер себя не убивал, продолжил суперинтендант. — А если убил, то это самое невероятное самоубийство.
 - Мисс Арден не знает, что именно он печатал?
- Может показаться странным, но знает, ответил Кэннок. Копировал статью из «Файнэншл таймс», где говорится о создании нового предприятия по производству пластмассы. Разумеется, я разрабатываю эту тему в надежде на подсказку, но, признаюсь, извлечь рациональное зерно пока не удается. В статье нет ничего, кроме фактов, хорошо известных если не широкой публике, то специалистам.
- Странно, что многие обитатели этого дома совершают необъяснимые поступки, заметил Мордекай Тремейн.

Его глаза за стеклами пенсне блестели. В эту минуту он выглядел человеком, внезапно открывшим для себя долгожданную правду. Однако правда эта казалась настолько неожиданной и дикой, что он опасался допустить ее в сознание. Суперинтендант понял состояние Тремейна.

— Итак, о чем же вы думаете? — осведомился он.

Вместо ответа Мордекай Тремейн обернулся, поднял руку к елке и замер, рассматривая веселую мишуру и серебряные колокольчики. Он размышлял об Эрнесте Лорринге, неподвижно сидевшем в полутьме с устремленным на елку мрачным взглядом; о Джереми Рейнере, вошедшем в комнату в тот самый момент, когда Бенедикт Грейм и Николас Блейз украшали дерево; о застывшем на сером лице выражении откровенной ненависти. Наконец Тремейн прервал молчание:

— Чудесная елка, правда? Воплощает дух Рождества. И все-таки меня не покидает ощущение, что разгадка таится именно здесь. Если бы елка могла говорить, то непременно назвала бы и имя убийцы, и причину смерти Джереми Рейнера.

Глава 13

Напряжение нарастало. Открытой вражды пока заметно не было, но атмосфера накалялась. Противостояние словно висело в воздухе, порождая раздражение и подозрение, угнетая сознание и действуя на нервы.

— Назревает кризис. Если в ближайшее время ситуация не прояснится, взрыв неминуем.

Николас Блейз говорил, не скрывая глубокого беспокойства. Лицо его потемнело от усталости. Мордекай Тремейн смотрел на него с сочувствием.

- Понимаю, Ник, насколько вам сейчас тяжело, но боюсь, что пока сделать ничего нельзя. Полиция активно работает, и как только получит убедительные доказательства, немедленно примет необходимые меры.
- А тем временем все вокруг смотрят друг на друга так, словно что-то скрывают и готовятся сделать судьбоносное признание, или расхаживают с видом современного Гамлета.
- Это неизбежно, вздохнул Тремейн. Мысль, что в компании присутствует убийца, не способствует радостному общению. Особенно, веско добавил он, если каждый боится, что в ходе расследования полиция случайно наткнется на его личную тайну.

Секретарь недоверчиво прищурился:

- Тайны? Здесь, у нас? Вы шутите?
- Напротив, Ник, я абсолютно серьезен.
- Но это же абсурд! возмутился Блейз. Ну, допустим, Деламер... и пусть даже Лорринг. Деламер политик, а потому трудно сказать, на чем держится его карьера, а Лорринг сам по себе не внушает доверия. Выглядит так, будто способен на все. Но другие... Нет, не могу поверить. Например, Напьеры. Разве можно представить, что Гарольд или его жена хранят темный секрет? Розалинда Марш и Люси Тристам? Каждая из них по-своему замечательна, но это вовсе не означает, что они таинственные женщины. А Шарлотта? Бедная, слабая, беспомощная Шарлотта! Неужели и ей есть что скрывать?

— Возможно, Шарлотта вызывает самые серьезные подозрения, — возразил Мордекай Тремейн. — Почему, когда ночью все мы сбежались на ее крик, она оказалась полностью одетой?

Говоря это, Мордекай Тремейн внимательно наблюдал за секретарем. Он заметил отразившееся на его лице сомнение. И вдруг Блейз отвернулся.

- Я боялся, что вы зададите этот вопрос! бросил он через плечо.
 - Его задаст и полиция, Ник.
 - Да, знаю.

В эту минуту Блейз выглядел человеком, вынужденным признать нечто неприглядное и в то же время неизбежное.

- Что делала Шарлотта ночью? спросил Тремейн.
- Простите, Мордекай. Николас Блейз растерянно пожал плечами. Не могу сказать. Не имею права.

Тремейн не стал упорствовать, а произнес, словно рассуждая вслух:

- Мне жаль мисс Грейм. Наверное, бедняжка живет очень замкнуто. Иногда спрашиваю себя, не случилось ли в ее судьбе трагедии.
 - Трагедии?
- Именно. Шарлотта не производит впечатления женщины, добровольно избравшей одиночество. Ей следовало выйти замуж и родить детей. Однако она замкнулась в себе, словно боится открыть собственные чувства. Конечно, можно лишь догадываться, но мне кажется, что когда-то она была помолвлена, а свадьба по какой-то причине расстроилась.

Николас Блейз взглянул на него с уважением.

- Если вы не разговаривали с Шарлоттой, медленно произнес он, то интуитивно попали почти в точку. Мисс Грейм действительно была помолвлена. Давно, еще до моего с ней знакомства. Не знаю, что именно произошло, но полагаю, что она сама отказалась от свадьбы и с тех пор не проявляла интереса к браку.
- Интересно, пробормотал Мордекай Тремейн и повторил: Интересно.

Он понял, что Николас Блейз хотел о многом расспросить, однако сделал вид, будто ничего не заметил. Естественно, секретарь знал о Шарлотте значительно больше, чем рассказал, к тому же явно чувствовал себя неловко. Тремейн понимал, что если набраться терпения и подождать, то рано или поздно Блейз решит, что признание — самая мудрая тактика.

— Суперинтендант Кэннок благодарен вам за помощь, Ник, — поспешил он сменить тему, пусть и слишком очевидно.

Секретарь пожал плечами:

- Реальной помощи не много: просто ответил на вопросы и показал расположение комнат. Именно так следовало поступить добросовестному секретарю.
- Да, кивнул Мордекай Тремейн и вдруг спросил: А вам известно, что Джереми Рейнер печатал на машинке?
 - Нет. А он печатал?

Словно спохватившись, Блейз вернулся к своей беспечной манере и промолвил:

- Вряд ли это важно. Машинка стоит в доступном месте, и каждый может ею воспользоваться. Бенедикт часто сам печатает письма, да и Дени пару раз тоже. Ничего странного тут нет.
 - Модель стандартная?
- Да. В стране таких тысячи. Блейз явно думал о чем-то другом. Понимаю, что не должен спрашивать, и все-таки: полиция уже пришла к какому-нибудь определенному выводу? Возникло ли конкретное подозрение?
- Точнее говоря, подозревают ли в убийстве Бенедикта Грейма? Готов ответить, Ник: понятия не имею.
- Никак не могу поверить, печально признался Блейз. Даже мысль о его причастности кажется предательством. Бенедикт объяснил, почему так долго не открывал дверь?
- Возможно, в разговоре с суперинтендантом объяснил. А вы его не спрашивали?
- Не осмелился. Пытался тактично выяснить, но не сумел. Побоялся, что Бенедикт подумает, будто я его обвиняю. Но, кажется, он и без того заподозрил, к чему я клоню. Ни-

чего не сказал, но взглянул так, что я ощутил себя мерзавцем и прекратил разговор.

- Вам что-нибудь известно о родителях Дени Арден? Внезапная перемена темы удивила Николаса Блейза:
- Только понаслышке. Мать умерла, когда Дени была младенцем, а через несколько лет скончался и отец. Рейнер, состоявший с ним в деловом партнерстве, по сути, получил опекунство в наследство.
 - А как насчет денег?
- По-моему, денег вообще не осталось. Арден обанкротился и умер в полной нищете. Точнее, разорение стало косвенной причиной смерти. Пневмония развилась стремительно, и он сгорел, будто не мог и не хотел жить. Секретарь взглянул на Тремейна с любопытством. К чему вы клоните? Предполагаете связь между судьбой Ардена и смертью Рейнера?
- Предположения одно из главных проклятий цивилизации, с улыбкой заметил Мордекай Тремейн и ушел, оставив секретаря в недоумении. Порой Николас Блейз не знал, как воспринимать странное поведение гостя.

Весь день Джеральд Бичли где-то скрывался. Мордекай Тремейн несколько раз отправлялся на поиски, считая пристальное изучение данного объекта весьма полезным, однако тот держался в стороне от проторенных троп. Тем более неожиданной показалась встреча лицом к лицу в холле. Джеральд не пронесся мимо, а остановился и проявил очевидное желание побеседовать с Тремейном.

На красном лице мистера Бичли вздулись темно-синие вены. Щеки распухли, а сходство с веселым сельским жителем исчезло. Мутные глаза смотрели на мир воинственно, а неестественный цвет лица свидетельствовал о нездоровом возбуждении и причудливо контрастировал с желтым свитером, который Джеральд до сих пор не снял. Хогарт увидел бы в этом человеке яркий типаж для своего полотна, подумал Мордекай Тремейн. Бичли покачивался и распространял вокруг себя резкий запах спиртного.

— Ваши полицейские по-прежнему ползают и все обмеряют? — осведомился он.

Фальшивая манера Бичли, очевидное стремление казаться беззаботным и уверенным вызывали отвращение.

Офицеры все еще работают, — сухо подтвердил Мордекай Тремейн.

Джеральд взглянул сверху вниз. Сразу стало ясно, что он одержим желанием задать множество вопросов, но в то же время отчаянно боится этого. Тремейн ждал. Бичли неловко переступил с ноги на ногу и наконец решился:

- Что-нибудь... нашли?
- Нашли?
- Выяснили, кто это сделал? пояснил Бичли. Собираются кого-нибудь арестовать?
 - Неизвестно, ответил Тремейн. Откуда мне знать?

Он видел, как в манере Бичли все более явственно проступает раздражение. Джеральд не был безнадежно пьян, однако алкоголь притупил сознание до той опасной стадии, когда человек начинает ощущать себя умнее других. Он прищурился и с наигранной небрежностью осведомился:

— Что-нибудь пропало?

Мордекай Тремейн внимательно посмотрел на него. В вопросе прозвучал важный подтекст.

— Боюсь, что не понимаю вас, — уклончиво ответил он. Оставалось выяснить, отупел ли Бичли до такой степени, чтобы выдать собственные намерения, однако узнать это не удалось. Неподалеку раздались голоса, и он торопливо, испуганно оглянулся. Пальцы его нервно потянулись к воротнику.

— Неважно! — бросил Бичли. — Не обращайте внимания. Не дождавшись и не узнав, кто идет, он скрылся, оставив Тремейна в глубокой задумчивости. Тот медленно обернулся и оказался лицом к лицу с четой Напьер.

— Приветствую! — улыбнулся Тремейн. — Собираетесь прогуляться?

Гарольд Напьер покачал головой:

- Нет, просто бродим по дому.
- Очаровательный старинный замок, произнес Тремейн и добавил: Вряд ли суперинтендант задержит нас здесь надолго. Но в данных обстоятельствах приходится искать себе занятие.

— Произошло страшное несчастье, — вступила в разговор Эвелин Напьер. — Бедный мистер Рейнер...

В холле уже стало так темно, что Мордекай Тремейн нечетко видел лица собеседников, однако следы тревоги проступали на них явственно. Смущение Гарольда стало очевидным, а испуг жены усилился страхом, заметным даже в срывающемся голосе.

- Мисс Арден в ужасной ситуации, отозвался Тремейн. А мистер Грейм попал в крайне затруднительное положение. Теперь ему вряд ли удастся исполнить намеченный план празднования Рождества.
- Нет, быстро отреагировал Гарольд Напьер. Ему хотелось оправдать Грейма, будто казалось, что своим появлением в холле и первой фразой он обвинил хозяина в недостатке внимания к гостям. Уверен, Бенедикт делает для нашего блага все, что может. Конечно, насколько позволяет присутствие полиции.

Мордекай Тремейн задумался, а потом спросил:

— Вы знали мистера Грейма до приезда в эти края, миссис Напьер?

Вопрос вызвал у нее неожиданную реакцию. Эвелин судорожно вздохнула и умоляюще посмотрела на мужа в поисках поддержки. В ответ тот едва заметно кивнул.

— Да, — ответила она, словно получив разрешение, — мы были с ним знакомы.

Супруги появились в холле с беспечным видом свободных, никуда не спешивших людей. А сейчас обоим хотелось как можно скорее уйти. Мордекай Тремейн не сомневался, что вопрос резко изменил их настроение. Нахмурившись, он смотрел им вслед. Подтверждение знакомства с Греймом до приезда в Шербрум-Хаус не несло в себе ничего обличительного. Так откуда же взялась тревога и что она означает? Может, признав факт, супруги поняли, что одновременно выдали что-то еще? Например, давнее знакомство с Джереми Рейнером?

Прежде Тремейн мысленно отодвинул Напьеров в сторону, определив их как склонную к сельской жизни пару средних лет, неспособную вызвать затруднения или сенсацию. Не поспешил ли он с выводами, не ошибся ли? А если

безобидная внешность служила прикрытием для далеко не безобидной цели?

Тремейн вспомнил первую беседу с Эвелин и подумал, что тогда в ее манере сквозила та же неуверенность, та же казавшаяся вполне невинной растерянность при ответе на самые простые вопросы. Но вопросы касались основной темы: как давно они живут в Шербруме и как долго продолжается их знакомство с Бенедиктом Греймом.

Что же скрывали Гарольд и Эвелин Напьер? Действительно ли они были обычными людьми или намеренно маскировались, пряча свое злодейство?

Мордекай Тремейн открыл дверь гостиной и сразу оказался под прицелом двух пар настороженных, полных подозрений глаз. Одна пара принадлежала упитанному, хотя и чрезвычайно бледному Остину Деламеру, а вторая органично сочеталась с узким лицом и угрюмыми чертами Эрнеста Лорринга. Компания производила странное впечатление. Вряд ли появление постороннего человека нарушило доверительную беседу. Джентльмены сидели с таким видом, словно старались показать, что готовы терпеть присутствие друг друга, но общаться не намерены.

Деламер и Лорринг пристально посмотрели на Тремейна, а потом многозначительно переглянулись. Тремейн спросил себя, что сказал бы каждый, если бы остался с ним наедине. Сейчас оба тщательно подбирали слова, пытаясь заранее угадать ответ.

— Есть... новости? — наконец осведомился Деламер.

Он постарался произнести короткую фразу бесстрастно, и это ему почти удалось.

- По-моему, пока нет. Мордекай Тремейн пожал плечами.
- Но если кому-то станет известно, то в первую очередь вам, заявил Лорринг.

Он даже не пытался скрыть враждебность. Столь откровенное выражение чувств слегка удивило Тремейна, однако не стало неожиданным. Профессор, конечно, не забыл инцидент с обвинением в воровстве последнего подарка — пусть и не высказанным прямо.

Деламер не заметил настроения ученого, собственные мысли занимали его больше.

- Почему полиция ничего не делает? возмущенно воскликнул он. Перевернули вверх дном весь дом. Почему до сих пор никого не арестовали?
- Прежде чем арестовать, необходимо кого-либо найти, усмехнулся Лорринг. От деревенской полиции трудно ожидать быстрой работы.
- Суперинтендант Кэннок производит впечатление профессионала, мягко возразил Тремейн. Вряд ли что-нибудь пройдет мимо его внимания. Или кто-нибудь.

Он в упор посмотрел на Лорринга, встретил сердитый взгляд и продолжил:

— Интересно, куда пропали подарки? Особенно последний. Уверен, что, если бы удалось получить ответ на этот вопрос, понять причину смерти Джереми Рейнера стало бы проще.

На морщинистом лице Лорринга отразились гнев и страх. Казалось, он хотел ударить обидчика, но боялся, а потому ограничился грубым советом:

— На вашем месте я бы позволил полиции задавать собственные вопросы.

Он дерзко посмотрел на Деламера, словно вызывая ответную реакцию, а затем встал и быстро вышел, едва не задев Тремейна.

- Рад, что Лорринг ушел, проговорил Деламер. Терпеть не могу этого типа. Не знал, что Бенедикт пригласил его.
- Вы уже встречались с профессором? поинтересовался Мордекай Тремейн.
 - Да, и немало о нем слышал.
 - Слышали?
- Ходили разнообразные слухи. Все до одного отвратительные. Якобы Лорринг едва не угодил на скамью подсудимых. Продал государственную тайну.
- Людей, занятых особой работой, часто обвиняют в подобных грехах. Как правило, слухи оказываются ложными.
- В данном случае разговорами дело не ограничилось, возразил Деламер. Лоррингу удалось вывернуться исклю-

чительно из-за нехватки доказательств. Я... — Он замолчал и искоса взглянул на собеседника, будто, прежде чем выразить собственное отношение, хотел угадать его реакцию. — Я пытаюсь понять, знал ли он Рейнера и был ли с ним связан.

Итак, ведьмин котел закипал. Деламер старался бросить тень на Лорринга. А если один человек намерен очернить другого, то это, как правило, означает, что сам он испуган и стремится отвести от себя внимание.

Горшок пытается доказать, что чайник чернее, подумал Тремейн. Открытая атака на Лорринга свидетельствовала о том, что Деламер боится и нервничает. Поведение политика удивляло. Его собственное прошлое вряд ли отличалось безупречной чистотой. Во всяком случае, о Деламере тоже ходили разнообразные слухи. Если Эрнесту Лоррингу удавалось избежать некрасивых ситуаций, то подобная удача посещала и Остина Деламера, причем неоднократно.

Однако Мордекай Тремейн умел скрывать мысли. Сейчас он дипломатично ответил:

— Насколько могу судить, полиция наводит справки относительно связей мистера Рейнера со всеми обитателями дома. Полагаю, каждый из нас находится под пристальным вниманием соответствующих служб.

Полное лицо Остина Деламера позеленело.

— Не исключаю такую возможность, — изрек он мрачно. Обсуждение прошлых грехов мистера Лорринга продолжения не получило. Мордекай Тремейн ушел с приятным ощущением, что оставляет собеседника изрядно напуганным.

Через несколько минут, задумчиво глядя в окно библиотеки, он увидел мисс Грейм. Шарлотта поспешно шагала по дорожке, явно пытаясь спрятаться в тени лавров, а вскоре скрылась за поворотом. Все указывало на намерение пренебречь запретом полиции и нарушить границы поместья. Мордекай Тремейн спросил себя, какие отчаянные обстоятельства заставили ее так поступить. Ему захотелось пойти следом за ней, однако разрыв во времени был слишком значительным. И Мордекай Тремейн отправился на поиски суперинтенданта.

 Ушла? — пробормотал Кэннок, выслушав его рассказ. — И это мисс Грейм, которая редко выходит за порог даже в хорошую погоду... Интересно, что же ей вдруг так остро понадобилось...

— ...что робкая дама даже не побоялась нарушить официальное распоряжение? — подхватил Мордекай Тремейн.

Суперинтендант покачал головой:

- Наверное, мистер Блейз не успел предупредить всех, но недавно я сказал ему, что больше не обязательно сидеть дома. Сам понимаю, что слегка перестарался с ограничением. Похоже, кое-кому не терпится вырваться на свободу.
 - Хотите сказать...

Суперинтендант кивнул:

— Две пташки уже вылетели. Мисс Грейм и мистер Бичли. Надеюсь, нам удастся выяснить, куда они держат путь, а потом можно будет понять зачем.

Мордекай Тремейн обрадовался, что не пошел за Шарлоттой Грейм. Если подчиненные Кэннока уже получили соответствующее задание, то он избежал нелегкого и бесполезного путешествия.

- Вы сейчас... не заняты? спросил суперинтендант.
- Нет, поспешно ответил Тремейн.
- В таком случае следуйте за мной.

Кэннок уверенно поднялся по лестнице и, явно успев подробно изучить план дома, направился к комнате Шарлотты Грейм. Дверь оказалась незапертой.

Мы уже сюда заглядывали, — заметил Кэннок. — Однако как знать...

В течение нескольких минут суперинтендант успел исследовать спальню. Тремейн восхитился точностью его движений, умением осмотреть каждую мелочь и при этом не оставить следов собственного пребывания.

- Что вы рассчитываете найти? спросил он.
- Давно взял за правило никогда ни на что не рассчитывать, произнес Кэннок. Лишь принимаю обычные меры предосторожности.

Комната была опрятной и такой же бесцветной, как сама мисс Грейм. Кэннок открыл гардероб и заглянул внутрь. Одежды оказалось не слишком много, а та, что была, не отличалась новизной. Возле шкафа стоял средних размеров

чемодан. Суперинтендант присел, быстро открыл крышку, сунул руку внутрь и ловко проверил содержимое. Затем закрыл крышку и поднялся. Напоследок осмотрел комнату и заметил:

- Вполне невинно, правда?
- Внешность нередко обманчива, пожал плечами Тремейн.

Суперинтендант вопросительно вскинул брови, и Тремейн пояснил:

- Хотелось бы узнать, что заставило мисс Грейм спуститься ночью к елке. И куда она отправилась сейчас.
- Она не производит впечатления человека, способного на убийство, возразил Кэннок.

Мордекай Тремейн сделал вид, что шокирован:

- Я вовсе не имел в виду, что она убила мистера Рейнера. В конце концов, улик против нее нет.
 - Улик нет вообще, вздохнул суперинтендант.

Он вышел из комнаты и остановился возле другой двери. Тремейн знал, что это комната Джеральда Бичли. Она была заперта. Кэннок достал из кармана связку ключей, выбрал один и вставил в замочную скважину. С довольной ухмылкой он распахнул дверь.

Здесь царил хаос. Повсюду валялась одежда. На туалетном столике лежала трубка, а вокруг виднелись следы табака. Посреди комнаты, прямо на ковре, стояли ботинки, а дверь шкафа оставалась полуоткрытой.

— Если он умудрился устроить такой беспорядок после утренней уборки, то что же будет, когда слуги вдруг объявят недельную забастовку? — проворчал суперинтендант.

В комнате ошущался запах гари. Кэннок повернулся к камину. Все пространство топки забито бесформенной почерневшей массой. Бичли пытался сжечь что-то громоздкое, от чего было непросто избавиться. Кэннок поворошил угли кочергой:

— Похоже на какую-то ткань. Отправим на экспертизу и что-нибудь выясним. Кстати, Джеральд Бичли нуждается в деньгах?

Мордекай Тремейн вспомнил подслушанный телефонный разговор и слова Дени Арден о полной зависимости Бичли от Бенедикта Грейма.

- Насколько мне известно, да, ответил он. A почему вы спрашиваете?
- Час назад я снова беседовал с мистером Греймом. Когда при первой встрече заговорил об ограблении и предположил, что мистера Рейнера застрелили случайно, поскольку он напугал вора, хозяин возразил, что ничего не пропало. А вот теперь выясняется, что ограбление все-таки произошло. Из сейфа мистера Грейма исчезло очень дорогое бриллиантовое колье.
- Колье мисс Арден! воскликнул Мордекай Тремейн, и суперинтендант кивнул.
- Я так и понял. Свадебный подарок, верно? И все о нем знали.
- Когда, по мнению мистера Грейма, произошла кража? уточнил Мордекай Тремейн.
- Вчера поздно вечером колье еще было на месте. Очевидно, мистер Грейм открывал сейф после выступления хора, чтобы пожертвовать пастору средства на ремонт церкви. Он уверен, что бриллианты там лежали. А после убийства забыл обо всем и проверил только сегодня днем. Тогда и обнаружил пропажу.
- И все же, усомнился Мордекай Тремейн, даже не заглянув в сейф, мистер Грейм заявил, что ничего не украдено.
- Говорил, что не допускал даже мысли о возможности воровства, потому что спит чутко. Думал, что обязательно услышал бы, если бы кто-нибудь попытался проникнуть в комнату, а тем более вскрыть сейф. Но потом так он утверждает вспомнил, что, когда все легли спать, спустился, чтобы повесить подарки на елку. В это время злоумышленник мог проникнуть в комнату. А еще хозяин вспомнил, что после того, как его разбудили и сообщили об убийстве, он отправился вниз вместе со всеми, оставив комнату незапертой.
- Иными словами, существует три возможности. Первая: вор кто-то из своих. Вторая: посторонний рискнул проникнуть в дом рано, когда в окнах еще горел свет, и увидел, что нужная комната пустует. Третья: злоумышленник сумел остаться в доме после того, как было обнаружено тело Джереми Рейнера, проник в комнату хозяина, когда тот вышел вместе со всеми, украл колье и исчез незамеченным, хотя никто не спал.

— Совершенно верно, — согласился суперинтендант. — Похоже, что похититель драгоценностей обитает в доме. Вот почему я спросил, нуждается ли мистер Бичли в деньгах.

Мордекай Тремейн вспомнил распухшее морщинистое лицо, испуганные красные глаза. А заданный вопрос неожиданно приобрел устрашающий смысл: «Что-нибудь пропало?»

Подобные слова мог произнести только человек, который что-то знал и отчаянно хотел выяснить, известно ли это и полиции.

Глава 14

Мордекай Тремейн пытался проанализировать поведение Бенедикта Грейма, однако проникнуть в суть происходивших событий не мог. Если бы не убийство и не подозрение, то можно было бы сказать, что хозяин пребывает в прекрасном расположении духа. Однако трагические обстоятельства Рождества превратили веселье в мрачный гротеск. Казалось, размалеванный клоун дурачится на кладбище. Поверхностное объяснение было достаточно простым. Грейм старался соответствовать роли хозяина дома, стремился смягчить гнетущую атмосферу и, вероятно, переусердствовал. Чрезмерные усилия вызвали ощущение нереальности. И все же...

Мордекай Тремейн пытался уловить нечто ускользающее. Манеры Бенедикта Грейма демонстрировали не просто желание поднять гостям настроение. Его уверенность была искренней и глубокой. Временами он едва ли не торжествовал. Что же заставило Бенедикта Грейма радоваться после убийства лучшего друга в его же собственном доме? Если только... причина этого энтузиазма не заключалась в убийстве Джереми Рейнера.

Шарлотта Грейм играла Шопена, и все внимательно слушали, без обычных приглушенных разговоров. Бенедикт Грейм сидел в кресле в дальнем конце комнаты, в одиночестве. Мордекай Тремейн подумал, что он смотрит на присутствующих с высоты своего положения, ощущая себя властителем судеб. Когда мисс Грейм закончила исполнение, Тремейн

воспользовался восторженным шумом и подошел к хозяину. Бенедикт Грейм встретил его с выражением легкой настороженности в голубых глазах:

- Как продвигается расследование? Жаль, что совсем не удается поговорить с вами.
- Насколько могу судить, суперинтендант Кэннок считает, что наметился прогресс, промолвил Мордекай Тремейн.
- Я говорю не о полицейском расследовании, а о вашем личном, пояснил мистер Грейм, но ответа не дождался. Он обвел комнату широким жестом. Учитывая недавние события, гости, по-моему, довольны.
- Наверное, вам нелегко поддерживать праздничное настроение, сочувственно заметил Мордекай Тремейн.

Бенедикт Грейм посмотрел на него из-под густых бровей. Его голубые глаза лукаво блеснули.

- Могло быть хуже, проговорил он и, прежде чем Тремейн успел сформулировать свой вопрос, добавил: Кому завидую, так это вам.
 - Мне? Почему?

Бенедикт Грейм быстро оглянулся, чтобы убедиться, что никто их не слышит, и тихо произнес:

— Кто-то из присутствующих в этой комнате убил Джереми. И этот человек знает, что вы его выслеживаете, однако не подозревает, до какой степени вы продвинулись в своем расследовании. Возможно, еще не очень далеко, но даже в этом случае в ваших руках огромная власть! В ваших руках человеческая жизнь! Неспешно, виток за витком, вы мастерите веревку для виселицы. Вероятно, даже знаете имя убийцы и собираете последние, решающие аргументы.

Неожиданно Тремейну показалось, будто Бенедикт Грейм забыл о его присутствии. Лицо приобрело отстраненное выражение, как у человека, полностью погруженного в собственные мысли.

— Величайшая власть на земле, — наконец продолжил он, — это власть над жизнью и смертью. Она поглощает, завораживает. Вы смотрите на человека и думаете: «Ты остаешься на свободе, потому что я тебе позволяю. Но стоит мне

пошевелить пальцем, как тебя схватят и посадят в каменный мешок, и вскоре палач поставит твои ноги на меловую черту». Так кукловод управляет своей куклой. В любой момент он может остановить и танец, и само подобие жизни.

- Вы считаете безграничную власть желанной? поинтересовался Мордекай Тремейн.
- Разумеется! Несомненно! Если не власть, то какая еще цель может присутствовать в жизни? Слава? Деньги? Какой реальной ценой они обладают помимо той власти, которую несут с собой? Только сознание собственного превосходства поднимает человека и заставляет забыть, что он рожден в грязи!

Голубые глаза вдохновенно сияли, но холодный металлический блеск вызывал тяжелое чувство: состояние Бенедикта Грейма трудно было назвать нормальным. Тремейн подумал, что он стоит на пороге чрезвычайно важного открытия, но, к огромному сожалению, уже в следующий момент рядом появилась Люси Тристам и прервала беседу укоризненным восклицанием:

— Уединились, словно что-то замышляете!

Она улыбнулась, однако улыбка не осветила зеленую глубину широко раскрытых глаз и не зажгла желтых искр. Напротив, в ее взгляде сквозила тревога. Миссис Тристам пристально посмотрела Тремейну в лицо, будто пытаясь прочитать его мысли. Бенедикт Грейм смутился, словно застигнутый врасплох. Мордекай Тремейн заметил, что миссис Тристам возникала всякий раз, когда он разговаривал с хозяином дома. Казалось, прекрасная Люси боялась, что без присмотра тот способен сказать лишнее.

— Мы обсуждали преступление и наказание, — пояснил Тремейн. — Точнее, один из аспектов соотношения данных понятий.

Миссис Тристам вздрогнула. Трудно было определить, притворялась ли она или мрачные разговоры действительно задевали ее.

— Вам уже удалось узнать, кто это сделал?

Тремейну стало ясно, что Люси задала вопрос против собственной воли. Желание понять, что именно ему известно, перевесило стремление скрыть интерес к расследованию на тот случай, если подозрение заденет лично ее. — Иными словами, выяснили ли полицейские, кто убил мистера Рейнера? У них наверняка возникла определенная версия, однако они не раскроют ее до тех пор, пока не соберут доказательства, достаточные для ареста виновного.

Посмотрела ли она на Бенедикта Грейма? Мелькнул ли в ее лице страх? Люси Тристам отвернулась, чтобы Тремейн не увидел глаз.

- Тема чересчур печальна, чтобы обсуждать ее в Рождество, произнесла она и предложила: Может, потанцуем, Бенедикт?
- Конечно, дорогая, с готовностью согласился хозяин и встал.

Таким образом, Мордекай Тремейн сумел осуществить свою давнюю мечту поговорить с Шарлоттой Грейм. Та заметила приближение опасного субъекта и в отчаянии посмотрела по сторонам, но на сей раз спасительного выхода не нашла. Люси Тристам уже танцевала с Бенедиктом Греймом, а Джеральд Бичли увлеченно беседовал с супругами Напьер. Обняв Шарлотту за плечи, Тремейн почувствовал, что та дрожит, как попавшая в сеть испуганная птица.

- Восхищен вашей игрой, мисс Грейм, улыбнулся он. Чудесное туше.
 - Спасибо, еле слышно пробормотала Шарлотта.

Несколько секунд они танцевали молча, а потом Мордекай Тремейн проговорил:

Незачем меня бояться. Напротив, я хочу и могу вам помочь.

Она замерла и с трудом вымолвила несколько слов:

- Не понимаю, о чем вы...
- Прекрасно понимаете, возразил Мордекай Тремейн. И даже знаете, что я видел вас в Калнфорде.

Шарлотта едва не споткнулась. Тремейн выждал, пока она немного успокоится, и предложил:

Давайте выйдем в другую комнату? Там можно говорить свободнее.

Он повел даму к двери, и она подчинилась. Этого не заметил никто, кроме Эрнеста Лорринга. Профессор метнул в их

сторону любопытный взгляд, однако от комментария воздержался.

Они вошли в библиотеку. Мордекай Тремейн плотно закрыл дверь и повернулся к Шарлотте:

- Итак, мисс Грейм, почему бы вам не рассказать мне то, что вы утаили от полиции?
 - Я сообщила суперинтенданту все!
 - И даже объяснили, почему кричали?

В ее глазах мелькнуло отчаяние.

- Это было ужасно. Я... просто не смогла сдержаться. Вы же не думаете, что это я убила Джереми?
- Можете ли вы назвать причину, по которой его мог убить кто-нибудь другой? возразил Тремейн. Например, мистер Уинтон? В конце концов, по странному стечению обстоятельств он оказался ночью возле дома, а всем известно, что они с мистером Рейнером враждовали.
- Нет, возразила Шарлотта. Нет, Уинтон этого не делал.
- Полиция не уверена в его непричастности, заметил Мордекай Тремейн. Особенно ввиду отношения мистера Рейнера к намерению молодого человека жениться на мисс Арден.

Неожиданно Шарлотта Грейм посмотрела ему в лицо и заговорила торопливо, как человек, долго не решавшийся высказаться и даже сейчас чувствующий, что решимость может исчезнуть в любой момент.

— Не верю, что Джереми был против свадьбы Роджера и Дени. Думаю, он даже хотел, чтобы они поженились.

Мордекай Тремейн вопросительно взглянул на нее поверх пенсне:

- Иными словами, то, что все считали ненавистью к мистеру Уинтону, в действительности было лишь притворством?
- Да. Джереми делал вид, будто не позволяет Дени выйти замуж за Роджера, а на самом деле любил его.
 - Но почему? Почему он так себя вел?

Испуганная и растерянная, Шарлотта Грейм покачала головой:

- Не знаю. Но это правда. Однажды Джереми заявил, что собирается сделать то, что всех нас удивит. Мол, все изменится. Порой он откровенничал со мной и говорил на такие темы, которые никогда не обсуждал с другими.
 - Даже с мисс Арден?
- Нет-нет. Только не с Дени. Он не мог сказать Дени правду.
- А вы знаете, что он имел в виду, обещая, что все изменится?
- Нет, еле слышно выдохнула Шарлотта, и Тремейн понял, что она лжет.

Однако настаивать не имело смысла: об этом свидетельствовали крепко сжатые кулаки и напряженная, оборонительная поза. Мисс Грейм стояла на последней позиции и отступать не собиралась. Мордекай Тремейн оценил ситуацию и избрал другую тактику:

— Вы хотите помочь полиции найти убийцу мистера Рейнера?

Шарлотта кивнула, хотя и неохотно:

- Конечно, хочу. Но каким образом? Что я могу сделать?
- Мелкие факты, незначительные для вас, способны многое прояснить. Когда вы спустились и обнаружили тело мистера Рейнера, то увидели мистера Бичли?
- Джеральда? удивилась Шарлотта. Нет, там никого не было.
- Вчера он купил в Калнфорде костюм Санта-Клауса, пояснил Тремейн. И ночью надел его. Я случайно заметил мистера Бичли, когда посмотрел в окно.
- Не знаю, растерянно пробормотала Шарлотта. Не видела...
- Пытаюсь понять, затеял ли мистер Бичли очередной розыгрыш. Говорят, он нередко поступает... странно. А если и на сей раз собирался подшутить над нами? Хотя для прогулок по террасе ночь выдалась чересчур холодной.

Шарлотта задумалась. Казалось, она пытается сопоставить то, что услышала сейчас, с уже известными фактами.

- Вы уверены, что это был именно Джеральд? — спросила Шарлотта.

— Лица я не видел, — признался Мордекай Тремейн, — но полагаю, что так. Судя по рассказам, он вполне способен на необычный поступок.

Напрашивалось очевидное возражение: увидев фигуру в красном, прежде всего следовало подумать, что это Бенедикт Грейм. В первую минуту Тремейн и сам сделал подобный вывод. Однако Шарлотта этого не сказала. Наверное, у нее был повод поверить в появление Бичли.

— У многих складывается неверное представление о Джеральде, — заметила мисс Грейм. — Он вовсе не такой безответственный, как порой кажется.

Мордекай Тремейн покачал головой:

- Надо же! Боюсь, я проявил непростительное легкомыслие. Решил, будто мистер Бичли обладает особым чувством юмора и часто позволяет себе... рискованные шутки. Вы считаете, что на самом деле такое поведение ему не свойственно?
- Так оно и есть. Он ведет себя странно только потому... Шарлотта внезапно замолчала и даже закрыла рот ладонью, чтобы не произнести больше ни слова. Она испугалась, что сболтнула лишнее. Мордекай Тремейн собирался прозвить настойчивость и добиться продолжения, но мисс Грейм опередила его:
- Бенедикт начнет беспокоиться. Пора вернуться в гостиную.

Она подошла к двери, торопливо открыла ее и, не взглянув на собеседника, зашагала по коридору.

Мордекай Тремейн задержался в библиотеке еще на несколько секунд. Не хотелось, чтобы внезапный уход Шарлотты Грейм напоминал бегство с преследованием. Когда же наконец он тоже вышел за дверь, то едва не столкнулся с проходившим мимо Флемингом. Дворецкий пробормотал дежурные слова извинения и отступил. Тремейну показалось, что он хочет что-то сказать, но Флеминг молча и степенно проследовал дальше.

На подходе к гостиной Тремейн услышал музыку. Он вошел и увидел, что мисс Грейм уже нашла надежную защиту в лице Джеральда Бичли и танцует с ним. Интересно, что она ему говорит? Почему-то возникло подозрение, что мистера Бичли ее новости не обрадуют.

Бенедикт Грейм одержал победу над молодым соперником и теперь танцевал с Дени Арден. Устроившись на диване, Мордекай Тремейн услышал голос Роджера Уинтона:

- Допрашивали Шарлотту?
- Допрашивал?

Он повторил слово с подчеркнутым удивлением, однако Роджер не принял условий игры.

- Вы вышли вместе, а несколько секунд назад она вернулась одна, с таким видом, словно только что встретила призрак, и сразу направилась к Джеральду. Что происходит?
- Насколько могу судить, мы на приятной вечеринке, ответил Тремейн. Особенно с учетом сопутствующих обстоятельств.
- Вы считаете, что Рейнера убила Шарлотта или Джеральд? не унимался Уинтон. Или вместе? Честное слово, любопытно. Знаю, что наш общий друг суперинтендант подозревает меня, так что чем быстрее проблема разрешится, тем лучше. Не могу сказать, что они мне не нравятся. Шарлотта вызывает жалость, а Джеральд слишком прост: виски, лошади... ничего другого в голове нет.

Мордекай Тремейн вопросительно вскинул брови, и Уинтон пояснил:

— Да-да. Все его карманные деньги уходят на спиртное и на букмекеров. Разумеется, никто об этом не говорит, но секрет всем известен.

В этот момент Бичли оказался в круге яркого света и предстал не в лучшем виде. Опухшее лицо с проступившей сеточкой сосудов было изможденным. Черты утратили определенность, превратившись в бесформенную серую массу. Тремейн подумал, что столь невыгодное впечатление могло сложиться из-за безжалостно резкого света, а рука на плече партнерши дрожала просто так, случайно. Напомнил себе: из того, что Джеральд Бичли — пьяница и азартный игрок, причем по большей части неудачливый, вовсе не следует, что он к тому же убийца. Да и мотив до сих пор не установлен. Но если мотив преступления не ясен, то что же сказать о возможности его совер-

шения? Ведь Бичли ушел в свою комнату вместе со всеми, а появился в коридоре на глазах у Тремейна: то есть на первый взгляд убить не мог, — но ничто не мешало ему выскользнуть ночью, совершить преступление и вернуться, прежде чем крик Шарлотты разбудил дом. Тем более что это не пустое предположение. Существовало доказательство. Красная фигура на террасе...

Мордекай Тремейн знал, что видел не Бенедикта Грейма и не Джереми Рейнера. Выглянув в окно, он отчетливо рассмотрел на шапке Санта-Клауса комочки ваты, в то время как шапки двух других исполнителей главной роли были красными с белой каймой.

Действительно ли на террасе стоял Бичли, еще требовалось доказать, однако два факта оставались очевидными: Джеральд привез домой костюм Санта-Клауса и сжег в камине ткань. Оба этих действия надежно закрепили за ним первое место в списке подозреваемых.

Мордекай Тремейн наблюдал за танцующими. Розалинда Марш проплыла в объятиях Николаса Блейза, наполнив пространство ароматом духов. Прекрасная пара. Интересно, осознает ли Ник гармонию и оценивает ли по достоинству красоту своей дамы? Однако события не позволяли углубляться в романтику. Главной проблемой оставалось убийство, и Розалинда Марш находилась под подозрением в той же степени, что и остальные. Покидала ли она свою комнату? Никто не обмолвился о том, что видел ее в коридоре, но это не означало, что мисс Марш не могла проскользнуть незаметно.

Тремейн сидел, провожая внимательным взглядом пару за парой. Люси Тристам посмотрела через плечо Остина Деламера. Восхищаясь ее великолепной фигурой, Тремейн вспомнил, с каким ужасом миссис Тристам смотрела на мертвое тело Джереми Рейнера. Она явилась одной из последних. Конечно, ее комната расположена в дальней части дома, и все-таки не задержалась ли Люси несколько дольше, чем следовало? Не слишком ли театральным выглядело потрясение?

Усилием воли Мордекай Тремейн сдержал разыгравшееся воображение. Если дать волю фантазии, то можно выстро-

ить обвинение против каждого из обитателей дома, начиная с Остина Деламера, который прибежал первым, и заканчивая Бенедиктом Греймом, проявившим подозрительную медлительность. Анализируя собственные рассуждения, Тремейн понял, что, несмотря на следы во дворе, его внимание привлекали хорошо знакомые домашние персонажи, а не абстрактный человек с улицы. Убийца, несомненно, расхаживал по коридорам и комнатам. Уверенность росла с каждой минутой, все отчетливее проявляясь в свете невероятной правды.

Пока версия оставалась слишком туманной, чтобы попытаться ее сформулировать. Хотелось бы иметь свободный доступ к биографиям участников драмы — такой, каким обладал суперинтендант Кэннок. Тогда было бы легче подобрать единственно верный ключ. А пока оставалось одно: медленно продвигаться в кромешной тьме и надеяться, что удача натолкнет на нужную тропу.

Тремейн посмотрел на Николаса Блейза. Секретарь многое знал и о гостях, и о самом Бенедикте Грейме. Надо с ним поговорить и выяснить подробности отношений Грейма с Джереми Рейнером. Что связывало этих джентльменов в те дни, когда оба активно занимались бизнесом? Ник все расскажет и объяснит. Ведь он сам пригласил Тремейна в Шербрум для того, чтобы найти истину.

В комнате становилось жарко. Мордекай Тремейн встал и направился к двери. А в коридоре снова наткнулся на Флеминга. На сей раз дворецкий не скрывал желания начать разговор. В глазах застыла молчаливая просьба человека, ожидающего приглашения к откровенной беседе. Мордекай Тремейн с готовностью сделал первый шаг:

— День выдался хлопотным, но вы отлично справились со всеми проблемами.

Профессиональная невозмутимость дворецкого сменилась благодарной улыбкой, а на круглом лице отразились простые и понятные чувства.

— Спасибо, сэр, — ответил Флеминг. — Стараюсь достойно исполнять свои обязанности. Думаю, то же самое можно сказать и о вверенном мне персонале.

- Не сомневаюсь, заверил Мордекай Тремейн и не упустил возможности добавить: Полагаю, вы хорошо знали мистера Рейнера? Наверное, ночью вы пережили жестокое потрясение?
- Так и есть, сэр, кивнул Флеминг. Хотя должен признаться, что испытывал дурное предчувствие.
 - Предчувствие?
- Это случилось вчера вечером, сэр, когда хор закончил петь рождественские гимны. Не знаю, что заставило меня так поступить, но на выходе я пересчитал певцов.

Дворецкий помолчал с видом человека, готового поведать факт невероятной, пугающей важности, и заявил:

Их оказалось тринадцать!

Мордекай Тремейн с трудом сдержал улыбку. Величавый, невозмутимый Флеминг суеверен! Вот уж поистине ахиллесова пята! Однако в следующее мгновение Тремейн быстро поправил пенсне и деловито уточнил:

- Тринадцать? Вы не ошиблись?
- Нет, сэр, по-военному четко отчеканил Флеминг. В его голосе послышался холодок. Дворецкий проявил достоинство человека, обиженного сомнением, но умеющего владеть чувствами, и укоризненно добавил: Я настолько расстроился, что пересчитал дважды.

Мордекай Тремейн молчал, но мысли лихорадочно метались: из дома вышли тринадцать хористов, а во время выступления он лично насчитал четырнадцать.

Следовательно, если они с Φ лемингом не ошиблись, один из певцов остался в доме.

Глава 15

Поначалу Николас Блейз не хотел идти в Шербрум, но Мордекай Тремейн не принял отказа.

— Мне необходима ваша помощь, Ник, — объяснил он. — Вы знаете в деревне всех и сможете сразу определить чужака. А именно чужак мне и нужен.

Блейз помедлил в нерешительности. На его смуглом лице застыло сомнение. Мордекай Тремейн привел самый убедительный аргумент:

— Уверен, что час-другой мистер Грейм сможет обойтись без вас. К тому же вы окажете ему немалую услугу. Не исключено, что обнаружится нечто способное направить следствие по иному пути.

Последняя фраза оказалась решающей. Блейз с заметным облегчением согласился:

Хорошо, Мордекай. Сейчас предупрежу Бенедикта, и мы пойлем.

Через двадцать минут, когда они быстро шагали по заснеженной дороге в сторону деревни, секретарь проявил значительно больше интереса к предстоящей экспедиции.

Вы выглядите так, словно напали на след, Мордекай, — сказал он.

Тремейн улыбнулся:

- Известно ли вам, что ваш дворецкий суеверен?
- Николас Блейз слегка растерялся:
- Вы о Флеминге?
- Да, о нем, ответил Тремейн.

Забавно было наблюдать, как Блейз борется с замешательством и в то же время пытается показать, что не испытывает ничего, кроме обычного интереса.

- Когда хористы выходили из дома, он пересчитал их. Оказалось тринадцать человек. И Флеминг счел это дурным предзнаменованием.
 - О! Блейз не смог скрыть разочарования. И это все?
- Нет, не все. Потому что я тоже пересчитал их, возле елки. И тогда их было четырнадцать.

Николас Блейз остановился посреди дороги и уточнил:

— То есть один остался в доме?

Мордекай Тремейн кивнул:

- Да, Ник. Один из них не ушел. Необходимо выяснить, кто именно спрятался, где и зачем.
- Итак, кто-то задержался в доме, медленно проговорил Блейз, обращаясь скорее к самому себе, чем к собеседнику. В голосе слышалось напряжение. Вдруг он схватил

Тремейна за руку: — Мордекай, это же очень важно! Значит, никто из обитателей дома не виноват. Следовательно, это не мог слелать...

Секретарь внезапно замолчал, и Тремейн закончил мысль за него:

- ...Бенедикт. Вероятно, все не так просто, Ник.
- Но так должно быть! Тогда все встает на свои места. Разве вы не понимаете, что могло произойти? Джереми знал кого-то из жителей деревни. Этот человек пробрался в дом вместе с певцами. Задержался, когда все ушли, спрятался и дождался появления Рейнера. Наверное, они виделись раньше и договорились о встрече. Завязалась ссора, закончившаяся убийством. Преступник испугался и бросился наутек прямо по лужайке. Секретарь заметно воодушевился. Да, все случилось именно так! Отсюда и следы. На снегу осталось три тропинки: от Уинтона, Рейнера и убийцы, две ведут к дому, а третья от дома!
- Похоже, вы ощутили присутствие нашего старого приятеля— незнакомца из прошлой жизни,— заметил Мордекай Тремейн и многозначительно добавил:— А мне-то казалось, что в эту версию вы не верите.
- Не верил. Но только до убийства. К тому же все, что вы рассказали, представляет события в ином свете. Остается найти участника хора, который после выступления не ушел вместе с другими. Этот человек убил Джереми. Вы тоже так думаете, Мордекай, потому и спешите попасть в деревню. Разве не правда?
- Будет интересно выяснить, знал ли Рейнера тот, кто остался в доме. Если удастся найти ответ, получим неплохой старт для дальнейших поисков. Невозможно предположить все и сразу, Ник.

Секретарь вздохнул:

— Да, вы правы. Я слишком увлекся поисками решения, не затрагивающего обитателей дома.

Они продолжали путь. Мордекай Тремейн энергично размахивал руками и с удовольствием вдыхал морозный воздух.

 Что вам известно о профессоре Лорринге, Ник? — произнес он.

Блейз пожал плечами:

- Немногое. Впервые его вижу. Наверное, Бенедикт где-то встретил ученого и пригласил на Рождество. Он нередко так поступает.
- Довольно странный выбор. Профессор совсем не вписывается в общую картину. Например, даже до того, как произошло убийство, он не спешил радоваться празднику.
- Если хотите сказать, что Лорринг вел себя как старый мизантроп без капли теплой крови в жилах, то я полностью согласен. Возможно, Бенедикт пригласил профессора в надежде смягчить его суровый нрав. Вы же знаете, какой он идеалист.
- Как по-вашему, Лорринг и Рейнер были знакомы раньше?
- Если и были, то ничем себя не выдали. Николас Блейз взглянул на него. А что, относительно Лорринга возникли подозрения? Должен признаться, что не испытываю к нему теплых чувств, но в то же время не вижу в его поведении ничего особенного.
- Могу лишь догадываться, ответил Мордекай Тремейн, но полагаю, что последний подарок снял с елки именно профессор. Хотелось бы узнать зачем.
- Если снял, то вполне мог сделать это внезапно, поддавшись мгновенному порыву. Говорят, ученые порой ведут себя непредсказуемо. А если он проводил какоенибудь исследование? Планировал вернуть подарок на место, но вокруг дерева собралось много людей и сделать это не удалось.
- Следовательно, вы не видите в его поступке ничего из ряда вон выходящего?
 - Трудно сказать, пожал плечами Блейз.
 - А как насчет других подарков? Почему они пропали? Секретарь задумался:
- Самое простое объяснение способно оказаться самым верным. Обычная кража.
 - Считаете версию вероятной?
- Почему нет? Если тот человек действительно собрался поживиться, то забрал все, что смог ухватить. Наверное, решил, что в таком большом доме дарят дорогие подарки.

- Не исключено. Но два обстоятельства остаются без ответа: во-первых, с какой стати Рейнер нарядился в костюм Санта-Клауса, а во-вторых, каким образом его пистолет оказался в его же комнате.
- Все потому, что мы пока не знаем, кто из хористов остался в доме, возразил Блейз. Как только выясним, объяснения появятся.
- В том числе станет понятно, куда делось бриллиантовое колье? осведомился Мордекай Тремейн.
- А вот эта часть истории мне совсем не нравится, промолвил секретарь. Боюсь, Мордекай, что виноват кто-то из домашних. С тех пор как Бенедикт сообщил о пропаже, стараюсь не думать ни о ком плохо, и все же ясно, что похититель отлично знал, где искать драгоценности, и имел возможность проникнуть в комнату, пока хозяина там не было.
- Вы кого-то подозреваете, Ник, заявил Мордекай Тремейн. Кого же?

Секретарь покачал головой:

— Простите, Мордекай. Не имею права называть имен.

Он явно чувствовал себя неловко, и Тремейн решил не настаивать. В любом случае теперь он понимал, что творится в голове собеселника.

За поворотом дороги взору предстала деревня Шербрум. Безмятежно раскинувшись у склона холма, сейчас она выглядела необитаемой, и лишь тонкие столбики дыма над крышами напоминали о присутствии жителей. Снег покрывал холмы, толстым слоем лежал на окрестных полях, украшал голые ветки деревьев возле живых изгородей и создавал впечатление лаконичного графического этюда, мастерски выполненного в черно-белых тонах. Мордекай Тремейн вспомнил первое впечатление от поездки по пустынной главной улице в унылом свете зимних сумерек. Тогда показалось, будто заколдованное царство не предназначено для простых смертных. Скорее здесь вершат свои таинственные дела эльфы, гномы и прочие волшебные существа.

А еще живут фантазии...

Мысль закралась в сознание подобно настороженному шепоту. Если одна фантазия раскинулась перед его взором,

то сколько же их осталось за спиной! Невозможно найти картину более причудливую, чем Санта-Клаус, распростертый на полу под рождественской елкой, полностью лишенной подарков!

Пару мгновений Николас Блейз пристально наблюдал за Тремейном, а потом проговорил:

- Живописное местечко, особенно сейчас, когда выпал снег. Странно думать, что в этот самый момент где-то тут может прятаться убийца.
- Действительно странно, Ник, кивнул Мордекай Тремейн.

Душа его страдала. Давно ставшая частью существа глубокая любовь к добродетели беспомощно протестовала. Неправильно, что жадность и ненависть, страх и насилие проникают в самые прекрасные уголки милой патриархальной Англии. Плохо, что созданная высшим разумом холодная зимняя красота осквернена неспособностью человека жить в ладу с самим собой и с окружающими людьми; что убийство чернеет подобно грязному пятну на безупречно белой скатерти.

Хотелось верить, что влюбленным всегда светит солнце, чувствовать в небесах присутствие Бога и знать, что все правильно в мире, где не звучат фальшивые ноты. Возможно, так проявлялась слабость, сказывалось стремление уйти от реальности, спрятаться от горькой правды бытия. Однако избавиться от собственной души невозможно.

Путники зашагали дальше по снегу, а когда приблизились к церкви, увидели у ворот пастора. Тот сразу узнал Николаса Блейза и кивнул в знак приветствия.

- Доброе утро, дружелюбно произнес он и, немного помолчав, смущенно добавил: Слышал страшную новость. Хотел дойти до вашего дома и узнать, не нужна ли помощь, но решил, что не нужно вторгаться, если тебя не просят.
- Очень благородно с вашей стороны подумать о нас, ответил Блейз. Полиция уже все взяла под свой контроль. Сделать ничего нельзя, остается лишь сидеть и ждать.
- Ах да, вздохнул пастор. Полиция. Офицеры, естественно, заняты расследованием. Он печально покачал головой. Бедный мистер Рейнер! Ужасная кончина! Да еще

в то время, когда мы должны думать о мире на земле и о милосердии. Вдвойне трагично.

— Наверное, вы много общались с мистером Рейнером? — спросил Мордекай Тремейн.

Пастор покачал головой:

 Я знал этого человека, но, к сожалению, редко видел среди прихожан.

На мгновение сквозь образ священника проступил простой смертный и отдал дань любопытству:

- У полиции уже появились версии и подозрения?
- Если появились, то хранятся в тайне, ответил Николас Блейз.

Мордекай Тремейн перевел разговор в иное, более безопасное русло:

— Нам очень понравилось пение хора. Голоса звучали прекрасно.

Внезапная перемена темы не огорчила пастора. Напротив, он испытал заметное облегчение, словно пожалел о вопросе и теперь спешил отвлечь от него внимание собеседников.

- Очень рад, улыбнулся он. Уверен, что певцы тоже получили огромное удовольствие от выступления в главном доме деревни. Достойная кульминация вечера.
- Участники вашего хора местные жители? осведомился Мордекай Тремейн.

Ему показалось, будто пастор замялся.

- Разумеется, я всех их знаю, наконец ответил он.
- Они из этой деревни?
- Из деревни и из ближайших окрестностей. За исключением Дезмонда Латимера. Впрочем, он тоже свой, хотя живет в одном из центральных графств.

Обманчиво беззаботный вид Мордекая Тремейна скрывал далекоидущие намерения.

- Латимер? Довольно высокий, хорошо сложенный, темноволосый?
- Описание полностью соответствует внешности, подтвердил пастор.

До сих пор его внимание было сосредоточено на Николасе Блейзе, но сейчас священнослужитель с любопытством

взглянул на стоявшего рядом с секретарем скромного джентльмена в пенсне.

- Вы с ним знакомы?
- Пока не представлены друг другу, пояснил Мордекай Тремейн. — Но я увидел его среди хористов и особенно отметил, потому что, подъезжая к дому, встретил у ворот. Боялся заблудиться в темноте и спросил, где находится Шербрум-Хаус.

Он помолчал в ожидании реакции. Доброе лицо пастора было задумчивым и слегка озадаченным. Тремейн заметил сомнение и продолжил:

- Следует признать, незнакомец удивил необычной внешностью. Похоже, ему есть что рассказать.
- Латимер снимает в деревне комнату. Можете с ним встретиться, произнес пастор.
- Очень бы хотелось, признался Тремейн с беспечным видом и, словно между прочим, добавил: Полагаю, святой отец, все ваши... подопечные покинули Шербрум-Хаус так же дружно, как и явились?

Пастор удивился, не сразу поняв, что подразумевает любознательный джентльмен.

- После выступления? Вы это имеете в виду? Да, мы вышли все вместе.
- Вы уверены? Хор большой. Четырнадцать человек. Думаю, кто-то мог отстать. Заметить непросто, особенно в темноте.
- Четырнадцать? Честно говоря, не пересчитывал. Да, пожалуй, кто-нибудь мог потеряться. Мы выходили отдельными группами... Священник неожиданно замолчал и встревожился. Смысл разговора наконец-то дошел до него. Вы ведь не думаете, что кто-то действительно пропал?
- Я лишь хотел узнать, уверены ли вы, что все хористы оставались на месте. Предположим, вам зададут такой вопрос. Сможете ли вы подтвердить, что каждый из подопечных вышел из дома вместе с остальными?

Пастор покачал головой:

— Нет, боюсь, что не смогу. — Он заметно разволновался. — Сожалею, джентльмены, что не имею возможно-

сти продолжить беседу. Служба обязывает. Надеюсь, вы простите?

— Разумеется, — кивнул Мордекай Тремейн. — Это вы извините меня за то, что задержал вас своими банальными вопросами. Кажется, становлюсь чересчур любопытным!

Пастор торопливо повернулся, зашагал по дорожке и вскоре скрылся в церкви. Постояв секунду-другую, Тремейн и Блейз пошли далыше.

- Вы совсем расстроили старика, Мордекай, заметил Николас Блейз. Он определенно что-то знает, причем об этом самом Латимере.
- Вероятно, согласился Тремейн. Когда я спросил, мог ли кто-нибудь из подопечных остаться в доме, сразу стало понятно, что пастор об этом не думал. Но так же было ясно, что в первую очередь он заподозрил именно Латимера. Следовательно, святой отец знает, почему именно эта овечка могла отбиться от стада.
- Хочется его догнать и поставить вопрос ребром, решительно заявил Блейз, но скорее всего внятного ответа не последует.
- Не переживайте, Ник. Пастор вряд ли утаит важную информацию. Он не нарушит тайну исповеди в разговоре с нами, но когда придет время, честно изложит офицеру полиции все, что услышал от прихожан.

В деревне теплилась жизнь. Мимо пробежала веселая детская компания с санками, и Мордекай Тремейн проводил ребятишек нежным грустным взглядом. Чуть дальше из ворот гостиницы вышли два явно не местных человека. Одежда выдавала городских жителей, причем оба посмотрели на Тремейна и его спутника так, словно спрашивали, что привело их в Шербрум.

Мордекай Тремейн ощутил легкое возбуждение. Репортеры. Итак, пресса уже заинтересовалась событием. А ведь до сих пор царила тишина. Убийство, случившееся в ранние часы рождественского утра, не попало в предпраздничные номера газет. В первый и второй дни Рождества английская пресса хранила молчание. И только к северу от границы, где шотландцы терпеливо дожидались наступления Нового года, можно было прочитать мировые новости.

Но завтра — ах завтра! Страницы запестрят сенсационными заголовками газет. Специальные корреспонденты поразят читателей красочным рассказом о том, как смерть явилась в Шербрум и разрушила рождественскую сказку. Глаза Мордекая Тремейна азартно заблестели.

— Давайте зайдем и что-нибудь выпьем, Ник, — предложил он и направился к гостинице, однако в двух шагах от двери остановился и схватил его за руку. — Помяни черта, и он появится!

Из бара появился мужчина — высокий, темноволосый. Плотной фигурой он почти загородил дверной проем. В его взгляде мелькнуло узнавание, и он замедлил шаг, но только на пару мгновений. Прежде чем Мордекай Тремейн успел обратиться к нему, незнакомец быстро прошел мимо.

— Не желает вступать в разговор, — усмехнулся Николас Блейз. — Ничего удивительного.

Мордекай Тремейн поправил пенсне на переносице.

На его месте я тоже вряд ли захотел бы общаться, — заметил он.

Они вошли в бар. Низкий потолок едва не вибрировал от гула множества голосов. Табачный дым висел плотным синим туманом. Ошущался волнующий, терпкий аромат рождественских сигар. Мордекай Тремейн уверенно прошествовал к стойке и заказал пиво. С кружкой в руке он принялся изучать посетителей — преимущественно местных жителей. Тремейн слышал характерный говор, видел загрубевшие от крестьянского труда руки. В дальнем конце зала дружная компания играла в дартс. Вдруг зрители притворно застонали и засмеялись. Кто-то позорно промахнулся: стрела вонзилась в доску в двух дюймах от мишени.

Сквозь дымовую завесу Мордекай Тремейн не без труда рассмотрел неудачника. Тот снова прицелился и на сей раз уверенно попал в двойную вершину. Игрок стоял боком. Профиль четко выделялся на фоне просторного эркера. Это лицо Тремейн уже видел в Калнфорде... в зеркале, когда сидел в чайной. Заметил ли его игрок в тот момент, когда они с Николасом Блейзом вошли в бар? Может, потому и промахнулся? Он дернул спутника за руку.

— Знаете его, Ник?

Блейз кивнул. В его голосе прозвучала настороженность.

- Да. Его зовут Бретт. Он снимает комнату в гостинице.
- Чужой?
- Не из наших мест.
- Я уже видел его однажды, пояснил Мордекай Тремейн. Причем в обществе Шарлотты Грейм. Вас это не удивляет?
- Шарлотта знает, что вы ее видели? спросил Блейз, не дав прямого ответа.
- Да. Потому что упорно отрицала, что находилась там. Тремейн не смотрел на Блейза. Он все еще изучал человека, стоявшего среди участников игры. Кажется, пока Бретт не замечал, что за ним наблюдают. Тайный друг Шарлотты Грейм оказался не настолько высоким, как думал Тремейн, да и худоба не так явно бросалась в глаза, как в ярком свете чайной. Однако нервная, пружинистая энергия по-прежнему присутствовала в нем. Глаза под густыми бровями горели тем же странным огнем, а лицо хранило голодное, жадное выражение. Пугливым этот человек определенно не был. Может, его промах случайно совпал с появлением в баре двух новых посетителей?

Мордекай Тремейн взвесил шансы и пришел к выводу, что версия совпадения неприемлема. Если Бретт и не заметил, как они с Блейзом вошли, то наверняка обратил внимание в следующий момент, и рука дрогнула. Но почему же игрок занервничал при виде человека, которого встретил лишь однажды, да и то вряд ли запомнил? Напрашивался разумный ответ: за прошедшее с той мимолетной встречи время Бретт успел узнать нечто такое, что заставило его бояться Мордекая Тремейна.

Картина начала проясняться. Вчера днем Шарлотта Грейм тайком вышла из дома. Только она, если не считать Люси Тристам, знала о случайной встрече в Калнфорде. Скорее всего мисс Грейм нашла Бретта и сообщила, что Мордекай Тремейн увидел их вместе и запомнил. А еще предупредила, что джентльмен сотрудничает с офицером полиции, расследующим убийство Джереми Рейнера. Итак, холодным мрачным

днем Шарлотта Грейм отправилась к Бретту, чтобы известить его об опасности. Следовательно, на то имелась серьезная причина.

Глаза привыкли к дыму, и теперь Мордекай Тремейн отчетливо различал резкие черты лица игрока. Видел жесткую линию тяжелого подбородка, даже багровый синяк под глазом и длинную кривую царапину на щеке. Внезапно он понял происхождение этих ран и затаил дыхание. Картина, до этого момента остававшаяся темной и туманной, вдруг ожила в мельчайших подробностях. Мордекай Тремейн тщательно проверил каждую логическую линию. Если удастся все запомнить сейчас, пока впечатления свежи, то больше не придется двигаться вслепую, мучительно пытаясь уловить в колебании теней размытые контуры правды.

В дальнем конце бара мелькнуло лицо. Внимательное, ничего не упускающее, умное. Лицо это показалось Тремейну смутно знакомым. Пришлось заглянуть в пыльную кладовую памяти, чтобы отыскать причину тревожного ощущения дежавю. И причина нашлась. Репортер. Лицо, сосредоточенное на его персоне, принадлежало журналисту, так же пытавшемуся вспомнить, где он видел скромного немолодого джентльмена в старомодном пенсне.

Мордекай Тремейн поставил на прилавок пустую кружку и повернулся к Николасу Блейзу:

- Кажется, нам пора, Ник.

Выйдя из бара, он вздохнул с облегчением. Вряд ли присутствие в деревне журналистов могло нести конкретную опасность, но все же следовало вести себя осторожно. Если один из сообразительных репортеров свяжет его с личностью того Мордекая Тремейна, который не так давно прославился расследованием другого преступления, сотрудничество с суперинтендантом окажется под угрозой. Несмотря на готовность к неофициальному общению, газетной шумихи Кэннок не одобрит. Ему предстоит регулярно отчитываться перед начальством, а оно не потерпит участия сыщика-любителя в серьезном полицейском расследовании.

На обратном пути Николас Блейз хранил молчание, и погруженный в размышления Мордекай Тремейн не пытался

вовлечь его в разговор. Лишь около ворот Блейз неуверенно заметил:

— Не хочу, чтобы вы, Мордекай, подумали, будто я что-то скрываю. Особенно после того, как сам вас сюда пригласил. Но есть вещи, о которых я не имею права говорить.

Мордекай Тремейн взглянул на него поверх пенсне:

- Имеете в виду нашего друга мистера Бретта?
- Да, Бретта.

Тремейн улыбнулся. Его глаза светились теплом и пониманием, однако секретарь слишком глубоко погрузился в свои переживания, чтобы заметить это.

- По-моему, я знаю причину, Ник.

Они проходили мимо сторожки. Блейз посмотрел в сторону.

— Как вы думаете, что заставило Джереми Рейнера отправиться сюда среди ночи? — произнес Тремейн.

Секретарь резко обернулся:

- Разве он сюда приходил?
- Да. Судя по всему, непосредственно перед убийством. Можете что-нибудь предположить, Ник? Зачем ему понадобилось лезть по снегу, когда все уже спали?
- Ясно одно, медленно проговорил секретарь. Мотив был серьезным. Что считает полиция? Полагаю, им это обстоятельство известно?
- Известно лишь то, что Джереми Рейнер заходил в сторожку. Остается выяснить зачем. Во время моей последней встречи с суперинтендантом он еще этого не знал. Может, мистер Грейм представит убедительную версию?

Николас Блейз ответил после долгой паузы:

- Бенедикт прочно завладел вашими мыслями, Мордекай. Мое мнение по данному вопросу вам известно.
- Твердая позиция делает вам честь, Ник, но, к сожалению, не дает ответа на вопрос. Если Джереми Рейнер зачем-то отправился ночью в сторожку, то напрашиваются два объяснения: или он пошел туда по собственной инициативе, или кто-то приказал ему зайти в заброшенное строение. Если верна первая причина, то перед нами открывается широкое поле возможностей, но если вторая, тогда... отправить его туда

мог единственный человек, обладавший значительным влиянием. Бенедикт Грейм.

- Но зачем Бенедикту понадобилось посылать Рейнера в сторожку? Там давно никто не живет. Да и время выбрано более чем странное
- Мне показалось, что вы могли бы предположить разумную причину.

Николас Блейз помрачнел:

- Послушайте, Мордекай, если вы подозреваете в преступлении Бенедикта, то совершаете огромную ошибку. Я точно знаю, что он невиновен. Не сомневаюсь, что порой между друзьями возникали разногласия, но они всегда оставались близкими людьми.
- Можете ли вы доказать невиновность мистера Грейма, Ник? — не отступал Мордекай Тремейн. — Доказать, что, развесив подарки и поднявшись к себе, он вскоре не спустился снова?
- Нет, признался Блейз после долгого молчания. Но я знаю Бенедикта и уверен, что он не убивал Джереми!

Его искренность проявилась в ноте отчаяния. Мордекай Тремейн сдержанно заметил:

— Не терзайте себя, Ник. Пока обвинения против вашего хозяина нет. Обещаю, что, если появится нечто важное, немедленно вам сообщу.

Ленч прошел в обычной угрюмой обстановке. Время от времени все натужно пытались изобразить веселье, однако вскоре снова наступало глубокое молчание. За каждым стулом словно стоял призрак Джереми Рейнера. Осмотревшись, Мордекай Тремейн увидел, что лишь хозяин да он сам свободны от гнетущего страха. Мистер Грейм воодушевленно рассуждал, энергично привлекая и удерживая всеобщее внимание, и вообще действовал, как капитан получившего пробоину судна, отчаянно старающийся сплотить испуганную команду.

За время, прошедшее с момента убийства, Грейм значительно укрепил собственное положение. Другие с каждым часом все больше волновались, а он уверенно набирал силу. Мордекаю Тремейну показалось даже, будто хозяин наслаждается ситуацией. И не просто наслаждается, но каким-то

образом контролирует ход событий. Тремейн посмотрел на Бенедикта и наткнулся на лукавый взгляд голубых глаз. Густые брови слегка поднялись. Наверное, мистер Грейм приглашал разделить шутку, которую, по его мнению, могли оценить только двое.

Джеральд Бичли к ленчу не вышел. Пустой стул словно являл собой вопросительный знак, приглашавший к комментариям, однако до сих пор их не получивший. Похоже, все знали, что упоминать об отсутствии Джеральда не следует. И только Мордекай Тремейн, еще не успев познать всех тонкостей местного этикета, отважился спросить прямо:

— Интересно, что случилось с мистером Бичли? — обратился он к Розалинде Марш, которая вновь оказалась его ближайшей соселкой.

Та посмотрела на него с легким удивлением:

- $-\,$ Я думала, вы уже знаете. Джеральд снова утонул в бутылке.
 - Снова?
- Это случается далеко не впервые, пояснила мисс Марш.

Судя по всему, она решила, что Тремейн изображает неведение, чтобы вытянуть из нее информацию. Короткий диалог с Розалиндой Марш уже привлек внимание присутствующих. Мордекай Тремейн полагал, что конкретные слова не долетели до любопытных ушей, но и Остин Деламер, и профессор Лорринг смотрели в их сторону настороженно.

Обстановка в доме накалилась до такой степени, что каждый из его обитателей тайно следил за остальными, стараясь не пропустить даже мелкой подробности, имевшей отношение к трагедии. И все, как один, следили за Тремейном. Каждое действие и слово подвергалось анализу в надежде обнаружить намек на суждения и подозрения как опасного джентльмена, так и сотрудников полиции.

Мордекай Тремейн подумал, что не столько сидит на пороховой бочке, сколько служит фитилем. Осталось лишь поднести спичку, чтобы бочка взорвалась.

После ленча Бенедикт Грейм взялся развлекать гостей. Он решил, что нельзя сидеть по комнатам, размышлять о худшем

и обреченно ждать, когда всеобщее раздражение и подозрение приведут к неизбежному кризису. Вторая половина дня прошла в старомодных играх. Странно, что никто не отказался участвовать в нелепых забавах. Даже профессор Лорринг позволил завязать себе глаза, ограничившись невнятным ворчанием.

Основная нагрузка легла на плечи Николаса Блейза. Снова и снова хозяин окликал секретаря, и тот безропотно позволял превратить себя в мишень для нового издевательства. С его лица не сходила улыбка, хотя внутреннее напряжение порой прорывалось в нервозной суете. В отношении Ника к благодетелю присутствовала почти собачья преданность, казавшаяся Тремейну особенно трогательной.

Бенедикт Грейм так властно руководил весельем, что скрыться от этого было трудно. Когда же наконец неуемная энергия хозяина истощилась, Мордекай Тремейн незаметно выскользнул из гостиной и вздохнул с облегчением. Обстановка, накалившись до предела, уже граничила с истерикой. Зрелище множества взрослых людей, скованных темным страхом и в то же время из последних сил пытавшихся изобразить веселье, предстало не просто гротескным, но почти неприличным.

Дверь комнаты Джеральда Бичли была заперта. Мордекай Тремейн постучал с бесцеремонностью человека, не допускавшего мысли об отказе, и через несколько мгновений услышал шаркающие шаги. Дверь распахнулась. Неестественно румяный Джеральд Бичли стоял на пороге, покачиваясь, и смотрел на него в упор.

— Я хочу поговорить с вами, — заявил Мордекай Тремейн. Уверенный, твердый голос проник в размытое алкоголем сознание. Бичли не помешал незваному гостю войти. Он закрыл дверь и упал в придвинутое к камину кресло. Мордекай Тремейн посмотрел на пламя и спросил:

— Сегодня вы жгли улики?

На распухшем лице отчетливо проступил страх.

— О чем вы?

Хотя Джеральд Бичли много выпил, но способности соображать он еще не утратил. Покрасневшие глаза смотрели хитро и агрессивно.

— О том, что суперинтенданту Кэнноку известно, что вчера вы сожгли в камине костюм Санта-Клауса, и сделали это так неаккуратно, что полицейским экспертам не составило труда понять, от какой именно вещи вы пытались избавиться.

Бичли приподнялся в кресле.

— Пронырливая змея, — угрожающе пробормотал он. — Подожди, вот только доберусь до твоей мерзкой шеи...

Мордекай Тремейн невозмутимо посмотрел на него.

— Насилие вам не поможет, — спокойно произнес он. — A вот откровенность пойдет на пользу.

Его тон подействовал на Бичли отрезвляюще. Агрессия исчезла. Он снова упал в кресло.

- Что вам нужно?
- Вы купили в Калнфорде костюм Санта-Клауса, а потом сожгли в камине, потому что испугались, что его у вас найдут. В этом наряде вы разгуливали в ночь смерти Джереми Рейнера.
- А вы следили за мной! воскликнул Джеральд Бичли, и в его голосе прозвучала ненависть. Явились сюда, чтобы подглядывать, подслушивать и вынюхивать! Но чтобы выдвинуть обвинение, нужны доказательства, а против меня доказательств нет!
- Не стал бы заявлять столь уверенно, возразил Мордекай Тремейн. А если кто-нибудь сообщил полиции о том, что вы купили красную шубу и шапку? Положение не самое приятное.
- Возможно, презрительно усмехнулся Бичли. Вот только никто не сообщил.
 - Ошибаетесь. Сообщил Бенедикт Грейм.

На самом деле мистер Грейм не обращался непосредственно к суперинтенданту, но, беседуя с Тремейном на террасе, понимал, что каждое слово будет передано Кэнноку.

Эффект оказался неожиданным. Джеральд Бичли начал задыхаться и откинулся на спинку кресла, словно получил сильнейший удар в грудь.

- Бенедикт? прошипел он. Бенедикт сказал?
 Мордекай Тремейн кивнул:
- Да, мистер Грейм.

Бичли попытался приспособиться к новой сложной ситуации, которой совсем не ожидал. Облизнул губы. Пристально наблюдая за ним, Мордекай Тремейн увидел, что его лицо утратило выражение страха, а неуверенность уступила место мстительности. Наконец Бичли подался вперед. Глаза заблестели. Схватив Тремейна за рукав, он хрипло произнес:

- Если полиция стремится узнать правду, то имеет смысл ответить на один важный вопрос: где находился Бенедикт во время убийства Джереми?
- Разумно предположить, что спал в своей постели, промолвил Тремейн.
- Дело в том, что его там не было, заявил Бичли. Комната пустовала.
 - А откуда это обстоятельство известно лично вам?

На сей раз ему не удалось сохранить полную невозмутимость, и Бичли внезапно сообразил, куда завела его ненависть. Он снова откинулся на спинку кресла и замкнулся в себе, будто спрятался в раковину.

- Я пошутил, - произнес он. - Выпил лишнего. Сам не знаю, что говорю.

Глядя в его опухшее лицо, Мордекай Тремейн понял, что температура достигла точки воспламенения. Бичли испугался до такой степени, что мог поступить непредсказуемо. Оценив масштаб фигуры, величину и силу рук, Тремейн решил, что пришла пора ретироваться.

— Что ж, отлично, — миролюбиво заключил он. — Если вдруг почувствуете, что настроение изменилось, сразу дайте знать.

Джеральд Бичли не попытался задержать опасного посетителя. Тот беспрепятственно вышел в коридор, глубоко вздохнул, провел ладонью по лбу и подумал, что, наверное, так чувствует себя дрессировщик, выйдя из клетки тигра. Однако риск оправдался. Если Джеральд Бичли знал, что в ночь убийства комната Бенедикта Грейма пустовала, значит, заходил туда. А в результате пропало драгоценное колье.

Несомненно, лишь опасение выдать себя заставило его замолчать. В мстительном стремлении обвинить Бенедикта Грейма Бичли забыл, что разоблачает не только его, но и себя.

Ночь не время для светских визитов. В сочетании с известными финансовыми затруднениями и странным вопросом в холле — не пропало ли что-нибудь — факт представлял неопровержимое свидетельство воровства.

Однако в данную минуту Мордекай Тремейн беспокоился вовсе не о судьбе колье. Важнее казалось то обстоятельство, что Бенедикт Грейм, не услышавший шума и так не скоро отозвавшийся на стук в дверь, в ночь убийства на некоторое время выходил из комнаты.

В мстительном порыве Джеральд Бичли раскрыл тайну своего благодетеля. До его свидетельства неподтвержденное алиби Бенедикта Грейма выглядело ничуть не менее убедительным, чем все остальные. А теперь оно разбилось вдребезги.

Глава 16

Газеты набросились на новую жертву с жадностью, усиленной двухдневным воздержанием. Обстоятельства и сценарий убийства оказались достаточно странными и представили богатый материал для подробного описания. Немалую роль сыграла и характерная для мирного Рождества нехватка новостей. Горькая ирония лежавшего под елкой мертвого Санта-Клауса, украденные подарки, заснеженная деревня, послужившая идеальной декорацией для преступления, — все разжигало и без того буйное воображение журналистской братии. А свободное пространство страницы позволяло творческой фантазии излиться в особенно красноречивых пассажах.

Утро Мордекай Тремейн провел в поисках свежих газет и чтении. К счастью, его имя ни разу не встретилось в сообщениях. Судя по всему, репортеры не успели установить личность смутно знакомого джентльмена и не направили на него свои безжалостные перья. Если не учитывать цветистые описания, пока статьи сообщали лишь общие факты: рано утром под елкой обнаружено мертвое тело. В то же время таинственным образом пропали все подарки, которые, следуя традиции, развесил на ветках ели хозяин дома. Мордекай Тремейн об-

наружил в сообщениях строгий нрав суперинтенданта Кэннока. Сдержанный офицер сообщил представителям прессы сухие факты и пресек дальнейшие расспросы. Ему явно не хотелось, чтобы газеты преждевременно представили широкой публике излишнюю информацию.

Однако не следовало надеяться, что благоприятная ситуация сохранится на неопределенное время. Репортеры входили во вкус, получив возможность бесконечно развивать сюжет. В результате то обстоятельство, что суперинтендант Кэннок держал журналистов вдали от Шербрум-Хауса, а гости не выходили из дома и не давали интервью, не сыграло решающей роли.

Теперь Лондон непременно потребует продолжения истории. Следовательно, заполнивший деревню боевой отряд начнет действовать более прямолинейно и агрессивно. Каждому из обитателей дома придется выдержать вежливый, но настойчивый допрос.

Пока внимание прессы сосредоточилось на Остине Деламере, что было естественным, учитывая публичность политика. Газеты уже представили читателям краткий обзор его карьеры и на всякий случай подготовили более подробные материалы. Деламеру шум не нравился. Он с жадностью читал каждую новую газету и все глубже погружался в уныние, а страницы листал с яростным презрением, будто мечтал добраться до тех негодяев, которые писали и печатали всю эту дрянь. Его ни в чем не обвиняли. Нигде не промелькнуло ни одного предположения ни о причастности Деламера к смерти Джереми Рейнера, ни о понимании причины убийства. Однако имя политика упоминалось в связи с преступлением и последствия могли оказаться печальными.

Для Мордекая Тремейна интерес прессы и реакция Деламера означали, что тот сознавал шаткость собственной репутации и боялся спровоцировать хотя бы намек на скандал, чтобы не растормошить давние подозрения и не оказаться перед угрозой отставки.

— Понятно, что газетам не стоило труда превратить ваше пребывание в Шербрум-Хаусе в тему для спекуляций, — заметил Тремейн, намеренно добиваясь реакции Деламера. —

Полагаю, это лишь одно из множества неудобств, с какими приходится мириться известному человеку.

Политик сердито зашуршал газетой.

— Черт подери всех этих вампиров! — возмущенно проворчал он. — Неужели нельзя оставить человека в покое?

Он старался говорить гневно, однако дрожь в его голосе выдавала совсем другие чувства. Мордекай Тремейн знал, что Остина Деламера терзает страх.

Он оставил беднягу страдать и, одевшись потеплее, вышел на террасу, где встретил миссис Тристам. Собственно, увидев прекрасную Люси, Тремейн и принял решение подышать свежим зимним воздухом. Закутавшись в шубу, красавица неспешно прогуливалась вдоль французского окна той самой комнаты, где встретил смерть Джереми Рейнер.

— Не желаете ли перед ленчем пройтись до деревни и обратно? — любезно предложил Тремейн.

Миссис Тристам ответила не сразу. Возможно, нерешительность объяснялась тем обстоятельством, что она только сейчас заметила его присутствие.

- Нет, спасибо. Слишком холодно для дальней прогулки.
- Да, вы правы, многозначительно промолвил Мордекай Тремейн. Тем более что в Шербруме уже рыщут любопытные журналисты.

В ее зеленых глазах вспыхнули искры. Что это — гнев или страх?

- Разве журналисты опасны? процедила Люси сквозь зубы.
- А разве нет? Мордекай Тремейн взглянул поверх пенсне и продолжил: Журналисты весьма настойчивы. Задают разные вопросы. Даже могут спросить о чем-нибудь неприятном.

Она машинально шагнула навстречу. Лицо ее запылало румянцем. В эту минуту Люси Тристам выглядела очень хорошенькой... и злой.

— Даже не знаю, как вас назвать, — с ненавистью проговорила она. — Не похоже, чтобы в этих венах текла теплая

кровь. Поначалу я не думала, что от вас может исходить опасность: приняла за безвредного любопытного болтуна, — но сейчас... — Ее рука скользнула по рукаву, и даже сквозь перчатку и пальто Мордекай Тремейн ощутил обжигающее прикосновение. — Сейчас понимаю, что жестоко ошиблась... Что именно вам известно?

— Известно, что Джереми Рейнер любил вас, а Бенедикт Грейм любит и сейчас.

Люси Тристам порывисто отвернулась и посмотрела вдаль.

- Предположение не доказательство.
- Вряд ли теперь удастся доказать любовь Джереми Рейнера. Но как насчет Бенедикта Грейма?
 - При чем здесь Бенедикт? удивилась Люси.
 - Вы понимаете, что над ним сгущаются тучи?
- Нет, не понимаю. Она повернулась, и в ее голосе зазвучали настойчивые ноты. Что вы хотите этим сказать? Что-нибудь произошло?

Мордекай Тремейн поправил пенсне:

— Ночью, когда было совершено убийство, Бенедикт Грейм выходил из своей комнаты. Джереми Рейнер вас любил. И вот теперь Джереми Рейнер мертв. Представляете, какие выводы сделает полиция из этих простых фактов?

Он сумел произвести на Люси должное впечатление. Красавица покраснела, а потом побледнела.

— Это неправда, — горячо возразила она. — Неправда! Бенедикт не убивал Джереми! Я точно знаю, что не убивал. Потому что...

Она замолчала. В ее глазах мелькнул страх.

- Почему?

Однако Люси Тристам не ответила. Она зарыдала и поспешно удалилась.

Через пару мгновений Мордекай Тремейн услышал сухой притворный кашель. Он обернулся и увидел, что на террасу вышел Эрнест Лорринг.

- Кажется, вы обладаете особым даром доводить людей до слез, язвительно произнес он.
- Только тех, кто имеет особые причины для расстройства, спокойно парировал Мордекай Тремейн.

Густые черные брови Лорринга сошлись у переносицы. Он презрительно усмехнулся и прошел мимо. Тремейн невозмутимо продолжил:

— Полагаю, елка вас больше не интересует.

Профессор остановился и обернулся так резко, что его каблуки заскрипели на снегу. Узкое лицо потемнело от ярости.

— Осторожнее, Тремейн! — прорычал он. — Предупреждаю: не заходите слишком далеко!

Мордекай Тремейн порадовался, что их встреча произошла на террасе: вряд ли Лорринг решится наброситься с кулаками у всех на виду, — а вот без свидетелей вполне можно было бы ожидать нападения. Лорринг все-таки сумел подавить гнев и медленно отвернулся. Мордекай Тремейн дождался, пока профессор уйдет, и только после этого открыл французское окно и вернулся в дом.

Переступив порог, он сразу оказался лицом к лицу с Бенедиктом Греймом. За спиной хозяина стояли Дени Арден и Роджер Уинтон. Все трое только что стали свидетелями неприглядной сцены. Мистер Грейм смущенно откашлялся.

— Простите, Тремейн, — извиняющимся тоном произнес он. — Боюсь, общаться с мистером Лоррингом порой бывает довольно сложно. Да и понять его непросто. Одно утешает: профессор часто говорит то, чего на самом деле не думает.

Итак, Бенедикт Грейм старался представить ученого в невыгодном свете. Интересно, видел ли хозяин, как сам он разговаривал с Люси Тристам, и существовала ли здесь какая-то связь? Мордекай Тремейн внимательно оглядел комнату. Она оставалась почти такой же, как в то время, когда под елкой лежал труп Джереми Рейнера, а трагедия представлялась неожиданным и оттого еще более болезненным ударом. Хотя полиция уже завершила расследование, обитатели дома проявили нежелание использовать комнату по назначению. Даже слуги еще не начали здесь уборку. Тремейн пристально посмотрел на елку и обратился к хозяину:

— Не кажется ли вам несколько странной одна из карточек? Я говорю о той, где значится имя мистера Рейнера. Не согласитесь ли снять ее и показать?

Бенедикт Грейм взглянул на него с удивлением, но ничего не возразил. Он принес стремянку, которая по-прежнему стояла у стены. Роджер и Дени с интересом наблюдали, как хозяин поднялся по узким ступенькам и снял карточку с ветки. Через пару мгновений он уже спустился и протянул Тремейну кусочек глянцевого картона. Тот принялся рассматривать добычу, глаза заблестели от возбуждения.

 Итак, — осведомился мистер Грейм, — о чем же она вам сообщает?

Мордекай Тремейн аккуратно спрятал карточку в карман.

— О многом, — ответил он.

Казалось, Бенедикт Грейм хотел задать следующий вопрос, однако, бросив быстрый взгляд на Дени и Роджера, передумал и сказал:

— Если не возражаете, я разыщу Ника. Нам надо кое-что обсудить.

Едва за хозяином закрылась дверь, Мордекай Тремейн обратился к Роджеру Уинтону:

- Молодой человек, на вас до сих пор не надели наручники?
- Только благодаря вам, произнес тот. Если бы вы не вмешались, суперинтендант уже давно посадил бы меня за решетку.
- Даже не знаю, как вас благодарить, проговорила Дени Арден. Если бы вы не повлияли на мистера Кэннока, он ни за что не поверил бы Роджеру.

Она была такой серьезной и искренней, что Мордекай Тремейн даже смутился. Его по ошибке назвали героем и наградили медалью за выдуманный подвиг.

— Известно ли вам, что на самом деле опекун не возражал против вашего брака? — спросил он.

Дени Арден посмотрела на него с удивлением:

- Категорически возражал. И мы не могли понять почему.
- Что заставило вас упомянуть об этом? поинтересовался Роджер Уинтон.
- Неважно, ответил Мордекай Тремейн. Кстати, вы уверены, что он вас ненавидел?

Уинтон нахмурился:

- Нет, не уверен. Первое время после знакомства с Дени наши отношения складывались нормально. И вдруг все изменилось. Иногда возникало странное ощущение, будто Джереми произносил чужие слова. Играл заученную роль. Мне казалось, что я просто воображаю то, что хочу видеть, чтобы не терять надежды. Но сейчас, когда вы об этом спросили, понимаю, что дело не в этом.
 - Вероятно, кивнул Мордекай Тремейн.

Он часто задумывался о Дени Арден и Роджере Уинтоне. Искренняя любовь всегда дарила его сентиментальной душе утешение.

День выдался нелегким. Страх перед журналистами держал обитателей дома в напряжении. Чувствовалось, что всем хочется уехать, но выбраться на свободу никто не решается. Предстояло пережить дознание и похороны, которые были назначены на следующий день. Пропустить хотя бы одно из этих важных мероприятий не представлялось возможным: осуждение окружающих последовало бы немедленно и неотвратимо.

Вечером Мордекай Тремейн поднялся в свою комнату. Живой интерес к событиям увял в удушающей атмосфере страха и всеобщих подозрений, сменившись усталостью и разочарованием. Вера в человечество едва теплилась, грозя окончательно исчезнуть. Он распахнул окно и, посмотрев вдаль — на сияющие в свете луны заснеженные поля, — с облегчением вдохнул холодный воздух, с надеждой ощутил его прикосновение к разгоряченному лбу. До сих пор азарт погони поддерживал силы, а стремление соответствовать масштабу грандиозной задачи вдохновляло на интеллектуальные подвиги. И вот задача сузилась до обычного уравнения. Пришлось близко познакомиться с участниками драмы, и вместо причудливых созданий, требующих бесстрастного изучения и холодного анализа, появились реальные люди, среди которых приходилось жить. А главное, теперь он точно знал, кто застрелил Джереми Рейнера.

Внезапно убийство словно превратилось в болезненное личное переживание. Оно несло трагедию, ужас и суровое наказание человеку, рядом с которым миновало несколько

дней, показавшихся вечностью. Мордекай Тремейн вздрогнул, снова перебрал в уме все доказательства и в очередной раз пришел к неизбежному выводу. Не желая верить очевидным фактам, попытался найти ошибку в рассуждениях и определить хотя бы мелкий штрих, позволявший усомниться в верности своей версии.

Но ошибки не было. И сомневаться не приходилось. Тремейн не знал всей истории. Суперинтенданту Кэнноку придется доказать кое-какие подробности, о каких он мог лишь догадываться. Но правда смотрела в глаза — ужасная и неоспоримая.

Мордекай Тремейн закрыл окно и лег в постель. Начал читать «Романтические истории», однако сосредоточиться не смог. Через несколько минут он закрыл журнал, выключил свет и приказал себе уснуть.

Очнувшись от нервного, полного тревожных видений сна и выйдя из комнаты, Тремейн попал в круг людей, каждый из которых со страхом и нетерпением ожидал дознания. Мороз сменился оттепелью. Снег начал таять, и укрывшая землю белая пелена превратилась в грязные лохмотья слякоти. Наступило безрадостное утро, не сохранившее даже смутного воспоминания о сказочном Рождестве.

Прежде чем отправиться в деревню, Мордекай Тремейн украдкой вошел в комнату, где стояла елка. Тусклый серый свет представил дерево не в лучшем виде. Ветки уныло поникли, украшения перекосились, а мишура утратила блеск.

Похороны не принесли острых переживаний. Священник провел в деревенской церкви службу, после чего Джереми Рейнер обрел вечный покой на небольшом кладбище. Торжественный обряд ничем не отличался от прочих, веками проходивших в древних стенах.

Дознание началось днем в местной школе. Мордекай Тремейн с любопытством разглядывал деревянные парты, доску, яркие карты на стенах и пытался представить красочные сцены учебы, но стоявшая перед ним важная задача не располагала к веселью.

Коронер оказался быстрым, по-военному точным юристом, отлично знавшим свое дело. Полицейское расследование

он считал единственно верным и не мог допустить хаотичного развития событий. Свидетелей опрашивал лаконично и четко, не позволяя им отклоняться от темы, и скоро определил, что Джереми Рейнер был убит одним человеком или группой лиц, чья личность пока не установлена.

Мордекай Тремейн показаний не давал. Из обитателей дома к ответу призвали только Бенедикта Грейма, Дени Арден и Николаса Блейза. В качестве остальных свидетелей выступили сотрудники полиции, в том числе доктор и суперинтендант. Кэннок отвечал коротко и официально, явно не желая раскрывать информацию, а доктор говорил на профессиональном языке, часто используя медицинские термины.

Во время перекрестного допроса Мордекай Тремейн изучал присутствующих. Помимо обитателей Шербрум-Хауса и репортеров в школу проникли несколько деревенских жителей. Возле дальней стены, чрезвычайно заинтересованные процессом, стояли двое: Дезмонд Латимер и тот самый человек, которого Николас Блейз назвал Бреттом.

Латимер был встревожен. На его лице застыло выражение какого-то предчувствия. Казалось, он ожидал, что с минуты на минуту ему на плечо опустится тяжелая рука констебля. Заметив на себе внимательный взгляд Тремейна, Латимер сразу же отвернулся. Бретт, напротив, вызывающе посмотрел на Тремейна и презрительно усмехнулся.

Когда дознание закончилось, пробиться к суперинтенданту было непросто: Кэннока окружила плотная толпа. После нескольких попыток Тремейну все-таки удалось поймать его взгляд, и офицер знаком показал, что необходимо срочно поговорить. Тремейн кивнул, медленно выбрался на размокшую дорогу и зашагал в сторону Калнфорда.

Никто, кроме Напьеров, не обратил внимания на его уход. Супруги стояли возле школы, в отдалении от остальных. На фоне серого камня, низкого свинцового неба и грязного снега они казались еще скучнее и зауряднее, чем обычно. Эвелин Напьер сжала руку мужа. Мордекай Тремейн не слышал слов, но знал, что оба со страхом смотрят ему вслед. Он не подал виду, что заметил это, однако задумался. Пройдя поворот дороги, скрывший его от посторонних глаз, Тремейн остано-

вился. Примерно через десять минут рядом притормозила машина суперинтенданта. Кэннок открыл дверцу и шутливо проговорил:

- Выглядите так, будто прячете в кармане убийцу!
- Может, и прячу, мрачно отозвался Мордекай Тремейн.

Кэннок сразу стал серьезным. Он вышел из автомобиля и спросил:

- Итак, кто же он?
- Рано называть имя, ответил Мордекай Тремейн. Не все доказательства собраны. Сначала надо кое-что выяснить.
 - Что именно?
- Например, зачем ушла из дома Шарлотта Грейм: чтобы встретиться с неким Бреттом, который временно живет в деревне?

Суперинтендант кивнул:

- Да. Она отправилась в гостиницу и спросила его.
- Против него что-нибудь есть?
- Пока нет. Скоро получу ответ на запрос.
- А как насчет мистера Бичли?

Кэннок потер подбородок:

- Джеральд Бичли вызывает серьезные сомнения. Он заметил слежку и попытался уйти. Бичли что-то скрывает.
 - В деревне он с кем-нибудь встретился?
- Нет. Но позвонил по телефону. Очевидно, не хотел звонить из дома. Я выяснил номер. Это частный адрес джентльмена по фамилии Рубенс старшего партнера фирмы «Макэнсти и Бренлоу», Калифордского отделения «Терф комишн».
 - Букмекер, заключил Мордекай Тремейн.
 - Да.
- А что удалось выяснить о гостях? О профессоре Лорринге и других?

Суперинтендант принялся рассказывать:

— Над Лоррингом я пока работаю. Чтобы все выяснить, требуется время. А об остальных кое-что узнал. Возможно, вас не удивит, что Остин Деламер замешан в нескольких темных

делах. Из последнего скандала он выбрался с трудом. Еще пара свидетельств, и карьере пришел бы конец. С тех пор минуло лет пять-шесть. Некрасивая история с размещением государственных контрактов. Если бы не исчезло написанное им письмо, он бы пропал. Не сомневаюсь, — сухо добавил Кэннок, — что Деламер вовремя это понял и принял меры.

- Как сейчас обстоят его финансовые дела?
- Весьма неплохо. Во всяком случае, насколько мне известно.
- Существует связь между Деламером и Рейнером... или Греймом?
- Ничего подозрительного. С Греймом он знаком несколько лет. Регулярно приезжает на Рождество.
 - А в прошлом Рейнера есть что-нибудь сомнительное? Кэннок покачал головой:
- Ну... все довольно туманно. Пока окончательно не выяснил. Приходится копать глубоко. Много лет подряд Рейнер опекал мисс Арден: оплачивал образование и прочее. Странно, однако, что, судя по всему, именно он погубил ее отца. Арден потерял состояние в какой-то мошеннической сделке с золотыми акциями, вскоре заболел пневмонией и умер. Дени тогда была совсем маленькой. Рейнера замучила совесть, и он занялся ее воспитанием. Должен заметить, что совесть оказалась чересчур сговорчивой. Ему пришлось бежать из Южной Африки, спасаясь от преследования полиции. Дело о незаконной покупке бриллиантов могло в итоге закончиться обвинением в убийстве. Да только Рейнеру удалось скрыться.
- Быстро работаете, суперинтендант, улыбнулся Тремейн.
- Криминальная полиция Рождество не празднует! воскликнул Кэннок, и в глубине его карих глаз вспыхнули лукавые искры. Есть и еще одна новость, специально для вас. Относительно Напьеров.
 - Ах, вздохнул Мордекай Тремейн, Напьеры...
- Гарольд Напьер не всегда носил такую фамилию, продолжил свой рассказ суперинтендант. Когда-то его звали Ньютон. Доктор Ньютон. Попался на продаже наркотиков пациентам. К его счастью, в следствии присутствовал эле-

мент сомнения, так что ему удалось вывернуться. Глядя на него сейчас, трудно представить, что когда-то мистер Ньютон блистал в свете, слыл завсегдатаем ночных клубов Уэст-Энда. Сорил деньгами направо и налево. И не собирался хоронить себя в деревне. Но однажды нервы не выдержали.

Мордекай Тремейн испытал глубокое удовлетворение человека, чьи догадки полностью оправдались. Он благодарно взглянул на Кэннока поверх пенсне.

- Вы многое прояснили, суперинтендант. Теперь постараюсь помочь вам в меру своих скромных сил. Известно ли вам имя человека, у которого Бенедикт Грейм купил Шербрум-Хаус?
- Подождите. Дайте вспомнить. Кажется, Мелвин. Дом принадлежал семейству Мелвин, так?
- Изначально. Но потом, когда все Мелвины умерли, поместье перешло к дальним родственникам. Бенедикт Грейм приобрел Шербрум-Хаус у некоего Латимера, а сейчас в деревенской гостинице живет Дезмонд Латимер. И в ночь убийства он находился в доме!

Суперинтендант замер.

- Что вы узнали? наконец спросил он.
- Сейчас расскажу.

Почти полчаса Тремейн подробно излагал свою версию, а когда закончил, суперинтендант полностью согласился с его выводами.

Глава 17

Впереди, на грязной дороге Мордекай Тремейн увидел женскую фигуру и ускорил шаг, а когда догнал, узнал Розалинду Марш.

- По крайней мере одна пытка миновала, - произнес он негромко.

Она повернулась к нему:

— Разве?

Тремейн сразу заметил, что мисс Марш выглядит бледной, истощенной и постаревшей. Холодная красота бесследно исчезла. В глазах застыли призрачные тени.

— Что сделали вы? — спросил Тремейн.

Вместо ответа Розалинда с горечью уточнила:

- Итак, конец настал, правда?
- Это неизбежно. Как только вызвали полицию, начался обратный отсчет.

Розалинда Марш засмеялась, но в ее смехе прозвучало отчаяние:

- Какая же я дура! Наивная, ничего не понимающая дура! Решила, будто и вы тоже в этом замешаны. Даже надеялась, что поможете.
 - Вы разговаривали с Лоррингом?
 - Нет. С ним нельзя разговаривать.
 - А с другими?
 - С другими? Бесполезно. Все напуганы.
 - Даже Деламер?
- Он больше всех. Надежным был только Джереми, только на него можно было положиться. Вам известно, что с ним случилось.
- Да, спокойно подтвердил Мордекай Тремейн. Мне известно, что случилось с Джереми.

До самого дома они не проронили больше ни слова. Розалинда Марш сразу поднялась в свою комнату, и Тремейн не пытался ее задерживать.

Дознание развеяло гнетущее напряжение, и оно сменилось лихорадочным облегчением. Не услышав конкретного обвинения, все развеселились и заговорили с неестественным оживлением. Однако Мордекай Тремейн знал, что они думают об одном и испытывают единственное желание: как можно быстрее скрыться, уехать. Отныне их ничто не удерживало. Каждый мечтал извиниться перед хозяином, проститься с ним и спастись бегством, унося с собой не только тайные страхи, но и чувство безопасности, дарованное расстоянием.

При первой же возможности Тремейн отвел в сторону Николаса Блейза.

- Готовы уделить мне пару минут, Ник? спросил он.
- Конечно. Блейз последовал за Тремейном в ту комнату, где погиб Джереми Рейнер, и плотно закрыл дверь. В выражении смуглого лица читалось любопытство.

- Что-нибудь обнаружили? поинтересовался секретарь.
- Да, Ник, кое-что нашел. Нужна ваша помощь. В этой комнате есть дверь в тайник. Умеете ее открывать?

Николас Блейз кивнул:

- Да. Все достаточно просто, если знать, куда смотреть.
- Накануне Рождества Дени Арден рассказала мне об убежище священника. Мы собрались исследовать его, но, когда пришли сюда, вы с мистером Греймом украшали елку. Полагаю, в обозримом прошлом никто не пользовался укрытием?
- Вряд ли. Сейчас это лишь историческая диковина. Других выходов из чулана нет.
 - Откройте, пожалуйста!

Блейз послушно подошел к стене и провел рукой по панели. Послышался легкий щелчок. Мордекай Тремейн достал из кармана фонарик и осветил мрачное подземелье.

Возле входа, на верхней ступеньке спускавшейся в подвал лестницы, пыль оказалась притоптанной, а паутина — разорванной. Очевидных следов не осталось, однако было ясно, что здесь стоял человек, причем совсем недавно. Николас Блейз удивленно воскликнул:

— Вы правы, Мордекай: здесь кто-то был! — В его глазах вспыхнул азарт. — Но кто? Вы знаете?

Мордекай Тремейн кивнул:

— Да. Но это еще не все, Ник.

Блейз задвинул скрывавшую вход панель и снова двинулся за Тремейном. На сей раз тот привел его в длинный мрачный коридор под крышей, где располагались кладовые. С темных стен смотрели потускневшие портреты многих поколений Мелвинов. Тремейн включил свет и остановился перед изображением человека в костюме всадника.

- Сэр Руперт Мелвин. Середина шестнадцатого века. Замечаете что-нибудь особенное, Ник?
 - Нет. А что тут можно заметить?

Мордекай Тремейн поднял руку и прикрыл ладонью нижнюю часть лица вместе с бородой.

Теперь видите?Блейз нахмурился:

- Странно. По-моему, я где-то встречал этого человека. Но разве такое возможно?
- Да, кивнул Мордекай Тремейн. Вы видели его здесь, в доме, в ночь убийства Джереми Рейнера.

Секретарь растерялся, явно не понимая, о чем речь. Тремейн взглянул на него поверх пенсне:

— На самом деле все не так безумно, как кажется. Покупая Шербрум-Хаус, Бенедикт Грейм встречался с предыдущим владельцем?

Николас Блейз задумался.

- Нет, ответил он после паузы. Все детали сделки проработали адвокаты.
- Именно так я и предполагал. Вы с мистером Греймом знали только фамилию продавца: Латимер.

Он распахнул ближайшую дверь. Из окна этой комнаты выбросилась несчастная леди Изабелла, и произошла трагедия давным-давно, задолго до рождения изображенного на портрете всадника. Мордекай Тремейн медленно приблизился к окну и посмотрел сквозь стекло. Далеко внизу, за низкой каменной балюстрадой, простиралось лоскутное одеяло полей. Пространство было бесконечным. Отсюда, с высоты, открывался обзор на много миль вперед.

— Наверное, ужасно столкнуться с необходимостью продать фамильное поместье, которым семья владела много веков, — произнес Тремейн после долгого молчания. — А Дезмонду Латимеру пришлось это сделать. Он тянул сколько мог. Даже не имея возможности жить в замке, отказывался расстаться с ним: приезжал каждое лето и ставил палатку в салу.

Николас Блейз кивнул:

- Да, теперь вспоминаю. Разумеется, мы никогда не видели прежнего владельца. Продав поместье, он больше не появлялся.
- Представьте, как он страдал, продолжил Тремейн. Когда-то вся земля за этим окном принадлежала его предкам, но жестокие обстоятельства заставили отдать в чужие руки не только угодья, но и сам дом. Дезмонд горевал, отчаянно горевал. Не исключено, что даже испытывал потребность ото-

мстить тем людям, которые, как ему казалось, узурпировали его личные права.

- Хотите сказать, что в тайнике прятался Латимер?
- Да. Он пришел вместе с рождественским хором. Пастор, конечно, его знает. Услышав, что певцы собираются выступить в Шербрум-Хаусе, Латимер попросил разрешения отправиться вместе с ними. Священник подумал, что несчастным движет ностальгия желание посмотреть дом, не привлекая внимания к собственной персоне, и разрешил, что вполне естественно. Святому отцу не пришло в голову, что причина может оказаться иной или Латимер останется в доме, когда остальные уйдут. Вот почему он испугался, когда утром мы обратились к нему за разъяснениями.

Истинная цель Латимера была далеко не столь невинной. Он знал, что новый владелец из года в год празднует Рождество, и приехал сюда с намерением проникнуть в дом и чем-нибудь поживиться. Выступление церковного хора открыло возможность для осуществления плана, а что делать дальше, он придумал заранее. Нужно было отстать от хора — что в суете совсем не сложно — и спрятаться в тайнике. Латимер знал, что при необходимости сможет оставаться тут сколько угодно. Открывать и закрывать дверь он давно научился.

- Что навело вас на его след? изумленно спросил Николас Блейз.
- Случайная встреча. Когда я сюда приехал, Латимер стоял у ворот и смотрел на дом с откровенной ненавистью ко всем, кто здесь живет. Полагаю, выражение его лица заставило меня обратить на него внимание и запомнить, а когда Дени Арден привела в галерею и показала потрет, в глаза бросилось очевидное сходство. Поначалу я не придал данному факту особого значения, но заметив Латимера среди хористов, задумался всерьез. К этому времени мне уже довелось услышать имя последнего владельца, а когда священник сообщил, как зовут этого человека, стало ясно, что случайное совпадение невозможно.

Николас Блейз стоял, сосредоточенно глядя в окно, и о чем-то думал. Вдруг он обернулся и воскликнул:

- Колье! Вот его цель! Латимер явился сюда за колье!
- Возможно, он пришел за ним, но так и не украл, возразил Мордекай Тремейн. Большой дубовый сундук, который он заметил во время первого посещения комнаты, по-прежнему стоял у стены, и он присел на крышку. История Латимера не единственная в этом запутанном деле, Ник. Начав искать главную нить убийства, неожиданно сталкиваешься с множеством странных обстоятельств. Мне необходима ваша помощь. Надеюсь, вы сумеете прояснить подробности, о которых я могу лишь догадываться. Например, расскажете о Шарлотте Грейм. Бедняжка хочет выйти замуж, а Бенедикт не одобряет желание сестры. Верно?

Николас Блейз смутился и растерялся, но все-таки ответил:

— Думаю, уже бессмысленно что-либо скрывать. Шарлотта влюблена в Бретта — того самого мужчину, который играл в дартс в гостинице. Они хотели бежать вместе.

Мордекай Тремейн вздохнул:

- Я видел их в Калнфорде, а когда позднее мисс Грейм отказалась признать, что ездила в город, понял, что между ними что-то есть. Миссис Тристам тоже каким-то образом замешана?
- Она старается повлиять на Бенедикта. Поддерживает подругу. Когда вы спрашивали меня в первый раз, я боялся сказать лишнее, чтобы не навредить Шарлотте.
- Услышав в ночь убийства ее пронзительный крик, я сразу сообразил, в чем дело, пояснил Мордекай Тремейн. Она выдала себя. Кричала так громко вовсе не потому, что испугалась при виде мертвого Джереми Рейнера, а с определенной целью: предупредить кого-то об опасности. Сказала, мол, не могла уснуть и спустилась, чтобы выяснить, откуда доносятся странные звуки, но почему-то пришла не в халате, как можно было ожидать в поздний час, а полностью одетой.

В ту ночь мисс Грейм собиралась убежать с Бреттом: он ждал ее возле дома, — а кричала, чтобы сообщить возлюбленному, что необходимо срочно уходить. Именно с ним столкнулся Роджер Уинтон: в гостинице я заметил на его лице

синяки, и на следующий день Шарлотта тайком отправилась в деревню, чтобы встретиться с Бреттом, рассказать, что произошло, и узнать, подозревает ли его полиция.

Николас Блейз внимательно выслушал предположения Тремейна и посмотрел на него с уважением:

- Вы правы, все именно так и было. Шарлотта сама мне рассказала. Видимо, почувствовала необходимость с кем-то поделиться. Она всегда доверяла мне. Попросила дать честное слово, что я сохраню ее секрет. Пришла в мою комнату, чтобы проститься перед побегом. Я знал, почему она была одетой, но не мог... не имел права сказать вам.
- Вряд ли это уже имеет какое-то значение, медленно произнес Мордекай Тремейн. Ни Бретт, ни Шарлотта Грейм не причастны к преступлению. Тот факт, что запланированный побег совпал с убийством, запутал дело, но их невиновность сомнений не вызывает. Он помолчал, поправил пенсне и заключил: Итак, с двумя действующими лицами мы разобрались. А теперь давайте поговорим об остальных членах компании. Если удастся исключить всех, кто не имеет отношения к преступлению, подозреваемый проявится более отчетливо.
- По-моему, сразу можно вычеркнуть Дени и Роджера Уинтона. Они вне подозрений, заявил секретарь. Кто в вашем списке следующий?
 - Тот, кто украл колье. Джеральд Бичли.
 - Джеральд? Вы уверены?
- Уверен настолько, насколько можно быть уверенным без определенных доказательств. Он крупно проиграл, и букмекер потребовал от него срочного погашения долга.
- Но Джеральд уже не раз попадал в затруднительные положения подобного свойства. Надо было лишь обратиться к Бенедикту.
- Мистер Бичли попросил у мистера Грейма денег. Но на сей раз благодетель отказался помочь. Я случайно встретил Джеральда после их разговора и сразу понял, что случилось. Бичли отчаянно нуждался в средствах и вспомнил о колье. Скорее всего убедил себя, что даже если его заподозрят в краже, на скандал Грейм не решится. Джеральд вошел в его комнату, увидел, что хозяина там нет, и украл бриллианты.

А потом удача покинула его. Произошло убийство. Бичли понял: если выяснится, что он вышел из своей комнаты и украл колье, то его могут обвинить в гибели Джереми Рейнера — при полном отсутствии алиби. К тому же Джеральд купил в Калнфорде костюм Санта-Клауса и ночью надел его. Теперь даже этот факт оказался опасным. Зная, что придется ответить за все сразу, он заперся в своей комнате и начал пить, желая заглушить страх.

- Джеральд разгуливал в костюме Санта-Клауса? удивился Николас Блейз. Но зачем ему это понадобилось?
- Вряд ли маскарад придумал он сам. Скорее всего нарядиться ему велел Бенедикт Грейм, а Джеральд Бичли побоялся возразить.

Секретарь беспомощно вскинул руки:

- Сюжет становится слишком сложным, Мордекай. С какой целью Бенедикт заставил Джеральда бродить по дому в образе Санта-Клауса?
- Подумайте хорошенько, Николас. Почему мистер Грейм так долго не открывал дверь, хотя прямо под ним Шарлотта надрывалась от крика? Его не было в комнате. Он дождался, пока все спустятся, чтобы вернуться к себе незамеченным, а потом так же дождался, пока за ним придут, желая показать, что все это время оставался на месте.

Грейм велел Джеральду надеть костюм Санта-Клауса, чтобы подстраховаться на случай, если кто-нибудь обнаружит, что его нет в комнате, и начнет задавать лишние вопросы. Мистер Бичли должен был сыграть его роль. Я и сам принял его за Бенедикта, когда выглянул из окна и увидел на террасе красную шубу. Таким образом, мистеру Грейму не пришлось бы объяснять, где именно он находился на самом деле. Скорее всего Бичли заподозрил нечто подобное и выбрал для кражи именно это время.

Несмотря на изумление, Николас Блейз прилежно старался постичь смысл запутанной истории.

- Где же находился Бенедикт в действительности? растерянно спросил он.
- В комнате Люси Тристам, невозмутимо ответил Мордекай Тремейн, и секретарь едва не утратил дар речи.

- Гле? В комнате Люси?
- Да. Разумеется, вместе с самой Люси Тристам. Он не мог в этом признаться. Как и она, сухо добавил Тремейн. Так что не нужно удивляться, что миссис Тристам постоянно нервничала. Возникла некрасивая ситуация. Джереми Рейнер убит, Бенедикт Грейм отсутствует в это время, оба в нее влюблены и ревнуют друг к другу. Когда полиция начала подозревать, в чем заключается алиби мистера Грейма, Люси поняла, что придется признаться, чтобы спасти его.
- Значит, вот в чем дело, промолвил Николас Блейз. Вот почему Бенедикт не спустился сразу.

Его длинные пальцы нервно переплелись. Секретарь явно переживал острое возбуждение, как человек, наконец-то увидевший путь в окружающей тьме.

— Теперь понимаю, Мордекай! — воскликнул он. — Отчетливо представляю все! Латимер проник в дом с мечтой о мести и с намерением украсть все, что попадется под руку. Дождался в тайнике, пока Бенедикт повесил на елку подарки, а потом вышел и принялся снимать их. Почти закончил, когда из сторожки вернулся Джереми и прошел через французское окно. Он тоже был в костюме Санта-Клауса — зачем, это еще предстоит выяснить, — и Латимер принял его за Бенедикта. Да, Мордекай: Латимер решил, что это Бенедикт!

На воровстве его поймал самый ненавистный человек — тот, кто купил дом. Последняя горькая капля переполнила чашу терпения. Увидев красную шубу, Латимер выстрелил в Бенедикта и убил. А потом понял, что совершил преступление, и бросился бежать прямо по лужайке, пытаясь спастись!

От волнения Николас Блейз начал задыхаться. Тремейн поправил сползшее на кончик носа пенсне. Никогда еще он не выглядел таким добродушным и безобидным.

- Вы почти попали в точку, мягко произнес он. Джереми Рейнера действительно убили по ошибке, вместо Бенедикта Грейма, вот только убийца не Латимер.
- Не Латимер? пробормотал Николас Блейз. Тогда кто же?
 - Вы, Ник, негромко ответил Мордекай Тремейн.

Глава 18

Воцарилось молчание. А потом Николас Блейз неуверенно проговорил:

— Не думаю, Мордекай, что последнее замечание соответствует хорошему вкусу.

Тремейн медленно встал с дубового сундука, на котором силел.

 Убийство также не соответствует хорошему вкусу, бесстрастно заметил он.

Тремейн поднял тяжелую крышку, сунул руку внутрь и принялся что-то на ощупь искать среди накопившегося за долгие годы хлама. На дне он обнаружил небольшой мешок. Тремейн вытащил находку из сундука, раскрыл и достал содержимое: кусок цветной бечевки, украшенную блестками бумагу и странную коллекцию вещиц, среди которых оказались карманные часы, авторучка, брошка с драгоценными камнями и кожаный несессер.

Николас Блейз дышал лихорадочно. В его темных глазах застыла неуверенность и смертельный страх.

- Что это такое? спросил он дрожащим голосом.
- Вам лучше знать. Вы спрятали сюда эти предметы, сняв с елки. Решили, что хранить их у себя опасно, но уничтожить не смогли и не отважились вынести из дома. Очевидно, вспомнили о старом сундуке и спрятали до лучших времен в надежде, что даже если кто-нибудь найдет, то о вас не подумает.

Блейз нервно облизнул губы:

- Вы с ума сошли! Зачем мне понадобилось убивать Бенедикта?
- Причина простая и древняя, пожал плечами Тремейн. Деньги.

Секретарь попытался изобразить презрение:

- Какой смысл? Убив Бенедикта, я бы лишился работы. Вряд ли в завещании меня ждет крупная сумма тем более такая, ради которой стоило бы ускорить кончину хозяина.
- Вы разработали план. Не сомневаюсь, что даже убедились, что Бенедикт не завещал вам подозрительно большого наследства. Хотели доказать полиции, что его смерть

ничего вам не даст. Более того, пытались создать впечатление, будто вас ждут убытки, поскольку ваши отношения с мистером Греймом выходили за рамки служебных. Но наследство вас не интересовало. Вы знали, что, убив Бенедикта Грейма, обеспечите себе источник средств, который не иссякнет долгие годы.

- И что же это за золотые копи?
- Шантаж, ответил Мордекай Тремейн ледяным тоном. Сразу после приезда мне бросился в глаза всеобщий интерес к елке. Причем интерес совсем не простой. Обитатели дома казались очарованными, едва ли не загипнотизированными. Джереми Рейнер вошел в комнату, когда вы с мистером Греймом наряжали елку, и замер, не в силах отвести взгляд. Профессора Лорринга я обнаружил сидящим почти в полной темноте с таким видом, словно он собирается разрубить несчастное дерево на куски. А Остин Деламер, едва приехав, спросил, стоит ли уже елка.

Естественно, мне хотелось понять, чем именно заурядное дерево привлекло повышенное внимание гостей мистера Грейма. Причем внимание откровенно недружественное. С виду самая обычная елка. Более того, идея Бенедикта показалась мне очень милой. Я увидел лишь старинную рождественскую традицию: нарядить елку и приготовить каждому небольшой, но приятный подарок.

Однако простое объяснение никак не соответствовало тем событиям, которые происходили в действительности. Дерево вызывало у людей неприязнь и даже страх. Попытка найти причину странных чувств привела меня к нескольким любопытным открытиям.

В частности, выяснилось, что из года в год в доме собирались одни и те же люди. Каждый из них считал важным провести Рождество вместе с Бенедиктом Греймом. Например, Остин Деламер приехал, несмотря на крайнюю занятость. Джереми Рейнер собирался отправиться в Америку, но отменил запланированное путешествие. Не исключено, конечно, что, обожая Бенедикта и зная о восторженном отношении доброго друга к Рождеству, все боялись обидеть его. Но почему-то эта версия не внушала мне доверия.

Сомнение вызвало присутствие Эрнеста Лорринга. Профессор приехал впервые, так что не мог разделить общего поклонения дружбе и верности традициям. Да и в компанию абсолютно не вписывался. Не хотел ни с кем общаться и не выказывал ни малейшего намека на рождественское настроение. Возникало впечатление, что мистер Лорринг явился в Шербрум-Хаус против своей воли. Далее: Джереми Рейнер отказался от поездки в Америку. Даже Дени Арден не знала, почему он вдруг изменил планы. Если просто не хотел разочаровать мистера Грейма, то мог бы сказать об этом прямо.

Николас Блейз слушал молча, устремив на Тремейна полный ненависти взгляд.

— Вызвали сомнение и другие обстоятельства — например, отношение мистера Рейнера к Роджеру Уинтону. Поначалу они дружили, но потом Джереми внезапно изменился. Без видимой причины — так же, как позднее отменил путешествие за океан, — проникся к молодому человеку ненавистью и наотрез отказался дать согласие на брак. Во всяком случае, такое впечатление складывалось у стороннего наблюдателя, однако Шарлотта Грейм по секрету сообщила мне, что на самом деле Рейнер хорошо относился к Роджеру.

Далее пришлось задуматься о необычном поведении самой Шарлотты. Она почему-то побоялась подтвердить, что ездила в Калнфорд. Постаралась скрыть отношения с Бреттом, хотя в ее возрасте женщина имеет полное право поступать по собственному усмотрению. Кстати, именно Шарлотта поведала еще одну интересную подробность. Сказала, что, несмотря на репутацию заядлого шутника, Джеральд Бичли не имеет склонности к розыгрышам.

И наконец, Напьеры. Они отнюдь не производили впечатления супругов, довольных тихой деревенской жизнью. Напротив, Напьеры были скованными и напряженными, а на мои расспросы, давно ли живут в Шербруме и когда познакомились с Бенедиктом, отвечали уклончиво и невнятно.

Мордекай Тремейн замолчал, открыл окно и посмотрел на плывущие по небу легкие облака. В комнате воцарилась тишина. В эту минуту и он сам, и его собеседник словно находились в далеком, отрезанном от жизни и людей мире.

— И вот после долгих размышлений мне показалось, будто сложившаяся в доме странная ситуация может иметь лишь одно логичное объяснение, — продолжил Тремейн. — Если взрослые разумные люди делают то, чего не хотят, значит, у них нет выбора. Их заставляют поступать против воли. Нить привела к Бенедикту Грейму, ведь всех объединяло одно-единственное обстоятельство: гости постоянно приезжали к нему на Рождество и получали подарки с его елки.

Именно елка играла в драме главную роль. Страх перед ней ощущался в каждом из участников праздника и рождал напряжение, заметное даже под напускным весельем. Конечно, дерево служило лишь символом власти и всемогущества хозячна. Человек должен был немедленно исполнить любую его прихоть.

Шантаж не был банальным, грубым, требующим денег, денег и снова денег. Нет, он разрушал личность жертвы. Деньги Бенедикта Грейма не интересуют — возможно, потому, что на личные нужды ему хватает, материальная сторона жизни его мало привлекает. Он мечтает о материи менее ощутимой, но более страшной — о власти!

Вот что скрывается за внешне веселыми рождественскими праздниками. Их устраивает не бессмертный мистер Пиквик, с восторгом расточающий благодушие и доброту. Нет, здесь правит бал всемогущий тиран, с наслаждением хлестающий кнутом над головами рабов.

Взгляд Мордекая Тремейна утратил мягкость и доброжелательность. Сейчас в его глазах мелькал гнев.

— Под видом рождественского восторга мистер Грейм глумится и над самим праздником, и над его участниками: намеренно вселяет веру в собственную щедрость, человеколюбие и преданность традициям, чтобы сильнее мучить и терзать своих жертв.

Он знал, что никто не осмелится открыть правду. Все собравшиеся в Шербрум-Хаусе гости поддержат видимость старомодного веселого Рождества. Ему нравилось причинять людям страдание: исполнять роль щедрого хозяина и наблюдать, как покорно жертвы танцуют под его дудочку, скрывая унижение и бессильную ненависть.

Задыхаясь, Николас Блейз засунул палец за воротник, потянул и с трудом произнес:

- Даже если бы невероятная история соответствовала правде, то каковы доказательства моего участия в преступлении?
- Доказательств более чем достаточно, чтобы повесить вас, ответил Мордекай Тремейн. Полагаю, тайны Бенедикта Грейма вы постигали постепенно, шаг за шагом добиваясь все большего доверия. Вряд ли он сам что-то говорил вам, но увиденного и услышанного было достаточно, чтобы заподозрить неладное. Поняв, что происходит нечто странное, вы начали целенаправленно выяснять, что именно. Не сомневаюсь, что, докопавшись до правды, сказали себе, что Бенедикт Грейм упускает ценную возможность. Обладая его знаниями, вы бы смогли извлечь настоящую выгоду. Вы небогаты, а потому, в отличие от хозяина, умеете ценить деньги.

Даже раскрыв секреты постоянных гостей, вы не осмелились устроить собственный шантаж. Побоялись рискнуть. Кто-нибудь из них мог рассказать мистеру Грейму, или он сам мог узнать, и тогда бы вас разоблачили. Подобная перспектива не радует ни одного шантажиста. И вы приговорили Бенедикта к смерти.

Естественно, отправиться на виселицу по обвинению в убийстве вам не хотелось. Покончить с Греймом следовало таким способом, чтобы остаться вне подозрений. Не знаю, как долго вы разрабатывали план, но не оставили на волю случая даже мелочи. Именно поэтому убедили мистера Грейма пригласить меня на Рождество.

Однажды приятель назвал меня магнитом для убийств. Сказал, что там, где я появляюсь, обязательно происходит преступление. Когда погиб Джереми Рейнер, я вспомнил его слова. Получилось, что каким-то странным образом убийство действительно преследовало меня. Однако в данном случае объяснить совпадение легко. Это конкретное убийство было тщательно спланировано, и преступник — то есть вы — заранее позаботился о моем присутствии. Я понадобился вам потому, что пользуюсь доверием полиции, и вы собирались заранее вложить в мое сознание нужные идеи, чтобы после

убийства я передал их офицерам. Именно этим соображением объясняется постскриптум к приглашению. С самого начала вы пытались внушить мне, будто в доме происходит нечто необычное.

А как только я появился, вы тонко намекнули, что Джереми Рейнер стал причиной возникших у мистера Грейма проблем. Вы собрались возложить ответственность за убийство на Рейнера и предусмотрительно, обстоятельно занялись подготовкой почвы для подлога.

Убийство назначили в сочельник, зная, что, после того, как все разойдутся по комнатам, мистер Грейм в одиночестве займется любимым делом — начнет вешать подарки на елку. Именно на это время вы рассчитывали.

Из комнаты Джереми Рейнера вы украли пистолет, постаравшись при этом не стереть отпечатки пальцев, а когда все разошлись, но мистер Грейм в костюме Санта-Клауса еще не появился, укрепили оружие под елкой, в ящике с землей. Курок реагирует на легкое воздействие. Вы привязали к нему тонкую бечевку, а второй конец протянули в глубину дерева, перекинули через верхнюю ветку, спустили к карточке с именем мистера Рейнера и натянули до предела. Малейшая попытка наклонить ветку закончилась бы выстрелом.

Вы участвовали в установке и украшении елки, так что имели возможность предусмотреть все важные детали. Наверное, потребовался точный расчет положения пистолета, но вы из года в год пристально наблюдали за мистером Греймом, а потому в данном вопросе нужно было лишь внимание.

Действуя согласно разработанному плану, вы — якобы от имени хозяина — велели Джереми Рейнеру поздно вечером отправиться в сторожку и оставить там кольцо с печатью. Подобный приказ вполне соответствовал духу мистера Грейма — так же как принуждение Джеральда Бичли к нелепым розыгрышам, которые все считали его любимым развлечением. В том, что Рейнер подчинится, вы не сомневались. А сделали это для того, чтобы в нужное время выманить его из комнаты, сразу поставив под подозрение.

Еще одной уликой должен был послужить оставленный на ветке подарок для Джереми. Приказы жертвам Бенедикт

Грейм вкладывал в подарки в виде коротких, отпечатанных на машинке записок. Подарок Рейнера предназначался полиции. Прочитав записку, офицеры сразу поняли бы, что хозяин шантажировал его.

Таким образом, мотив преступления не вызывал сомнений. С учетом пистолета, который вы оставили в его комнате едва ли не на самом видном месте, и факта, что во время убийства самого Рейнера в этой комнате не оказалось бы, оправдаться ему было бы нелегко. Правда, вам пришлось заранее снять с дерева остальные подарки, чтобы полиция не догадалась, что шантажировали здесь не только Рейнера, но и других.

Преодолев оцепенение, Николас Блейз с трудом проговорил:

- В вашей версии план предстает настолько очевидным, что я не могу понять, почему он не сработал так, как было задумано.
- По той же причине, по которой не работают все остальные преступные планы: нельзя предвидеть, что произойдет на самом деле. Вы сообразили, что Джереми Рейнер пытался освободиться от власти Бенедикта Грейма. Это обстоятельство играло в вашу пользу, поскольку укрепляло его мотивацию. Но вам даже в голову не пришло, что, вешая на ветки подарки, Бенедикт Грейм воспользуется стремянкой.

Данный факт разрушил все ваши сложные расчеты. Мистер Грейм спешил. Он собирался отправиться к Люси Тристам, а потому экономил драгоценное время. Стремянка осталась в комнате с утра, он принес ее и поднялся на нужную ступеньку. Следовательно, ему не понадобилось тянуться к верхней ветке. Он не дернул шнур, и выстрел не прозвучал. И все-таки даже это обстоятельство могло не стать критическим. Нужно было лишь убрать пистолет, и никто никогда не заподозрил бы вас в попытке убийства.

Однако судьба подготовила еще два непредвиденных фактора. Во-первых, именно этой ночью Шарлотта Грейм собралась сбежать из дома и пришла к вам в комнату, чтобы поделиться своими намерениями и проститься. Из-за ее визита вы не смогли вовремя спуститься и проверить, как обстоят дела. А во-вторых, из сторожки вернулся Джереми

Рейнер. В своей драме вы отвели Рейнеру главную роль, но не предусмотрели, что он может внести собственные поправки. Джереми раздобыл костюм Санта-Клауса — несомненно, чтобы походить на Бенедикта Грейма, — вошел в дом и принялся срезать с елки подарки.

Что он готовился предпринять, мы уже не узнаем, но ясно одно: Рейнер хотел выяснить имена других жертв шантажа и организовать некий союз против мучителя. Шарлотта передала его слова: «Все должно измениться». Не трудно догадаться, что имел в виду несчастный Джереми. На дереве остались кусочки шнура. Осмелюсь предположить, что Рейнер собирался осмотреть подарки в своей комнате, а позднее, когда все уже уснут, вернуть их на место. Свой подарок он оставил напоследок. Потянул за ветку...

Когда вы наконец спустились, то увидели лежавшего лицом вниз Санта-Клауса и решили, что план сработал безупречно: Бенедикт Грейм мертв. В темноте не заметили на ветках остатков шнура, а задержаться и посмотреть внимательно не захотели по понятной причине. Увидели рядом с телом мешок, а на елке — один-единственный подарок, и подумали, что Бенедикт Грейм начал с верхней ветки и сразу погиб, не успев повесить остальные свертки. Вы обрезали бечевку, унесли мешок и пистолет, чтобы потом вернуть его в комнату Рейнера. Времени для этого оказалось более чем достаточно.

Множество улик против Джереми Рейнера заставило меня заподозрить, что он погиб по ошибке. Казалось, Рейнер должен был стать не жертвой, а убийцей, и возник вопрос, кому предстояло умереть. Он лежал в костюме более характерном для мистера Грейма, а пуля прошла по странной траектории. Чтобы совершить такой выстрел, преступник должен был лечь на пол и прицелиться снизу вверх.

Я внимательно осмотрел дерево и обнаружил на верхней ветке остаток шнура. Он отличался от всех остальных: был зеленым, под цвет хвои. Кроме того, в земле была вмятина, похожая на рукоятку пистолета, а одна из нижних игрушек разбилась. Причем остатки колокольчика висели как раз на той линии, по которой пуля пролетела от основания дерева

вверх, к поднявшему руку человеку. Следовательно, убийца не присутствовал на месте преступления, и оттого возможность ошибки возрастала.

Мордекай Тремейн пристально посмотрел поверх пенсне на секретаря и спросил:

— Помните, что произошло, когда Шарлотта Грейм закричала? Вы пришли одним из последних. В суматохе никто не обратил внимания на данное обстоятельство, а потом все отправились к Бенедикту Грейму. Когда я впоследствии начал восстанавливать в памяти ход событий, то удивился вашему опозданию: вы как будто уже знали, что произошло, и намеренно тянули время. К тому же вы мало походили на человека, который только что проснулся. Даже волосы были аккуратно причесаны, словно вы специально привели себя в порядок... или вообще не ложились спать.

Помните, что было дальше? Вы даже не посмотрели на тело, а сразу повернулись ко мне и потребовали найти убийцу Бенедикта Грейма. Иными словами, даже не усомнились, что возле елки лежит именно он.

Сам по себе факт не имеет решающего значения. Не вы один сгоряча решили, будто погиб Бенедикт Грейм. Несомненно, так подумал Эрнест Лорринг, да и многие другие тоже. Кроме Люси Тристам — а теперь нам известно, что у нее имелись на то веские основания, — только Дени Арден сразу узнала Рейнера.

Причина ясна: в отличие от остальных Дени Арден не знала о шантаже и не предполагала, что для убийства Бенедикта Грейма существовал серьезный повод. Полагаю, именно это заставило Эрнеста Лорринга украсть с елки последний подарок. Для него шантаж только начинался. Он впервые приехал в Шербрум-Хаус, и хотя догадывался о роли свертков, точно ничего не знал, а потому, чтобы выяснить обстоятельства до приезда полиции, снял единственный оставшийся подарок.

Кстати, та манера, с которой вы обратили внимание на последний сверток, выдала вашу осведомленность. Все остальные слишком остро переживали факт убийства, чтобы заметить подобную мелочь, а вы — нет. Вы заранее знали, что этот подарок висит на месте, и хотели показать его.

Разрозненные мелкие детали сложились в единую картину и обрели смысл. А поскольку я быстро понял, что умереть предстояло Бенедикту Грейму, выстроилась очевидная цепь событий. На полу перед елкой было четыре следа от ножек стремянки. Я попросил мистера Грейма достать для меня карточку с именем Рейнера, и он сразу пошел за лестницей. С этого момента я уже не сомневался: то же самое он сделал в сочельник и спас собственную жизнь.

Мордекай Тремейн говорил жестко. Сейчас в его голосе не осталось даже намека на обычную сентиментальность.

— Наверное, обнаружив труп Джереми Рейнера, вы пережили страшные минуты. Увидели, что план рухнул, но не сумели понять, как и почему это случилось. Почувствовали нависшую опасность и попытались приспособиться к новой ситуации, не выдав себя.

Но все же выдали. Вы настолько свыклись с мыслью о смерти Бенедикта Грейма, что даже не вспомнили о нем и не удивились его отсутствию. Прошло немало времени, прежде чем вы осознали, что Грейма нет в комнате. Ваша позиция основывалась на предположении, что хозяин уже здесь — в роли жертвы.

Какую страшную панику вам пришлось пережить! Тщательно выстроенное здание рухнуло по непонятной причине, которую не удалось предугадать. Именно поэтому вы настойчиво расспрашивали о случившемся Шарлотту. Внезапно утратили интерес к поискам убийцы — после того как вошли в комнату с экстравагантным требованием немедленно раскрыть преступление.

Вскоре самообладание вернулось к вам, и возник новый план: если не удалось физически устранить Бенедикта Грейма, то почему бы не избавиться от него другим путем — обвинив в убийстве? Вы сделали вид, будто потрясены подозрениями, но на самом деле все протесты имели одну цель: привлечь внимание к хозяину дома.

Чересчур энергичные возражения выдали реальные намерения. Признаюсь честно: именно ваше поведение убедило меня, что шантаж Бенедикта Грейма раскрыт. Во время обсуждения возможных подозреваемых лиц вы вроде не верили, что кто-то из обитателей дома может иметь темные секреты, однако заговорили о тех людях, у кого такие секреты точно были.

Недавно вы вновь изменили тактику и начали горячо уверять меня в невиновности мистера Грейма. Полагаю, причина кроется в том, что он проник в суть преступления и заставил вас плясать под свою дудку. Ирония судьбы, не так ли? Пытались убить хозяина, чтобы занять его место в шантаже, а вместо этого не просто сами стали очередной жертвой, но дали ему величайшую власть над жизнью и смертью, власть в любую минуту отправить вас на виселицу!

Николас Блейз подходил все ближе и теперь стоял почти вплотную к Тремейну, пронзая его безумным взглядом.

— Вы правы, — процедил он. — Бенедикт действительно понял, кто и каким образом убил Рейнера. И начал щелкать кнутом, как щелкал над головой самого Джереми, как продолжает щелкать над головами Бичли, Деламера и Лорринга. Бенедикт обожает власть. Ему доставляет удовольствие приказывать Джеральду совершать глупости, запрещать Шарлотте выйти замуж, принуждать Джереми мучить Роджера и Дени.

Все это дело рук Бенедикта Грейма. Джереми хорошо относился к Уинтону и понимал, что своим отказом дать согласие на брак терзает Дени. И все же не осмеливался возразить, поскольку Бенедикт мог отправить его под суд и на виселицу из-за каких-то темных дел в Южной Африке. К тому же мистер Грейм угрожал рассказать Дени, что Рейнер разорил и обрек на смерть ее отца, а Джереми любил ее как родную дочь.

Как вы правильно поняли, все это я выяснял постепенно — и о празднике, и о елке. Со временем стало ясно, что Бенедикт вовсе не милый добряк, а злобный садист, дьявол, терзающий людей. Я решил убить его и взять дом в свои руки. Конечно, не из чистого альтруизма: хотел получить деньги, — но в итоге жертвам стало бы легче. Во всяком случае, они бы знали, сколько платить, и не терпели изощренных мук, которым постоянно подвергал их Бенедикт.

Голос Николаса Блейза задрожал от ненависти:

Ему известно, как устроить невыносимую пытку.
 Специально для меня организовал вчера жуткие салонные

игры. Знал, что не смогу отказаться, и наслаждался собственным могуществом.

Я тщательно обдумал каждый шаг, выбрал лучшее время. Тысячу раз все проверил; даже заранее убедился, что Джереми выполнит любую команду, отданную от имени Бенедикта. Оставил в его комнате записку по примеру самого Бенедикта: поручил перепечатать огромную статью из «Файнэншл таймс» и отправить по лондонскому адресу. Он все сделал точно и без возражений.

Ничто не предвещало провала. Особенно удачной казалась идея пригласить вас, чтобы вы влияли на полицию, а также служили моими глазами и ушами, сообщая обо всем, что происходит.

Николас Блейз схватил Тремейна за плечи. Сильные ладони медленно, но верно подбирались к горлу.

— Но вы оказались чертовски умны, — тихо проговорил он. — Поняли все и сразу. Так что должны понять и то, что я не признал бы вины без особой на то причины. В этой комнате томилась леди Изабелла. Она выбросилась из окна и разбилась на каменной террасе. А вы вылезете на балюстраду, чтобы рассмотреть что-то на крыше, и поскользнетесь на тающем снегу. Я постараюсь спасти вас, но будет слишком поздно. Конечно, лицо мое исказится горем. Все скажут, что произошел несчастный случай. И никто, никто не узнает того, о чем вы только что так красноречиво мне поведали.

Мордекай Тремейн с усилием вздохнул: сердце стучало тяжело и громко, сознание меркло под гипнотическим взглядом темных глаз, — но все-таки сумел прошептать:

Ошибаетесь: один человек будет знать, потому что все вилел.

Хватка ослабла. Николас Блейз недоверчиво воскликнул:

- Лжете! Пытаетесь выиграть время! Это невозможно!
- Возможно, уверенно возразил Мордекай Тремейн. Вы забыли, что все это время в тайнике скрывался Дезмонд Латимер. Он увидел, как вы спрятали под елкой пистолет, но выйти побоялся, потому что в доме еще не спали. А потом точно так же увидел, как после убийства вы пришли и забрали оружие.

Теперь его голос звучал почти спокойно. По лицу Николаса Блейза Тремейн понял, что сумел разрушить наваждение, и холодно добавил:

К тому же я не настолько глуп, чтобы явиться сюда одному.

Дверь распахнулась. Николас Блейз мгновенно отпрянул и с хриплым звериным рычанием прыгнул на подоконник, а в следующее мгновение уже скорчился возле каменной балюстрады лицом к окну. В руке его появился пистолет. Суперинтендант Кэннок громко крикнул:

Игра закончена! Лучше сдайтесь сразу. Сопротивление бесполезно.

Николас Блейз еще тяжело дышал после стремительного рывка, однако уже успел прийти в себя.

— Отличный ход, суперинтендант. Значит, все это время вы стояли за дверью и слушали. Как же я сразу не догалался?

Кэннок шагнул к окну.

— Если не хотите сделать конкретное заявление, можете ничего не говорить, — предупредил он.

Николас Блейз презрительно усмехнулся:

- Это официальное оповещение от имени полиции? Не беспокойтесь, суперинтендант. Боюсь, оставляю после себя некрасивую историю, но не сомневаюсь, что вы сумеете не допустить в газеты самые грязные подробности. Джеральд вернет колье, а Бенедикт не захочет скандала и не заявит о краже. Что же касается самого мистера Грейма, то ему придется прекратить шантаж. Сомневаюсь, правда, что вам удастся выдвинуть против него обвинение. Жертвы побоятся выступить в качестве свидетелей. Возможно, Бенедикт даже женится на Люси. Кажется, он влюблен по-настоящему, поэтому и заставил Напьеров поселить красотку у себя. Странно, правда? Великолепная Люси увлеклась как школьница!
- Немедленно вернитесь в комнату! потребовал Мордекай Тремейн. Уберите пистолет и вернитесь.
- Чтобы вы меня повесили? Не испытываю особого желания. Передайте Дени, что я люблю ее. Надеюсь, она найдет счастье вместе со своим молодым человеком.

Прежде чем Тремейн и Кэннок успели сообразить, что происходит, Блейз залез на балюстраду и выпрямился. На фоне медленно плывущих облаков четко обозначился его темный силуэт.

— Жаль, что не подумал о капсуле с цианистым калием. Было бы значительно проще. Прощайте, Мордекай. Зря я вас сюда пригласил.

Блейз неожиданно взмахнул пистолетом и рассмеялся при виде реакции своих врагов.

— Не бойтесь, он не заряжен. Настоящего убийцы из меня так и не получилось!

Суперинтендант Кэннок понял, что должно произойти в следующее мгновение, и бросился к окну, однако вытянутая рука словно схватила воздух. Николас Блейз шагнул в пустоту.

Содержание

УБИЙСТВО НА РОЖДЕСТВО. Перевод Т. Осиной	. 5
ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ. Перевод У. Сапциной	217

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дункан Фрэнсис

УБИЙСТВО НА РОЖДЕСТВО ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ

СБОРНИК

Ответственный редактор Л. Качковская Художественный редактор Е. Фрей Технический редактор Н. Духанина Компьютерная верстка З. Полосухиной Корректор М. Мазалова

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж. Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-қабат. Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: neoclassic @ast.ru

> **Интернет-магазин:** www.book24.kz **Интернет-дүкен:** www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы». Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС. Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан: TOO «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖЦС, Алматы к., Домбровский кеш., 3-а-, литер Б, офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; Е-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

мнің жарамдылық мерзімі шектелмеге

Өндірген мемлекет: Ресей Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 06.09.2018. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж экз. Заказ

BOOK24.RU

ISBN 978-5-17-102226-6 785171 022266 >

